

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
К.К. Красоўскі

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

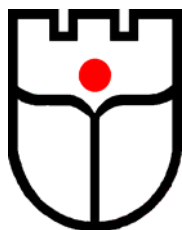
НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С. Пушкіна»

№ 1 / 2010

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі № 9 ад 15.01.2010 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта»
ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навуках

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
K.K. Krasovski

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatyl
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikav
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2010

According to the order of Supreme certification commission № 9
from January 15, 2010, the journal «Vesnik of Brest University» was included
to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results
of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Философия истории: белорусский контекст	5
Мацевич М.Я. Граница рационального и иррационального в культуре глобализирующегося мира	16
Трамбицкий В.В. Вечное и временное в отечественной и западной философии	23

ПАЛІТАЛОГІЯ

Ватьль В.Н. Социально-политическая модернизация: дискурсивный анализ	32
Решетников С.В., Решетникова Т.С. Оценка последствий общественной политики: функциональный анализ	38
Антанович Н.А. Индексы как измерительный инструмент в политологии	51
Лысюк А.И. Образ политического лидера: структура и детерминанты	60
Гусев А.В. Инновационный путь развития – императив XXI века	70
Абраменко Е.Г. Парламентаризм как элемент политической системы Республики Беларусь	77
Назаренко Л.Е. Политические и социокультурные ориентации сельских переселенцев и проблема адаптации мигрантов в городе в эпоху индустриализации	84
Клицунов А.И. Мировые вызовы и современная либеральная демократия	89

САЦЫЯЛОГІЯ

Яковук Т.И. Эволюция этики путешествий	96
Ярмох Эдвард. Семья как естественная среда формирования нравственных ценностей	103
Бреская О.Ю., Санюк Н.В. Внутри публичного события: перспектива с выставки-ярмарки «Брест православный»	112
Свидерский Анджей В. Христианская семья как потенциал и среда формирования нравственных ценностей человека	126
Мудров С.А. Христианское осмысление европейской интеграции: православный и католический взгляд	134
Брунс Б., Миггельбринг Ю. Восточная граница Европейского Союза: проблемы и перспективы функционирования	143
Амосова Т.В. Социология языка: проблемное поле и методы исследований	151
Звесткі аб аўтарах	161

CONTENTS

PHILOSOPHY

Lepeshko B.M. The Philosophy of History: Belarusian Context.....	5
Matsevich M.J. The Limits of the Rational and Irrational in World Globalized Culture	16
Trambitskij V.V. Eternal and Current in Native and Western Philosophy.	23

POLITOLOGY

Vatyl V.N. Social – Political Modernization: Discourse Analysis	32
Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Evaluation of Consequences of Public Policy: Functional Analysis.....	38
Antanovich N.A. Indexes as a Measure Instrument of Modern Political Science	51
Lysiuk A.I. Image of a Political Leader: Structure and Determinants	60
Gusev A.V. Innovative Way of Development the Imperative of the XXI Century.....	70
Abramenka E.G. Parliamentarism as an Element of Political System of the Republic of Belarus	77
Nazarenko L. Political and Socio-cultural Orientations of Rural Migrants and the Problem of their Adaptation in Town in Epoch of Industrialisation.....	84
Klitsunou A.I. World Challenges and Modern Liberal Democracy	89

SOCIOLOGY

Yakovuk T.I. Evolution of the Ethics of Tourism	96
Edward Jarmoh. Family as Natural Environment where Moral Values are Formed.....	103
Breskaya O.Y., Sanuk N.V. Inside the Public Event: Perspective from the Exhibition-fair “Orthodox Brest”	112
Sviderski Andjei V. A Christian Family as a Potential and as Environment for the Formation of Human Moral Values.....	126
Mudrov S.A. Christian Rethinking of European Integration: Orthodox and Catholic Perspectives	134
Bruns B., Miggelbring J. Eastern Border of European Council: Problems and Perspectives of Function	143
Amosova T.V. Sociology of Language: Research Field and Methods.....	151
Information about the authors	161

ФІЛАСОФІЯ

УДК 1(476)(091)

Б.М. Лепешко

ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ: БЕЛОРУССКИЙ КОНТЕКСТ

В статье, рассматриваются некоторые специфические для белорусского геополитического, интеллектуального пространства категории, высказывается критическая оценка в отношении ряда из них, предлагаются альтернативные варианты решения философско-исторических проблем.

Достаточно часто звучит мысль о том, что исторически положение Беларуси – «промежуточное». Некоторые российские, белорусские исследователи [1] защищают ту точку зрения, согласно которой «промежуточность» касается всей системы национальных координат, как временных, так и пространственных. То есть Беларусь постоянно находилась и находится «между» Востоком и Западом, католицизмом и православием, русским и польским языком и т.д. А такое положение нельзя назвать ни постоянным, ни комфортным, рано или поздно необходимо сделать выбор. «Промежуточности» придаётся столь большое значение, оно столь часто фигурирует в теоретических работах, университетских учебных пособиях, школьных учебниках по истории, что вполне может претендовать на некую «парадигму знания».

Здесь можно выдвинуть такие аргументы, оспаривающие данное, вроде бы бесспорное суждение. Даже если принять за основу тезис о «промежуточности», то, очевидно, этот термин нуждается в безупречном определении, со всем необходимым набором существенных черт. Есть ли такие черты у «промежуточной» Беларуси, её исторического пути? На наш взгляд, таких черт нет. Что, «колебание» между православием и католицизмом, Востоком и Западом – это и есть существенные черты «промежуточности»? В таком случае под определение «промежуточности» может попасть любая из сопредельных стран. Что, Россия «не колебалась»? Ещё как достаточно вспомнить известнейший спор между славянофилами и западниками. А, например, точку зрения знаменитого философа В. Соловьёва, призванного к новой экуменической теории и практике и, по преданию, перед смертью принявшего католичество, можно вполне представить как реальное и блестящее воплощение «промежуточности». Его же предшественник П. Чаадаев со своими эпатазирующими «Философическими письмами» может квалифицироваться как теоретический предтеча «промежуточности».

Но дело не только в России. Откроем, скажем, книгу современных польских историков, которая называется «История Польши с древнейших времён и до наших дней». Читаем в авторском посвящении читателям: «мы составляем частицу более чем тысячелетней истории европейского народа, веками жившего между двумя могучими стихиями – германской и великорусской, между двумя великими центрами культуры» [2]. То есть, вроде бы та же самая «прамежквасць»? Констатация та же, вот только выводы другие: не говорится о том, что это свидетельство «особого национального статуса», речь о том, что данное положение вещей было причиной формирования «особой души» польского народа. На «промежуточности» вообще проблема не заостряется.

Разговоры о «промежуточности» у нас – ненужные разговоры, поскольку нет «промежуточных» наций и таких же народов. Возможно, гораздо вернее констатировать, что «промежуточность» на деле есть «неопределённость», «неоформленность», становление, а не нечто установившееся. Намного более верным является в контексте

данных рассуждений понятие «мост», которым так же оперируют исследователи. Беларусь – «мост» между известными силами притяжения, эта формулировка не вызывает возражений. Метафорически можно утверждать, что любая страна – своего рода «мост» между соседями, и такая постановка вопроса даёт возможность почувствовать целостность истории, а не её разобщённость. В частности, гродненские исследователи в упоминавшейся фундаментальной монографии справедливо отмечают, что Беларусь всегда ощущала себя не центром, а неким буфером, краем. «Беларусь – это «коридор», «транзит», «мост» между цивилизациями, «окраина», страна, находящаяся на стратегическом перекрёстке...» [3]. Сравните: «перекрёсток», «мост» и «промежуточность» – это всё же не синонимы.

Когда утверждают «промежуточный» статус исторического пути страны, то, очевидно, исходят из благородной цели каким-то образом обосновать очевидное: трагически более позднее социальное, интеллектуальное «взросление», долгую неопределённость цивилизационного выбора, несамостоятельность, коренящуюся и в отсутствии национального государственного образования, и зримых проявлениях духовного творчества. Цель, может, благородная, а вот средства таковыми назвать нельзя. Поскольку само понятие «промежуточности», применённое к стране, народу, сознательно или нет, искажает суть вещей, мало того, дезориентирует исследователей. Почему? Например, в связи с тем, что метафизические рассуждения относительно таких категорий, как Восток, Запад, Север, Юг, – искусственны с точки зрения белорусской нации, хотя бы потому, что сам спор ей навязан, сами категории искусственны для людей, для которых на первом месте иные вещи и процессы. В данном случае не имеет значения, какое содержание вкладывается в категории «Восток», «Запад» и иные: сами категории не имеют никакого предметного содержания для нации. Вот, например, можно услышать рассуждения, что «Беларусь доўгі час захоўвала сваю прамежкавась і канчатковую недалучальнасць ні да Захаду, ні да Усходу» [4]. Мало того: исходя из этого тезиса, необходимо менять «модели»: «модель» Запад-Восток на «модель» Север-Юг. Следует взять слово «модель» в кавычки потому, что это исключительно соображения позднейших аналитиков, не имеющих никакого отношения к реальному процессу исторического развития и его осмыслению. То есть если Пётр Чаадаев, например, был «укоренён» в процесс цивилизационной самоидентификации и потому его «Письма» читаются не как «диссертация», а как кровоточащие откровения, то для позднейших аналитиков в нашей стране прошлое всего лишь «модель». Сколько этих моделей может быть и каковы они по сути – здесь возможен подлинный разгул творчества и фантазии. Кстати, в цитируемой нами работе минских учёных признаётся, что «нават да ХХ стагоддзя ў Беларусі не было адпаведных цэнтраў гуманітарных даследаванняў» [5]. Центров не было, а вот моделей появилось достаточно много. Необходимо только уточнять, что все «модели» не имеют никакого отношения к той реальной жизни, которой жили наши предки последние столетия.

«Промежуточность» (если принять, условно, этот термин) есть следствие государственной, интеллектуальной отсталости, и об этом надо говорить прямо. Если прибегнуть к аналогии, то какого человека можно назвать «промежуточным»? Очевидно, того, кто не определился, не сформировался, не заявил о своих предпочтениях. Нация, которую терзали на части со всех сторон, может быть названа «промежуточной» только в этом смысле. А все иные разговоры – лишь форма маскировки истинного положения дел.

Проблему «промежуточности» («прамежкавасці») – не самый удобный, кстати, термин) можно решить, например, таким способом: согласиться, скажем, с М. Кояловичем в части понимания нашей истории как истории «Западной Руси». Тогда всё встанёт на свои места и ни о какой «промежуточности» и речи быть не может. Но к концепции М. Кояловича мы ещё вернёмся, в том числе и в контексте пресловутой «промежу-

точности». Кстати, в этом аспекте для сторонников альтернативной точки зрения приемлема апелляция к пониманию нашей истории как истории «ВКЛ-ой» (читай европейской). Об этом, кстати, достаточно много говорится, и мы приводили соответствующие цитаты. Но ведь апелляция к ВКЛ (Европе) снимает саму идиологему «прамежквасці», поскольку нет никакой «прамежквасці», а есть единая Европа с богатством национальных особенностей стран, в неё входящих. То есть как концепция М. Кояловича, так и идиологема, основанная на том, что наша история – единая история ВКЛ, снимают и дезавуируют феномен «прамежквасці», с разных, естественно, методологических, мировоззренческих позиций.

Категория «промежуточности» основывается не на реальных процессах, а всё на той же «модели», суть которой заключается в попытке оправдать историческое существование страны, в малой степени реализовавшей и свою мечту о собственной государственности, и недостаточно полно доказавшей свою духовную состоятельность. Да, звучит не очень приятно для «национального уха», но во всяком случае без излишнего манипулирования абстрактными категориями, говоря проще, без обмана.

**

Вернёмся к понятию «модель» применительно к геополитическому положению страны и перспективам её развития. Сразу же надо оговорить два положения. Первое из них: работ концептуального характера по поводу неких моделей исторического развития страны, их сущности, иерархии и т.д. у нас, насколько известно, нет. Второе положение: понятие «модель» «привязывается», как правило, к пресловутой теории «прамежквасці», промежуточности.

Обратимся к точке зрения одного из белорусских авторов [6], в которой аргументируются метафизические предпосылки нахождения Беларуси между Западом и Востоком, а также возможность рассмотрения положения страны по оси Север – Юг.

Слово «метафизические» здесь употреблено исключительно в силу сложной терминологии, применяемой автором, как правило, схоластического свойства. Если же по существу первой дихотомии, дихотомии Восток – Запад, то исследователь на первое место ставит географический фактор. То есть «промежуточный» статус страны объективен по причинам природно-ландшафтного характера. Здесь и «главный европейский водораздел», и «истоки крупнейших европейских рек», как вывод, «падобныя водаразды і вытокі буйных рэк азначалі яшчэ й адмысловы сакральны статус гэтай зямлі» [7]. «Сакральный статус» вообще комментировать не будем: и потому, что автор деликатно обошёл эту проблему, и потому, что тёмное это дело.

Далее говорится о том, что Беларусь дорого заплатила за своё геополитическое положение: имеются в виду многочисленные жертвы в результате войн, набегов и столкновений иного характера. Здесь же упоминается (без аргументации) положение о том, что Беларусь до сих пор остаётся «зоной консервации староевропейской архаики». Вывод: положение между Западом и Востоком в качестве «промежуточной» инстанции не помогло процессу идентификации, поэтому надо обратиться к оси Север-Юг.

Оппозиция Север – Юг, по мнению автора, «фундаментальная», «более реалистическая», даже «аутентичная». Однако почему, по каким основаниям – исследователь ответа не даёт, ограничиваясь туманными аналогиями политологического характера.

Здесь стоит приветствовать попытку хотя бы в такой, ограниченной форме задуматься над философско-историческими (в частности) судьбами Беларуси. Безусловно, для детального разбора предложенной точки зрения нет материала, не ясно, в частности, каким образом модель Север – Юг может быть применена к рассматриваемым проблемам. Но есть смысл прибегнуть к следующим комментариям.

Исходный посыл – «прамежккавасць» – представляется ложным. Это – фактор второго, третьего порядка. Несложно привести десятки примеров, когда народ, страна находятся «между» геополитическими центрами, «между» реками, морями, океанами, конфессиями, но, однако, сводить весь процесс к этой констатации – значит заранее считать наш народ недееспособным.

Чтобы решить проблему, возможны разные варианты действий (методологический алгоритм). Скажем, алгоритм критического порядка. Почему бы, например, не попробовать «примерить» некоторые из популярных теоретических схем к нашей истории. Скажем, цивилизационный подход в редакции А. Тойнби. Или попробовать «привязать» к нашему региону теорию культурно-исторических типов Н. Данилевского. Или теории О. Шпенглера, П. Сорокина. Или подумать о возможности применения идей Вл. Соловьёва, в частности, его теократических идей. Говорю об этом и для того, чтобы иметь аргументированную возможность отметить неверное, то есть речь может идти не об «апологии», а о «критике». Но этой критики мы, кстати, не замечаем до сих пор. Кстати, точно также отсутствует аргументированная критика марксистских подходов. Хорошо бы услышать не просто «мянушки», вроде «каланіялізм», а достойную теоретическую «отповедь» марксистским «измышлениям».

Сложнее с алгоритмом позитивного характера. Здесь остаётся ждать теоретических откровений.

**

Проблема: культурная традиция и философия. Очевидно, что рассмотрение философских идей, жизни того или иного мыслителя вне культурного контекста немислимо. Это – понятно. Вопрос можно поставить в несколько ином аспекте: возможна ли ситуация, когда мыслителя фактически невозможно «обособить», «вычлениить» из культурного процесса?

Для того чтобы была более понятна постановка вопроса, обратимся к примерам. Вот, скажем, столь уважаемый Владимир Соловьёв, классик национальной и мировой философской мысли. Между прочим, избранный в 1900 году в Академию наук действительным членом по разряду изящной словесности. То есть связь Соловьёва-философа с Соловьёвым-художником столь прочна и столь естественна, что искать иные аргументы нет необходимости. Все понимают: «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» (1899 г.) – это и глубокое философское исследование, и культурное достояние нации.

Но у мыслителя есть труды, где общекультурные мотивы, традиции отступают на второй план, а на первом месте – собственно философское поле исследования. То есть то, что традиционно квалифицируют как проблемы гносеологии, онтологии и т.д. Это – налицо, то есть мы можем, если захотим, увидеть в Соловьёве «чистого» философа.

В белорусской интеллектуальной традиции до второй половины XIX века говорить о «чистой» философии («чистой», в смысле имеющей свою, чётко обозначенную предметную область) невозможно, поскольку она фактически отсутствует. Исследователи, которым данная констатация не нравится, которые относятся к таким утверждениям критически, выдвигают формулу, основанную на «практиках мышления». То есть да, соглашались они, таких развёрнутых текстов, как платоновские и сократовские размышления, своей «Суммы теологии» и разного рода «Критик» мы не создали, зато можем достаточно уверенно говорить о «практиках мышления». «Практики мышления» в данном контексте – все тексты, чаще всего общекультурного содержания, которые можно представлять как тексты рефлексивные, а потому философские. Скажем,

работы крупных писателей, поэтов. Публицистические произведения и глубококомысленные эссе.

Но на этом вопросы, связанные с традицией, не заканчиваются. Вновь говорится о «прамежквасці», поскольку «прасторы нашай традыцыі думкі мы можам ахарактарызаваць як прастору сутыкнення цывілізацый с заходнелацінскай і праваслаўна-еўразійскай, сутыкнення, якое прыводзіць не да разлому альбо правалу, а ўтварае адмысловую канфігурацыю цывілізацыйнай накладкі» [8]. Сразу же возникает такое чувство, что пресловутая «промежуточность» – некий спасительный круг, который бросается утопающему всякий раз, когда он глотнет забортной воды. Ведь странно получается: та цивилизация, которую мы называем «западно-латинской», создала свои выдающиеся образцы философской мысли. Нечто похожее, но существенно позже создано и «православно-евразийской» цивилизацией. А вот мы ничего не создали. Или создали «практики мышления». Почему? Потому что «промежуточные». Ложный посыл, ложный тезис. Почему он возникает, понятно: речь идёт о поисках идентичности, пресловутой идентичности, без которой и мы не мы, и история наша – не наша, и достижения наши трудноуловимы. «Промежуточность» как форма овеществления идентичности – спорная, как минимум, формула.

Здесь вообще возникает коллизия, решение которой трудноосуществимо. В самом деле, первый тезис звучит так: мы – особенные, мы обладаем идентичностью. Что ж, примем это за рабочую гипотезу. Но звучит второй тезис: мы «промежуточные», для нас наше культурное состояние может квалифицироваться как «накладка», мы имеем опосредованное отношение к культуре западной и восточной, то есть православно-евразийской. Тогда возникает закономерный вопрос о специфике нашей «самости», а вот здесь и начинаются специфические трудности. Потому что специфика эта не выявляется, не прослеживается, а потому начинаются спекуляции с помощью «практик мышления». Да и соотношение понятий «идентичность» и «промежуточность» вызывает вопросы с точки зрения требований формальной логики, в частности законов противоречия и достаточного основания.

Почему и на основе чего возникают споры относительно национальной принадлежности того или иного культурного деятеля, философа на территории современной Литвы, Украины, Беларуси, частично – Польши? Именно на основе пресловутой «промежуточности». Что вообще может возникнуть на основе «промежуточности»? Здесь возможно двоякое развитие сюжетов: либо продолжается поиск идентичности на основе «промежуточности», либо апробируется известная мысль о том, что наша цивилизация – восточнославянская, и тогда всё встаёт на свои места.

Скажут: а как же со строительством национального государства, необходимостью понимания своей идентичности? А что, государству этому самому будет намного легче существовать на основе понимания собственной «промежуточности» и такой же «идентичности»? Странное тяготение к крайним формам выражения своей самости. Белорусское национальное государство самим фактом своего появления в XX веке прекратило все спекуляции относительно статуса «промежуточности»: нет никакой «прамежквасці», есть реальный исторический факт.

Возникает и такой вопрос: можно ли формировать, изучать «локальную историю» мышления, то есть национальную по сути философскую, историческую, правовую, политическую мысль вне мирового (западного) контекста? Ведь все мы действительно «выросли» на Аристотеле и Платоне, Канте и Гегеле. Ответ, который в ряде случаев даётся, звучит так: Аристотеля и Гегеля надо брать, но «браць іх як «лакальныя» падзеі, а іх універсальнасць (у Заходнім каноне) звязаць не з іх універсальнай прыродай, а з пэўнымі гістарычна лакалізаванымі практыкамі «універсалізацыі», практыкамі уласна стварэння канона, – а сам канон разглядаць як гісторыка-культурны

продукт» [9]. То есть, «канон» Аристотеля и иже с ним есть лишь один из культурных продуктов, «локальность» Аристотеля – явление того же порядка, что и иные «локальные» культуры, универсальность тогда имеет смысл, когда увязана с историческими проявлениями национального духа. Непонятно только, почему нельзя связывать «их универсальность» с их «универсальной природой». Мысль сформулирована нечётко, поскольку основывается на таких нечётких категориях, как «практики универсализации», «практики мышления» и т.д.

Не учитывается, что «западный канон» мысли, представленный гениальными умами, не потому универсален, что универсальна западная цивилизация, а в связи с тем, что в работах мыслителей «западного канона» представлены универсальные поиски человеческого духа. Мало того, что они представлены, они получили адекватное воплощение в концепциях, трудах, прозрениях. Есть не только вопросы, но и ответы.

Но речь не только о западной цивилизации и её духовных, в том числе философских, достижениях. Есть образцы более близкой нам (ментально) цивилизации восточнославянской. Почему нам духовно более близок Владимир Соловьёв, нежели, например, его современник, Огюст Конт? Да потому, что духовные поиски Владимира Соловьёва легко ложатся в канву наших собственных духовных поисков. Скажем, вместо пресловутой «прамежжкавасці» – изучение экуменических процессов и поиск основ для будущего сближения христианских конфессий. Ведь насколько это для нас актуально! (Кстати, попутно замечу: «национально ориентированные» философы предпочитают цитировать С. Кьеркегора, но не В. Соловьёва, Ф. Ницше, но не А. Лосева. Ну, как же – «Европа»). Далее, вместо «болтания» между «западным» и «восточным» канонами – соборность, «всеединство», софийность, теократия. Вместо особенной идентичности – восточнославянская идентичность. При всех особенностях и всей региональной специфике.

У нас поиски основ для убеждения самих себя в собственной идентичности приняли ненужную форму духовного самоистязания. Чтобы убедиться в этом, приведём цитату из книги мыслителя, которого позиционируют как «первого белорусского национального философа», это – И. Абдиралович. Мыслитель пишет: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы. За ўвесь час нас пачалі зваць цёмным дзікім народам». И далее: «І народ застаўся жыць сам па сябе: духавым жыццём – з ідэаламі і пераконаннямі паганскай веры, гаспадарчым – з прадпрадвечнымі праладамі земляробства: сахой, драўлянай бараной, цэпамі і жорнамі, у тым вечным бары, аб каторым так жудасна п'яе наш беларускі паэт» [10]. В принципе против сказанного возразить нечего, цитата действительно подтверждает, что отношение к народу как к «тёмному и дикому» было распространено повсеместно (достаточно вспомнить работы А. Богдановича [11] и М. Кояловича [12]). Да и констатация «жудаснасці» песен говорит о многом. Но вот что интересно. Приведя эту цитату, один из авторов «Истории философской и общественно-политической мысли Беларуси» (том 1) делится таким наблюдением. И. Абдиралович прав, однако «станаўленне вобраза Беларусі ў айчынай грамадска-палітычнай думцы XIX–XX ст. з'яўляецца той пераадгісторыяй, якая менавіта ў рэчышчы рэканструкцыі этнагенезу стратэгіі напісання гісторыі філасофіі Беларусі становіцца важнай часткай не толькі гісторыка-філасофскага даследавання, але і канцэптуальнай праграмы ўдасканалення яго метадалагічнай парадыгмы» [13]. Сложно понять, что здесь главное: то ли поиск особенностей становления философской мысли страны уже в XX веке, то ли поиск парадигм методологического характера, то ли что-то третье. Да и ясность относительно «методологической парадигмы» у упомянутого автора отсутствует.

**

Теперь обратимся непосредственно к небольшому и принципиальному эссе белорусского автора начала XX века И. Абдираловичу, которое называется «Адвечным шляхам». Интерес к нему обусловлен тем, что рядом исследователей это эссе позиционируется как первая самостоятельная работа белорусского автора по философии. Другими словами, по их мнению, это оригинальный белорусский философский проект. Предвосхищая вывод, скажу главное: действительно, многие идеи современных белорусских авторов, тяготеющих к специфически национальной интерпретации белорусской культуры, носят характер резюме из рассуждений И. Абдираловича.

Начать, видимо, надо с того, что объём работы – около 40 страниц – вряд ли позволил автору выразить свои взгляды системно. Впрочем, как это очевидно, дело не в количестве страниц. Дело в тексте, который действительно решает всё. Надо заметить, что текст данного эссе вполне может быть зачислен в число работ, предметом которых является философия истории, поскольку одним из основных вопросов автора был вопрос о «духе» белорусского народа в контексте его исторической судьбы.

Эссе начинается с парадоксальной констатации: да, действительно, «у нас неакрэслена культура, у нас смутныя гістарычныя шляхі», однако это вовсе не значит, что данное утверждение свидетельствует о «духовай беднасьці нашага народу». Если белорусский народ не сотворил выразительной культуры, то не потому, что был беден, а в связи с тем, что «у гістарычнай спадчыне яго была вялікая трагедыя народнаго духу» [14]. Странная логика: речь ведь не идёт о причинах сложившегося положения вещей в культуре, речь о самом положении вещей. Но вместо того, чтобы зафиксировать очевидное, нам предлагается классическая подмена тезиса. То есть, бедность налицо, но вопрос не в бедности, а в причинах этой бедности.

Основной причиной такой бедности, между тем, явилось «дзесяцівяковае ваганьне» между Востоком и Западом. Однако и здесь логику в рассуждениях автора найти трудно. Он пишет, и об этом уже упоминалось выше: «Мы не зрабіліся народам Усходу, але не прынялі й культуры Зах. Эўропы. За ўвесь час нас пачалі зваць цёмным, дзікім народам» [15]. Получается, что нас начали звать «тёмным и диким народом» потому, что мы не склонились ни к культурному Востоку, ни к культурному Западу. А, может, всё намного проще? Нас стали так называть потому, что действительных, реальных достижений в культурном строительстве, творчестве мы не продемонстрировали?

Но, убеждает нас И. Абдиралович, «потеряв» возможности, связанные с достижениями западной и восточной культур, наш народ не потерял главного: «незалежнасьць свайго духу». И опять парадокс: реальные проявления этого «духа» обнаружить сложно, но мы идём правильным путём, поскольку ищем свою дорогу, свой путь. То есть специфика пресловутого «национального духа» заключается в поисках своего пути.

Перед нами типичная мифологема, чрезвычайно приятная для национального самолюбия: да, мы бедны, да, ничего за душой не имеем, но у нас светлое будущее, поскольку существует некий «дух», который поможет преодолеть нам все трудности. Чем-то этот подход напоминает, с одной стороны, славянофильские утопии россиян, пытавшихся аргументировать свою «особость» и «величие» сугубо абстрактным образом. С другой стороны, подобные утопические подходы прекрасно «расписал» В. Короткевич, особенно в образе погибающего романтического и светлого юноши в повести «Дикая охота короля Стаха».

Но суть не только в строительстве мифологемы. Речь и о поисках методологической константы для осмысления белорусской истории. И такой константой выступает та же «прамежкавасць»: «Ваганьне паміж Захадам і Усходам і шчырая няпрыхільнасьць ні да аднаго, ні да другога зьяўляецца асноўнаю адзнакаю беларускай гісторыі» [16].

Эта черта – колебание – белорусская интеллигенция (элита) сохранила по сей день, и именно эта черта позволяет рассмотреть нашу историю с принципиально иных (неклассических, как сегодня говорим мы) методологических позиций. Ибо колебание – альфа и омега нашей истории. Колебались между православием и католицизмом, Москвой и Варшавой, богами «паганскімі» и христианскими. Этому колебанию сопутствует «колебание» наших границ. Так продолжалось до XX века, и теперь белорусы, по мнению автора, готовы к строительству нового общества на основе общечеловеческих идеалов.

Так и хочется возразить И. Абдираловичу: но ведь реальных проявлений этого «духа», этих «идеалов» нет и поныне. Пресловутое «ваганье» можно ведь рассмотреть и в ином ключе: как отсутствие убеждений, нецивилизованность, интеллектуальный сон, впрочем, шире: сон культурный. Ждать от народа некоего взрыва, конечно, можно, и можно ждать многого: как духовных подвигов, так и материальных достижений. Но для такого рода ожидания нужны основания: где они?

Ведь тот факт, что до сих пор белорусский народ «не ставит» ни на Восток, ни на Запад, не означает, что у нас «в себе» существует некий закон, новое звёздное небо и новая нравственность. Вполне может быть, что просто нет ничего, – вот и колебания.

В эссе И. Абдираловича далее характеризуются ментальные типы «восточника» (великоросса) и «западника», эти оценки во многом справедливы. Скажем, великоросс любит крайности, перевернуть всё «вверх ногами» – это в его национальном характере от Петра Великого до деятелей марксистского Интернационала. Он предполагает, что в мире есть правда, и пытается её определить. На Западе, наоборот, в основе менталитета лежит борьба с крайностями. Идея на Западе ограничивается компромиссами, тогда как на Востоке её реализация принимает радикальные формы. Причём для Востока автор находит известный термин – «москаль», для Запада такого уничижительного термина нет.

Очень актуально, справедливо звучат слова И. Абдираловича о том, что «Усход не прызнаваў нас як беларусаў, а вымагаў ад нас свайго ўсходняга выгляду, які быў абавязковым» [17]. События весны и лета 2009 года, например, когда разразился «молочный» и иные кризисы между Россией и Беларусью, во многом свидетельствуют о правоте слов исследователя. Причём спасения от «давления Москвы» трудно ждать и на Западе: он (Запад) шёл к нам с доброй улыбкой, пишет автор, но действия его были прагматичными и жёсткими: «Яго пацалункі сведчаць не толькі аб прыхільнасці, але і аб магмычасці здрады» [18]. Ни с Востока, ни с Запада белорусу спасения ждать не приходится.

Так куда же деваться белорусу? Искать свои «формы жизни», считает автор, и здесь с ним вполне можно согласиться. Это – поиск форм жизни – универсальная формула, пригодная для рассмотрения не только в наших национальных условиях существования. Правда, спектр мнений относительно содержания этих «форм жизни» достаточно широк, и говорить об идейной консолидации не приходится до сих пор.

Завершая этот краткий анализ, заметим: перед нами действительно текст, оригинальные рассуждения о сути и предпосылках национального бытия. Однако основная мысль, связанная с определением специфики национальной жизни через призму таких категорий, как «ваганье», колебание, «прамежкавасць», промежуточность и т.п. термины, неприемлема. На наш взгляд, ситуация не в колебаниях и нахождении в странной «прамежкавасці»: дело в том, что мы действительно бедны, культурно и материально, и только XX век дал нам возможность заявить о себе в полный голос. А все эти «ваганні» – лишь оправдания нашей слабости. Утешительные, но ложные. Причём – что важно – данный подход «закрепляется» в работах современных авторов. Скажем, один из них пишет: «У культурнай сьведомасці народу гучаць дзве мэлэдыі, два лейтматывы: магутны класічны харал паганства і сумна-трагічны хрысьціянскі жалясьпеў» [19]. Первые «мелодии» звучат до XX столетия, вторые очерчены пример-

но в той же хронологической последовательности. Далее следуют стандартные рассуждения о «русификации» и «полонизации», и вновь остаётся открытым главный вопрос: что, «прамежкавасць» – это особый дар и особый статус нашего народа? Если так, то где доказательства? Доказательств, как правило, нет. Есть констатации, которые не убеждают.

Ещё одна цитата по этому поводу, очень показательная, «Беларусы захаваліся як нацыя менавіта таму, што ва ўсе часы польска-расейскага гістарычнага беспрасьвецьця жылі не ў гісторыі, а ў Космасе» [20]. Что на это можно сказать? Апелляция или к Богу, или к Космосу – известная форма решения философско-исторических проблем, здесь нет ничего нового. Насколько она может убедить – иной вопрос. Во всяком случае, это уже вне сферы рациональности.

**

Почему же так упорно отстаивают представители ВКЛ-ой парадигмы национального духовного развития наше многовековое культурное, цивилизационное единство с этим государственным образованием, почему «настаивают» на том, что «гісторыя Усходняй Еўропы павінна разумецца як адзіная непадзельная агульная для беларусаў, літоўцаў, украінцаў» [21]? Ответ очевиден: в основе дистанцированность от русского культурного влияния, обоснование «самости» на основе ценностей западноевропейской, культурной традиции, словом, «Восточное партнёрство» в полный рост. Ведь можно спросить: почему в приведённой цитате отсутствует слово «русских»? По тем же основаниям.

Как на этот же вопрос отвечают иные исследователи? Скажем, профессор Ч. Кирвель сам себе задаёт тот же вопрос, в иной, правда, форме: почему мы столь настойчиво говорим именно о судьбе восточнославянской цивилизации в целом, а не об отдельных странах? И отвечает: «Невозможно разглядеть очертание и контуры дальнейшего пути развития белорусского общества, каким-либо образом предвидеть его будущее вне контекста анализа мировых интеграционных (и дезинтеграционных) процессов, не осмыслив и не уяснив характер и направленность исторического движения основных, локальных цивилизаций современности» [22]. Предполагается, что восточнославянская цивилизация и есть одна из «основных, локальных цивилизаций современности». Для исследователя это очевидно, в ряде случаев он постулирует тезис, не прибегая к развёрнутой аргументации. А вот для многих критиков этой «очевидности» очевидно, иное: контекст может быть исключительно ВКЛ-овский, а восточнославянская цивилизация – по сути, фантом. Она бы, может, и избежала такой характеристики, если бы из этой известной триады – Россия, Беларусь, Украина – можно было бы «незаметно» исключить первую составляющую часть. Но раз не получается, то и восточнославянской цивилизации нет и в помине.

Нельзя не отметить и своего рода «гносеологическую наивность», имеющую место в ряде случаев. Скажем, справедливо утверждая, что союз трёх восточнославянских государств объективен, основан на общих ценностях, истории, ментальности и т.д., некоторые исследователи полагают, что альтернативы этому нет, что только в таком союзе они могут сохранить себя и свою нишу в мире. Сам тезис абсолютно справедлив, вот только вряд ли стоит утверждать, что «альтернативы этому нет». Альтернатива есть, и программа «Восточное партнёрство» при всей своей внешней отстранённости от геополитических вопросов – тому прямое подтверждение. Есть альтернатива и в том, что наши земли – компонент не восточнославянской цивилизации, а «цивилизации великолитовской». Один из последних тому «общественных» примеров – публикация в газете «Комсомольская правда в Беларуси» ряда материалов под интригующим названием

«Сусанин водил в болота белорусов?» («КП», 9.07. 2009 и 16.07.09). Там помещены и обсуждаются всё те же известные фантомные откровения. Но вот что интересно: они, эти откровения, «углубляются», «расширяются». Скажем, появился такой аргумент: белорусы – «западники» вследствие того, что им присуще трудолюбие, которое составляет основу ментальности протестантов. Или: «нас отличают основательность и консерватизм, мы не склонны к быстрым решениям». Это тоже признак нашего «западничества». Такие аргументы множатся, и цель их прозрачна: продемонстрировать нашу органическую связь не с восточнославянским суперэтносом, а с западноевропейской цивилизацией. Со всеми политическими последствиями, понятное дело. Хотя аргументы: «нас отличает основательность и консерватизм», «мы трудолюбивы» – больше «привязывают» нас к цивилизации азиатской, точнее, японской, где и трудолюбие, и консерватизм, и основательность всегда были в чести.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 72.
2. Дыбковска, А. История Польши с древнейших времён и до наших дней / А. Дыбковска – Варшава : ПВН, 1995. – с.V.
3. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения славянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под науч. Ред. Ч.С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 337–338.
4. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 100.
5. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 21.
6. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. Санько – Мінск : БГАКЦ, 1998.
7. Санько, С. Штудыі з кагнітыўнай і кантрастыўнай культуралёгіі / С. Санько – Мінск : БГАКЦ, 1998. – С. 186.
8. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 37.
9. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 39.
10. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 11–16.
11. Богданович, А. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк / А. Богданович – Репринтное издание. – Минск : Беларусь, 2005. – 186 с.
12. Коялович, М.О. Чтения по истории Западной России. – Минск : Белорусская Энциклопедия, 2006. – 480 с.
13. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. – Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 66.
14. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 8.
15. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 8.
16. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 9.

-
17. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 15.
 18. Абдзіраловіч, І. Адвечным шляхам. Дасьледзіны беларускага сьветапогляду / І. Абдзіраловіч – Мінск : Навука і тэхніка, 1995. – С. 16.
 19. Бабкоў, І.М. Вытлумачэньні руінаў / І.М. Бабкоў – Мінск : Логвінаў, 2005. – 142 с.
 20. Бабкоў, І.М. Вытлумачэньні руінаў / І.М. Бабкоў – Мінск : Логвінаў, 2005. – 142 с.
 21. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі. Т. 1. – Мінск : Беларуская навука, 2008. – С. 132.
 22. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения славянских народов / Ч.С. Кирвель [и др.] ; под научной редакцией Ч.С. Кирвеля. – Гродно : ГрГУ, 2008. – С. 233–234.

Lepeshko V.M. Philosophy of History: Belarusian Context

This article is the fragment of the forthcoming book, in which some categories, specific for belorusian geopolitical and intellectual space are considered; also critical evaluation with respect to some of these categories. Alternative solutions of philosophical historical problems are offered.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.12.09

УДК [165.61+165.63]:316.42:316.7

М.Я. Мацевич

ГРАНИЦА РАЦИОНАЛЬНОГО И ИРРАЦИОНАЛЬНОГО В КУЛЬТУРЕ ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕГОСЯ МИРА

Проблема границ рационального и иррационального раскрывается в статье исходя из современного эпистемологического контекста, истории и потребностей нынешнего социокультурного заказа. Граница между рациональным и иррациональным трансформировалась в диалектику дивергенции-конвергенции общества контроля и биовласти. Рациональность сегодня не существует ни как изначально присущая миру установка, ни как естественная, выступая, скорее всего, лишь в качестве репрессивно навязанного дискурса. Рациональное и иррациональное в современном эпистемологическом и социальном контекстах скорее выступают как одна из традиций, а не как методологические принципы и приоритеты эволюционного развития. Проблема границ рационального и иррационального тем самым лишается объективистских, онтологических констант, смещаясь в сторону социокультурных, конструктивистских и психологических факторов. Демаркация рационального и иррационального в культуре глобализирующегося мира одновременно характеризует и амбивалентное единство культуры человечества: возможность доминирования локальных рациональностей, ограниченных конкретным «большим пространством».

Введение

Вера в прогресс, в тотальность рационального устройства мира перестали к концу XX-го века быть всеобщей догмой. Целый ряд ученых – эпистемологов поставили под сомнение кумулятивный характер эволюции европейской цивилизации. Прогрессирующие «рационализация» и «материализация» отнюдь не являлись нормами порядка вещей, а, наоборот, ознаменовали собой разрыв, духовную деградацию. Как подчеркивалось в большинстве работ Р. Генона, то, что «мы» называли Возрождением, Новым временем, на самом деле оказалось профанацией, симуляцией, сведением духа, сакрально истинного знания к низшим уровням эмпирического и аналитического изучения фактов. Кроме того, с появлением А. Шопенгауэра, С. Кьеркегора, Ф. Ницше, А. Камю, М. Фуко дискурс рациональности стал вытесняться дискурсом безумия. Однако на поверку дня и любое индивидуальное, иррациональное сопротивление перестало быть маргинализированным, превращаясь в «сети», среду максимальной множественности и безграничной сингулярности. Граница между рациональным и иррациональным трансформировалась в диалектику дивергенции-конвергенции общества контроля и биовласти.

Рациональность сегодня не существует ни как изначально присущая миру установка, ни как естественная, выступая, скорее всего, лишь в качестве репрессивно навязанного дискурса. Точно так же иррациональность не может пониматься в XXI веке только в качестве эстетической, культурной или психологической парадигмы. В современном мире противостояние рационального и иррационального можно интерпретировать как противостояние тождества и различия, гомогенного и гетерогенного, глобального и локального.

Целью данной статьи является экспликация проблемы границ рационального и иррационального, исходя из современного эпистемологического контекста, истории и потребностей нынешнего социокультурного заказа.

Цель решается посредством репрезентации следующих задач.

1. Выявить границы рационального и иррационального в аспекте дефиниций.
2. Транспонировать понятия «рационального» и «иррационального» в эпистемологическом и социокультурном контекстах.
3. Рассмотреть противостояние между Западом и Востоком как проблему демаркации рационального и иррационального.

Интеллект, логика, рациональность – знания, получаемые через имена и формы. Мудрость – знание, проявляющее себя только из внутреннего существа. Логика – это знание, которое необходимо для того, чтобы смотреть во внешний мир, но свет мудрости необходим для того, чтобы смотреть через внешний мир (формы, проекции) во внутренний, осязать духовно-нравственное.

Вот почему многие религиозные термины не имеют эквивалента в европейских языках и научных дефинициях. Они – выражение глубоко духовных переживаний. До недавнего времени материя, рациональность были вполне категориально определены, составляя концептуальный базис многих идеологических учений. Сегодня ученые больше не настаивают однозначно на подобной точке зрения, так как есть бесчисленное множество материальных явлений, которые недоступны нашим ощущениями. Познаваемый объект и окружающая среда не существуют как изначальная заданность, а выступают как продукт «различения». В социальной сфере эту функцию выполняет коммуникация. Отсюда рациональность предстает как «феномен когнитивности», как проблема методологической рефлексии научной организации познания [1]. Рациональность наследия эпохи Нового времени отличалась субстанциональностью философского мышления. Сегодня же выдвигаются поливариативные концепции рациональности. Однако наиболее известной, общепринятой, востребованной в отечественном контексте продолжает оставаться концепция единства рационального и иррационального, концепция тоталитарного «рационалистического контроля», не позволяющего говорить о различных «формах» или «типах» рациональности, а требующего находить в них многообразные проявления единого по своей природе разума.

Будущее хотя и не предопределено, но и не может быть каким угодно. В математических моделях, которые отражают действительность, есть аттрактор будущего. Представления о том, что у настоящего может быть не одно, а несколько направлений развития в будущем, было в культуре всегда, но особенно обострилось в XX веке. И эти представления имеют прежде всего логико-философский характер. Еще Лейбниц рассматривал необходимо истинное высказывание как высказывание, истинное во всех возможных мирах, при всех обстоятельствах, при любом направлении событий. Пафос рассуждений такого типа свидетельствует о том, что абсолютной истины нет, она зависит от наблюдателя и свидетелей событий. В современной логике сегодня есть раздел, анализирующий свойства высказываний с пустыми (необозначающими) терминами. Описанная логика называется «свободной», и она действительно свободна от экзистенциальных допущений. В свободной логике допускается использование таких сингулярных терминов, которые не имеют референтов в области интерпретации.

Проблема рациональности в пространстве современного глобализирующегося мира есть не только проблема гносеологических стратегий, но также и аксиологической, нравственной практики. Мудрость вообще не может быть сведена только к рационально-понятийным структурам сознания. Для А. Камю разум был способностью не доводить до конца то, что мы думаем, иррациональное служило границей рационального, а то в свою очередь наделяло его соответствующей мерой. Камю и, а также, П. Тейяр де Шарден, Л. Шестов подчеркивали, что мораль, нравственность ни в коем случае не должны быть подчинены гнету рациональной диктатуры, в противном случае они перерастают в средство осуждения «другого», всеобщую обязательность осквернения инаковости, и в реальности мы имеем практическую тотальность рационализации дискурса мести.

По мнению российского профессора Л.В. Максимова, именно «иррациональное» есть важнейший признак человеческого в человеке. Во-первых, человек отличается от всех животных не только разумностью, но и в такой же степени неразумностью, он единственный из животных в своем поведении может ошибаться и тем не менее про-

должает выживать как вид. Для всех остальных животных их ошибки в поведении ведут к смерти, животные приспособлены лишь адекватно реагировать на воздействие природы. Во-вторых, человек чаще всего предпочитает заблуждение правде. В-третьих, сознание человека ориентировано только на будущее время. Живя главным образом будущим, он делает сиюминутную жизнь малозначимой. Он подчиняет себя «сейчас» будущего. А последнее есть не что иное, как плод фантазии, нечто идеальное, несуществующее, вероятностное. В-четвертых, иррационализм подменяет понятие о должном понятием желательного. Человек предпочитает воображаемое необходимости. В-пятых, фантазии, иллюзии, мечты дороги человеку. Он ставит их часто выше здравого смысла и расчета [2].

Следовательно, рациональное и иррациональное есть две взаимообусловленные стороны осмысления мира. Суть сравнительных дефиниций взята из таблицы профессора Петрозаводского государственного университета В.М. Пивоева [3].

<i>«Рациональное»</i>	<i>«Иррациональное»</i>
Однозначная причинная обусловленность, детерминация	Неоднозначная причинная обусловленность, синхронность
Объективная достоверность, проверяемость	Субъективная достоверность, непроверяемость
Адекватная транслируемость и полный перевод на другие языки	Неполная транслируемость, перевод с остатком, сотворчество
Дискурсивность, осознаваемость	Неполная осознаваемость, интуитивность
Дискретность, прерывность	Континуальность, целостность
Связано с количественными характеристиками объектов	Связано с качественными характеристиками объектов
Используется для осмысления материально-технической сферы	Используется для осмысления духовно-гуманитарной сферы
Связано с функциями левого полушария головного мозга и «дневным» сознанием	Связано с функциями правого полушария головного мозга и «ночным» сознанием
Направлено на осмысление пространственных характеристик объекта	Направлено на осмысление временных характеристик объекта

Весьма оригинальны, а также существенно актуальны в контексте вышеизложенных суждений и замечания Е.С. Чистова [4].

Он считает, что проблема соотношения рационального и внерационального в своей основе является психологической. В философском же плане правильно было бы различать рациональное и иррациональное как разумное, логически правильное, истинное, соответствующее законам природы и неразумное, алогичное, ложное, противоречащее законам природы. Внерациональные явления по своей направленности, по содержанию нередко являются вполне разумными, и, следовательно, назвать их иррациональными было бы неправильно. Из этого следует, что в строгом смысле проблема рационального и иррационального – это иная проблема, чем проблема рационального и внерационального, и их нельзя смешивать. Иррациональное в философии возникает там, где философские идеи пытаются выразить в образной, обыденной или художественной форме. В иррациональной философии абстрактно-логическая форма отсутствует, игнорируется, поэтому по форме эта философия и является иррациональной, иррациональной по форме, но рациональной по содержанию.

Понятие рациональности, как и понятие ценности, культуры – это производные понятия, пытающиеся превзойти производящее. Современная эпоха – эпоха «Культу-

ры». Но, будучи производной от понятия «веры», «культура» пытается превзойти производящее. Как полагает профессор Московской государственной консерватории В.В. Медушевский, не следует забывать и того, что в Европе данное понятие появилось только в XVI в., а в России и того позже – примерно в XIX в. И свет разума, рационализма, гуманизма был много ниже исконного «фаворского» света, тепла и радости «Солнца правды» пророческих писаний.

Динамика исторического развития культуры состоит в том, что всякое рациональное, научное описание упирается в неизбежность бинарной оппозиции. В полном соответствии с установками на рациональность история развития культуры подвела нас к «Постмодерну», который есть не что иное, как «подражание подражания». «Постмодерн» – не революция, а реакция; не отрицание, а квинтэссенция, вершина айсберга, с которой нельзя спуститься, не разбившись; ибо, как отмечалось еще Ф. Ницше, «есть мудрость преступная по отношению к самой природе», когда самодостаточная рациональная система, претендующая на универсальность, пожирает себя же с хвоста. Отсюда «Постмодернизм» с его деконструкцией, естественнонаучной апатией есть не что иное, как реакция Разума на самого себя.

Уже с середины XX века единственной живой темой рациональности стала ее смерть. Исчезла рациональность как методологический принцип, как предмет, как объект философского анализа. Критерии профессиональной стилистики философствования размылись, как размылись и границы рациональности, говоря по-бодрийеровски, превратились в «симулякр».

Рациональное мышление старается избегать парадоксов, метафор, отдавая предпочтение целому, всеобщему, требуя математической точности и отчужденности категориального строя. В «рациональных системах» Запада большей частью господствовал формализм, шаблон, строгий рассудок. Русская же философия, восточная мысль метафору, многозначность, воображение превратили в формы логического мышления. Они отбросили всю пышность многословия, приближаясь к выразительному онемению, «пространству любви».

Если рациональное сущее «всеедино», то рациональность должна стать «истиной», указанием на то, что есть. Рациональность, с точки зрения христианства, есть познание, неотделимое от совести, от нравственной и живой сути вещей. Рациональность должна стать отражением триединства Истины, Добра и Красоты. «Бог не есть Бог неустройства, но мира» (1 Кор. 14:33). Насколько всецелая живая истина непостижимо выше информации, настолько дух, призванный к истинной жизни, возвышеннее рассудка.

Исходя из вышесказанного, хотелось бы отметить, что конец XX-го столетия можно истолковать не только как конец определенного промежутка времени, конец некоего века, а как конец века мирового. Это был не просто «закат Европы» (О. Шпенглер), «сгущение мировой ночи» (М. Хайдеггер), «конец истории» (Ф. Фукуяма) – это конец в своем метафизически-онтологическом аспекте, конец сокровенной сути.

Согласно замечаниям современного немецкого феноменолога Б. Вальденфельса, основным критерием современности является «крушение порядка», «способность всякого порядка быть иначе» [5].

От гамлетовского «мир расшатался...», от «провалились все середины, нету в мире уже средин» (В. Маяковский) мы пришли к «ясперовской оси времени». Но и она треснула. «Столб времени», «стрела времени» превратились во временную сеть, временную пену, в игру, деконструкцию, открывающую бесконечную свободу возможностей и интерпретаций. Существующий плюрализм семантических решений и констант уже нельзя вписать в бинарные оппозиции аристотелевской логики, евклидовой геометрии.

Рай – это мир без качеств, мир, в котором «всё с таким же успехом могло быть и иначе». Трагедия современного человека заключается прежде всего в том, что он дол-

жен «поступать», выбирать, оценивать. Великий «божественный порядок» распался на «порядки», которые не лежат заготовленными в вещах, а по-своему переменчивы и ограничены. «Смерть Бога» уничтожила порядок, внешне освободив человека. Только когда «Бог умер», стали возможны «Аксиология» и «Культура». Однако как показала «современность», эти явления знаменовали не только власть человека, допущение любых возможностей, но и сами же подрывали их изнутри [5].

Не затрагивая даже философии, экономика, политика, культура XX века показали, что хотя все и могло бы быть иначе, но все-таки не совершенно иначе; и хотя многое возможно, но все-таки не все. Божественное провидение, космическая гармония ужались до формальных «основопорядков». Воссоздание Бога произошло не в форме развития индивидуального сознания, а в форме присвоения опыта «чужого», в форме прогресса. Сегодня сути человека уже угрожает им же созданный мир. Человеку, для того чтобы стать самим собой, нужна реальность. А нынешний мир, лишенный надежд и реальности, приобретает лишь формы бездушной структуры.

И в этом смысле веберовский «ужас без конца» есть прежде всего «невозможность внутреннего преображения», «духовдохновенности». Постмодернизм показал, что мышление – это не всеобщий разум, не демиург, а «языковые игры», локальные дискурсы и деконструкции. Рациональность распалась на отдельные сферы и области, на взаимообусловленные способы истолкования. И хотя наука вышла из мифологии, сегодня мы подпитываемся в основном мифологемами. Теоретические обобщения, построения научной картины мира приобрели ярко выраженный мифологический ирреально-иррациональный характер. И «Черный квадрат» К. Малевича, и архитектурный стиль Музея изящных искусств в испанском городе Бильбао, и современные повседневные перформансы выступили лишь в качестве экспликации симулятивности идеи рационализма. Сегодня мир повседневности захлебнулся фантастикой, магией, фанатизмом. Но в нем не может быть «чуда». Ницшеанское «Бог умер» стало не только трагедией христианского мира, но (прежде всего), смертью европейского рационализма. Сущность этой смерти и конца заключается в страстной жажде чуда при осознании полной невозможности «чуда» в повседневном мире XXI-го столетия. Следует учесть, что, как пишет современный российский композитор В.И. Мартынов, «..конец, не являющийся чудом, не есть настоящий конец. Для того, чтобы убедиться в этом, нужно вспомнить, что антитезой чуда является обыденность. Обыденность, согласно словарю Даля, есть однодневность или нечто длящееся один день, а это значит, что обыденность таит в себе понятие времени или срока. Но окончание дня или срока не означает никакого чуда, ибо вслед за окончившимся днем наступает новый день. Последовательность дней или обыденностей образует последовательность, включающую в себя сколь угодно большое количество концов, но все это будут концы обыденности или обыденные концы. Концом повседневности вообще или обыденности в частности может быть только чудо» [6]. Таким образом, мы обречены на обыденность, на «повседневность».

Нынешний «рационализм» – фаза старения и умирания культуры – это переход от живой «культуры» к мертвой «цивилизации». Духовно, как живой организм культура уже погибла, но физически, как механизм по инерции еще продолжает существовать и даже сохраняет видимость процветания, поскольку ее социальные, экономические, политические институты все еще функционируют. Наиболее просто и лаконично современное состояние философии можно определить как утрату не какого-то конкретного смысла, но осмысленности как таковой. Семантическими нормами стали «нон-селекция» и «нон-иерархия».

С точки зрения российского философа-политолога С. Корнева, «постмодернизм» дает восточному человеку шанс победить западную культуру в самом себе, победить западную рациональность, деформирующую его сознание, с помощью западного же

противоядия. В книге «Трансгрессивная революция» С. Корнев [7] показывает, что постмодерн имеет два лица – восточное и западное. То, что на Западе является саморазрушением, на Востоке выглядит как освобождение и возвращение к себе. Корнев эксплицирует очень интересный формальный парадокс: в эпоху постмодерна разрушение целостности, деструкция и фрагментация одной культуры (западной) позволяет всем остальным культурам, ранее ею подавлявшимся, наконец-то эту целостность обрести, избавиться от искусственного расчленения на сектора и фрагменты и принять свою исконную форму.

Заключение

Таким образом, исходя из истории динамики рационалистической традиции, напрашиваются следующие выводы.

Можно констатировать тенденции прагматизации и релятивизации рациональных устоев повседневного дискурса. Рациональное и иррациональное в современном эпистемологическом и социальном контекстах скорее выступают как одна из традиций, а не методологические принципы и приоритеты эволюционного развития. Проблема границ рационального и иррационального тем самым лишается объективистских, онтологических констант, смещаясь в сторону социокультурных, конструктивистских и психологических факторов.

Демаркация рационального и иррационального в культуре глобализирующегося мира одновременно характеризует и амбивалентное единство культуры человечества (в пределе складывающееся из Запада и Востока). Рациональное и иррациональное взаимно предполагают друг друга и в то же время взаимоисключают; они представляют собой дополнительность и антиномичность полярных начал, диалектику единства и множественности культуры как сложного целого. Постмодерн включил в себя два разных топоса (Запад и Восток, рациональное и иррациональное). Не случайно А. Дугин предлагает вспомнить первые ячейки коммунистов, социалистов или фашистов, где политика была перемешана с искусством. Ибо, если исходить из логики его рассуждений, на практике аналогичные стратегии лишь создают новую иерархическую модель – возникает контрсистема, которая реорганизует систему властных функций. «Любая попытка абсолютной свободы всегда приводит к абсолютной иерархии, стремление освободить все и вся кончается ГУЛАГом и приходом новой элиты на место старой. И это – не только в сфере политики, но и в сфере культуры, религии, философии, науки и т.д. В новых империях истинного постмодерна будет много рациональностей – в противоположность монорациональной «Империи» ультрамодерна. Тем самым будет достигнут премодернистический эффект, представляющий собой многополярный мир с разными рациональностями в основах больших цивилизаций» [8]. Возможно, будет доминировать локальный рационализм, рациональность, ограниченная конкретным «большим пространством». На территории каждой из «новых империй» будет свой общий язык, а в нем – множество диалектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатырев, Е.Д. «Преодоление» рациональности в радикальном конструктивизме / Е.Д. Богатырев // Вестник Самарской гуманитарной академии. Выпуск «Философия. Филология». – 2006. – № 1. – С. 64–76.
2. Максимов, Л.В. Иррациональное – важный признак человеческого в человеке / Л.В. Максимов // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 136–137.

3. Пивоев, В.М. Надо преодолеть страх перед иррациональным / В.М. Пивоев // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 53.
4. Чистов, Е.С. О содержании понятий рационального и иррационального / Е.С. Чистов // Вестник Российского философского общества. – 2002. – № 1. – С. 137–138.
5. Вальденфельс, Б. Мотив чужого : сб.пер. с нем. / Б. Вальденфельс ; науч. ред. А.А. Михайлов ; отв. ред. Т.В. Щитцова. – Минск : ПроPILEI, 1999. – 175 с.
6. Мартынов, В.И. Ожидание чуда в культуре пограничной эпохи / В.И. Мартынов // Связь времен (Наука – Традиция культуры – Новое видение мира). Вып. 1. – М. : Прогресс-Традиция, 2001. – С. 91–99.
7. Корнев, С. «Трансгрессивная революция» [Электронный ресурс]. / С. Корнев – Режим доступа : http://kornev.chat.ru/trans_1.htm. – Дата доступа : 25.10.08.
8. Дугин, А. Заколдованная среда «новых империй». Интервью «Художественному журналу» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.mesogaia-sarmatia.narod.ru/dugin-ludizm.htm>. – Дата доступа : 15.09 08.

Matsevich M.J. The Limits of the Rational and Irrational in World Globalized Culture

The problem of the limits of the rational and irrational is analyzed in the article in the framework of contemporary epistemological context, history and demands of today socio-cultural order. The border between the rational and irrational transformed into the dialectics of divergence-convergence of a society of control and biopower. Today rationality does not exist neither as a world intention, nor as a natural, being imposed as a repressive discourse. Rational and irrational in contemporary epistemological and social contexts represent rather one of the traditions, but not methodological principles and priorities of the evolutionary development. The problem of limits of the rational and irrational is striped of objective, ontological constants, it moves to the side of social and cultural constructivistic and psychological factors. The demarcation between rational and irrational in the culture of the globalized world, at the same time, characterizes an ambivalent unity of human culture: the possibility of the dominance of local rationalities, limited with the specific “large space”.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.10

УДК 1(091)

В.В. Трамбицкий

ВЕЧНОЕ И ВРЕМЕННОЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье дается краткий экскурс в историю белорусской философской культуры. Показывается, что даже там, где нет терминов «время», «вечные ценности», «временные ценности», «социальное время», мыслители использовали другой категориальный аппарат, чтобы выразить наличие вечного в постоянно ускользающей социальной реальности.

В европейской философии конца 20-го – начала 21-го веков многие мыслители категорию «социальное время» делают предметом специального анализа. В статье можно найти авторское отношение к современным дискуссиям по проблеме «социального времени».

Автор статьи считает, что понимание диалектики вечного и преходящего (особенно в социальном развитии) способствует теоретическому и практическому разрешению многих проблем: в частности, более глубокому пониманию методологического значения категории «социальное пространство – время» для социально-гуманитарных дисциплин.

Введение

Автор статьи поставил перед собой следующие задачи:

1. Из истории отечественной философии и культуры выделить исследователей, которые специально не занимались проблемой соотношения вечного и преходящего, но внесли реальный вклад в решение этой проблемы, описывая роль таких элементов в системе национальной культуры, как фольклор, религия, идеалы и других духовных ценностей, выступающих в качестве движущих сил социального развития. К таковым можно отнести Я. Белобоцкого, А.С. Майхровича, С. Полоцкого, Н.И. Крюковского.

2. Сравнить решение тех же проблем представителями постнеклассической философии, синергетики и постмодернизма.

3. Предложить авторскую аргументацию нелинейности социального прогресса, специфики «социального времени».

4. Сформулировать авторское отношение к функциональной концепции времени Т.П. Лолоева, к взглядам В.А. Поликарпова, который, отстаивая субстанциональную концепцию времени сквозь призму психологии, реляционную концепцию пространства – времени объявляет интеллектуальной иллюзией.

Философская мысль выступает в качестве духовно-теоретического знания, интегрирующего элемента национальной культуры. Даже краткий экскурс в историю философской мысли Беларуси способствует осмыслению тенденций в истории национальной культуры и позволяет проанализировать становление и развитие традиций, ценностей, идеалов, а также особенностей самого субъекта социокультурного прогресса.

Воспроизведение некоторых идей из истории духовной жизни Беларуси периода средневековья невозможно без обращения к памятникам архитектуры, иконописи, фрескам, мозаики, письменности. В тот период архитектура и монументальная живопись отражали идейно-мировоззренческое состояние субъективного мира творца социокультурного творчества. Культурологическое и философское осмысление этого процесса заключается в поисках такого материала в памятниках материальной и духовной культуры.

Формированию новых представлений о человеке и направленности общественного развития способствовал процесс утверждения христианства на Руси, который сопровождался зарождением иных (по сравнению с языческими) мировоззренческих ориентаций, другого понимания сущности бытия природного и социального, иной трак-

товки места человека в мире. Христианство опиралось на более богатую письменнокнижную традицию, способствовало распространению просвещения. Этот процесс сопровождался переводом на славянский язык книг Священного Писания, богослужебных хроник, естественнонаучных сочинений и исторических повестей. Как отмечает исследователь древнерусской литературы О.В. Творогов, «Русь стала читать нужное раньше, чем писать свое».

Процессу распространения на Руси и в Беларуси идей христианства и отражению этого явления в литературе посвятил свое исследование А.С. Майхрович [3]. Обратим внимание лишь на то, как в древних памятниках отечественной средневековой культуры характеризовался прогресс общества и человека. Прогресс в условиях развивающегося феодализма зависел от уровня грамотности, от конкретных социальных и культурно-просветительских факторов, в числе которых распространение и усвоение греко-византийской культуры. В среде простого народа, как правило, распространялся средневековый фольклор. Другими словами, это период сосуществования различных духовных ценностей, период сосуществования официальной и народной культуры. В противоборстве традиций и новаций, ценностей и культур протекал процесс согласования идеологии феодальных отношений с духом христианской веры. Этот процесс рождал такие качества человека, как вера, фанатизм, энтузиазм, жертвенность. Религия имела поддержку государственной власти. Служители культа выступали в качестве основных субъектов книжности, грамотности, духовности. Христианство сыграло важную роль в формировании духовных ценностей. В той системе ценностей религиозные ценности выступали в качестве основных, истинных, из которых выводились светские ценности в качестве производных. Описания жития святых играли нравоучительную, воспитательную, наставническую и морализаторскую функции. Образ человека в житиях представлял собой обобщение положительных, прогрессивных черт. Человек был поставлен перед выбором ценностей: между духовными и материальными, вечными и земными, истинными и преходящими. Земная жизнь человека трактуется как подготовка к будущей, истинной жизни. Во всей полноте христианством перед человеком была сформулирована драматическая проблема индивидуально-субъективного выбора. В религиозной системе ценностей в качестве определяющих выступают ценности надсубъективные. Прогресс человека связывается с его стремлением к духовному служению. Внутреннему самосовершенствованию человека способствует стремление к знанию и учению. Они способны приобщить к Богу. Отсюда выводились и другие качества человека – аскетизм и подвижничество. Перечисленные идеалы способствовали формированию и развитию личностного сознания и самосознания.

Белорусские княжества Великому княжеству Литовскому дали письменность, государственный язык, которые в любой культуре выполняют важную роль. Реальные исторические события находили отражение в летописаниях. Белорусское летописание возникло в Полоцке. Как отмечал Д.С. Лихачев, в качестве основных субъектов исторического процесса во времена средневековья выступают не только люди, принадлежащие к элите общества (князья, полководцы, епископы и митрополиты), но и безвестного происхождения: святые отшельники, основатели скитов, подвижники.

В летописях же основное внимание летописца обращается на характеристику индивида как субъекта военно-феодальных действий. Могущество человека в таких условиях часто определялось числом его владений, богатством, военной силой. Отсюда особое место в летописях отводилось верховному владыке, в социальной структуре общества – князю. В летописании переплетались социальная реальность и идеалы, идеи противоборства и порядка. Идея самоутверждения человека часто совпадает с тенденцией становления этнополитической общности. Деяния Ягайлы и Витовта, как свидетельствуют белорусско-литовские рукописи, протекают на фоне мужества и подлости,

смелости и убийств. Утверждение власти князей связано с умениями подчинить чужие земли и народы, с увеличением мощности и силы (без чего невозможно развитие), со стремлением к пространственному расширению. Идеалы, ценности выступали в качестве движущих сил социального и индивидуального развития. Индивидуализм, жажда власти, богатства, стремление к самоутверждению приводили, как правило, к трагическим последствиям. Как замечает А.С. Майхрович, «индивид выступил в качестве определенной суверенно-субъективной единицы, которая сама устанавливает для себя нормы и возможности действия, оказываясь в известном смысле высшей ценностной и регулирующей инстанцией. Безусловно, такое крайне индивидуалистическое установление субъектом норм действия для себя было обусловлено всем комплексом конкретно-исторических обстоятельств, в которых он существовал» [3, с. 92]. Обреченность на борьбу, выбор ценностей и способов, ведущих к успеху и прогрессу, были сопряжены с тем, что неуспех, как правило, лишал князя благ личных и общественных, вел к угрозе личной жизни и бедам его земле, народу, княжеству. Индивидуальный прогресс почти совпадал с общественным. Единство же Великого княжества Литовского обеспечивалось военной силой. Период единства закончился Кривской унией в конце XIV в. После Кривской унии в качестве важных исторических субъектов выступают католическая церковь и польские феодалы.

В XVII–XVIII вв. в духовной культуре Беларуси (в том числе и в философии) происходили процессы аналогичные тем, которые характеризуются и в европейская культура нового времени. Для этого времени характерно отделение науки от идеологии. В Беларуси же сосуществовали православие, католичество и униатство. Просветительскую деятельность осуществляли монашеские ордена доминиканцев, францисканцев, бенедиктинцев, иезуитов, пиаров. Социальное развитие, социальный прогресс постепенно начинают объяснять не в рамках религиозного мировоззрения, а в контексте рационалистической традиции. На белорусский язык переводятся труды античных философов. В воззрениях, например, Зизания, можно уже обнаружить элементы пантеизма и гуманизма. Бог у него – животворящая сила природы. Развитие человека, по Зизанию, возможно только благодаря развитию белорусской культуры, особенно родного языка, научных знаний, образованию, укреплению культурных связей между Беларусью, Россией и Украиной.

Ян Белобоккий, являясь сторонником теории предопределения, отрицал наличие свободной воли у человека. Согласно его мнению, каждый человек имеет право интерпретировать Священное Писание в соответствии с разумом. Это явный деизм, свидетельствующий о том, что воззрения Белобоккого близки к позиции известного французского просветителя Вольтера.

С. Полоцкий рассматривал человека как микрокосмос, который не имеет врожденных идей. Ум ребенка – чистая доска, на которой оставляют следы учителя, а также все, что ребенок слышит и видит. Человек от животного отличается разумом. В развитии человека важную роль играют познание, письменность, книги. Согласно С. Полоцкому, судьба человека и общества зависит не от небесных сил, а от человеческой плоти, от темперамента, просвещения. Философия же способствует как врачеванию людей, так и помогает осмыслению прошлого и настоящего. Согласно воззрениям С. Полоцкого, философ – самый богатый человек, ибо мудрость дороже золота. Людей, которые отстаивали невежество и суеверие, С. Полоцкий называл слепцами и совами, которые боятся света. Невежество белорусский мыслитель связывал с отсутствием желания у людей учиться, а знания, не нужные в жизни, называл бесполезными и бесплодными. Знакомство же с историей приносит пользу, ибо этот процесс рассеивает мрак и дарит людям свет, содействует прогрессу. О прошлом людям могут рассказать литература и искусство.

В то время, когда прогресс человека и общества объяснялся с позиции коммунистической идеологии и соответствующих ей идеалов, в истории отечественной философии можно обнаружить отклонения от подобного рода интерпретации социального прогресса. Н.И. Крюковский в книге «Кибернетика и законы красоты» рассуждает о кибернетическом подходе к социальному прогрессу. Идею бесконечного социального прогресса он приписывал философам-метафизикам. Опираясь на мысли Эйнштейна и Лобачевского, которые показали неоднородность пространства и времени, он высказал идею, противостоящую доминировавшей тогда идее бесконечного прогресса. Проецируя спираль развития на плоскость, Н.И. Крюковский получил синусоиду, которая графически отображает более глубокое понимание прогресса. В предложенной модели прогресса вводилось понятие «местный» прогресс. Под последним понимается такое состояние системы, когда происходит выход ее из состояния полной поглощенности более широкой системой, или подмножеством, приобретение системой ступеней самостоятельности. Социальный прогресс рассматривается не как бесконечный. Критика идеи бесконечного прогресса осуществлялась не на идеологическом основании, а на анализе категорий общего и особенного, возможного и действительного, рационального и чувственного. Процесс становления социальной системы рассматривался как процесс стремления к гомеостазису, как процесс снижения энтропии внутри системы за счет повышения энтропии во внешней (более широкой) системе, что приводило последнюю к снижению целостности и организованности. Дальнейшее развитие системы, согласно предложенной теоретической модели, осуществляется через фазу гомеостаза к очередной фазе неуравновешенности, которая характеризуется ростом энтропии и снижением организованности, что приводит систему к упадку. Система начинает терять свою целостность, организованность, самостоятельность. В соответствии с кибернетическим подходом, предложенная модель представляет собой процесс колебания между системой и подсистемами, или, как считал «отец» кибернетики Н. Винер, «рысканием» системы. Осуществив кибернетический подход к социальным системам, Н.И. Крюковский сумел обнаружить общность такого подхода с математическим, который отражает более глубокое понимание взаимодействия и поведения систем. Аналогично О. Ланге с позиции теории систем рассматривал общество как сверхсложную систему. Можно считать, что Н.И. Крюковский один из первых стал рассматривать социальный прогресс в качестве объекта междисциплинарного исследования. Такой подход стал объектом научного интереса в 1997–1998 гг. в Германии и России [1]. Еще раньше Г. Клаус график функции $f(x)=|\sin x|$ рассматривал в качестве модели затухающего противоречия, график функции $f(x)=\sin x$ как модель обостряющегося противоречия, график обыкновенной синусоиды $f(x)=\sin x$ – в качестве модели устойчивого состояния противоречия. Подход Н.И. Крюковского, согласно которому общественные системы рассматривались сквозь призму кибернетических и математических понятий, углубляет понимание общественного прогресса как в философском и математическом, так и в кибернетическом и культурологическом аспектах. Общественный прогресс (при междисциплинарном его исследовании) предстает как процесс сложных самоорганизующихся систем, в которых можно выделить фазы подъема, расцвета и упадка. “Такие ситуации, если суть их не точно уяснена, представляют обычно большие трудности для решения вопроса о прогрессе. С одной стороны, наблюдается вроде бы движение вперед, с другой – явственен и регресс” [2, с. 186]. Предложенная теоретическая модель реального исторического процесса объясняет не только общественное, но и индивидуальное развитие, так как каждый человек проходит в своей жизни фазы молодости, зрелости, старости, которые протекают на фоне различных фаз общественного развития. Н.И. Крюковский с оговоркой на абстрактность и приближенность высказывает идею, что корни такого подхода можно обнаружить у неопифагорейца Цейзинга и

швейцарца Денереа, у Пифагора, который рассматривал мир как гармонию звучащих сфер, анализируя прогресс с точки зрения циклического развития применительно не только к социальным системам, но и ко вселенной в целом. Признавая асимметричность времени и недостаточность знаний о закономерностях вселенной, Н.И. Крюковский заявляет, что неизвестно, на каком участке кривой развития находится вселенная. Выступая против теории энтропийной смерти вселенной и используя понятия «порядок» и «хаос», процесс нарастания энтропии ученый рассматривает как процесс, выражающий путь от хаоса к порядку, как процесс перерастания случайности в закономерность. Такое объяснение развития вселенной не противоречит теории нестационарной вселенной Фридмана.

Иерархичность в развитии всего материального мира и мира социального предстает как результат взаимодействия систем и подсистем. Рассматриваемый подход не противоречит как теории систем Л. Бергаланфи, так физической и математической его интерпретации Г. Клаусом. Философия из независимой и самостоятельной науки перерастает в методологию конкретных наук.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что многие философские и культурологические идеи носят вневременной характер. Иное дело – как они воспроизводятся и понимаются нашими современниками.

Постметафизическая философия отказывается от претензий в рамках понятийного пространства построения единой концептуальной картины мира. Постметафизическое мышление направлено против логоцентризма классической философии и культуры. Постметафизическая философия фактически солидаризируется с пониманием детерминизма представителями синергетики (И. Пригожин, И. Стенгерс), которые ратуют за нелинейную интерпретацию социального времени. В культуре постмодерна фактически признается «запрет на метафизику» (Б. Мак Хал), отказ от «эпохи смысла» (Деррида), пропандируется такое философское знание, которое имеет отношение не к общему, а единичному (Ж. Делез). Согласно позициям представителей рассматриваемого течения все многообразие исторического и культурного богатства постсовременный человек воспроизводит (создает) по своему усмотрению. В этом отношении постмодернизм можно характеризовать как направление, которое отказывается от любых дихотомических делений в пользу множественности. Новый тип мировоззрения признает одновременное сосуществование различных течений и доктрин, культур, имеющих свою собственную ценность, уникальность и неповторимость. Представители постмодернизма отрицали общественный прогресс, так как они отстаивали ризоморфичность исторического (социального) времени. Делез выводил плюралистичность социального времени из существования различных эонов. Эоны сопоставляются с плато Ризомы, с конкретными версиями текстовой семантики. Эон, то есть век, в интерпретации Делеза обладает характеристиками нейтрального хронологического отрезка времени, который наполнен конкретно-определенными событиями.

Автор же данной работы, в отличие от постмодернистов, аргументирует позицию, что плюрализм (нелинейность) социального прогресса можно объяснить одновременным сосуществованием различных индивидуальных и коллективных субъектов, которые ставят перед собой неодинаковые цели, преследуют разные интересы. Они (субъекты) в любой социальной системе осуществляют неодинаковую деятельность. Какую бы общую структуру в их деятельности не выделяли структуралисты, постструктуралисты, культурологи, социологи, социальные философы, при всей общности – они (реальные исторические субъекты) идут к своему успеху, прогрессу разными путями. Результаты взаимодействия индивидуальных и коллективных субъектов образуют тот социокультурный феномен, который можно назвать «социальным пространством-временем». Соответственно, при таком подходе в рамках любой социокультурной

системы можно обнаружить плюрализм (нелинейность) социального пространства-времени, который объясняется разными социально-демографическими, функциональными, политическими и другими характеристиками.

Введение понятия «социальное пространство-время» в категориальный аппарат исследования способствует преодолению разделения культур, так как рассмотрение представителями гуманитарных наук процесса познания во времени не позволяет сциентистски ориентированным естествоиспытателям отказать гуманитаристике в статусе строгой науки. Представители же постмодернизма, отказавшись от линейности социального прогресса, от линейности времени, ход истории рассматривали не как необратимое движение из прошлого через настоящее в будущее. Само понятие «социальный прогресс» они выводили за границы культурной легитимности, ибо всякую идеологию объявляли «ложным сознанием».

Таким образом, постмодернистское мировоззрение отрицает такие основополагающие понятия классической философии, как разум, абсолют, истина, противоречия и др. Поэтому, очевидно, можно говорить и о том, что постмодернисты, как и неопозитивисты, выступают против метафизических проблем. Постмодернисты по-своему выразили специфику нового, зарождающегося информационного общества. Но это не означает, что человек постиндустриального общества должен отказаться от разума, истины и других категорий классической философии. Наоборот, информационное общество требует сохранения национальной идентичности, самоидентификации личности в условиях глобализации. Кроме того, постмодернисты, аргументируя позицию плюрализма, отказа от иерархичности, признают порядки своих стран, где, наоборот, отстаиваются идеи иерархичности, свои национальные и культурные интересы. Мы имеем дело с созданием такой теории, при помощи которой можно манипулировать сознанием окружающих. Хотя, бесспорно, в философии постмодерна нашли отражение и реальные характеристики нарождающегося постиндустриального общества. В этом спорность, неоднозначность мировоззрения постмодернизма.

Постмодернисты почти не уделяют внимания проблемам бытия, Космоса. Вместе с тем, например, Ж. Делез и Ф. Гватари, рассматривая такое явление культуры, как книга, заявляют, что книга подражает миру, отражает мир как искусство. Но книга, как духовная реальность, отталкиваясь от природной реальности, раздваивается, учетверяется и т.д. Исходя из аналогичных рассуждений, они разработали понятие ризомы, которое связывает одну какую-нибудь точку с какой-нибудь другой линией того же типа, она использует самые различные знаковые и незнаковые образования. Ризома не сводится ни к единому, ни к множественному. Она состоит не из единств, а из измерений, точнее, из движущихся линий. У нее нет ни начала, ни конца, только середина, из которой она растет и выходит за ее пределы. Она образует многомерные множества без субъекта и объекта.

Постмодернизм как своеобразное мировоззрение по-новому объясняет (понимает) человека, общество и культуру. Необходимо отметить следующее:

1. Объяснение нелинейности социального прогресса детерминировано эволюцией понимания места философии в системе культуры: от универсализма и субстанциализма к уникальности определенных сфер человеческого бытия и неповторимости субъектов социокультурной деятельности.

2. Мыслители, которые в объяснении уникальности социокультурного бытия прибегали к понятию «время» (К. Ясперс, М. Хайдеггер, Э. Гуссерль, Ж.П. Сартр, представители синергетики и постмодернизма), понимали сущность «времени» по-разному. У М. Хайдеггера «*Dasein*» означает единство экзистенциальности, фактичности и бытия при внутримировом сущем. Феноменологическая деструкция времени, предпринятая им, объясняется отказом от трансцендентального понимания времени, что ведет к трактовке

онтологических проблем через настоящее время. Деструкция немецкого мыслителя состояла из редукции (возвращении от сущего к бытию), конструкции бытия и деструкции традиции. Э. Гуссерль время отождествлял с потоком сознания с последовательной сменой фаз: «теперь» – интенцией в прошлое – «ретенции» и в будущее – «протенции».

3. Нелинейность социального прогресса можно объяснить и тем, что космические явления по-разному влияют на субъектов исторического процесса. Одинаковые условия среды оказывают неодинаковые воздействия на субъектов с различными интеллектуальными, физическими, демографическими, психологическими и другими характеристиками.

4. Представители как неклассической и постнеклассической философии, так и некоторые великие преобразователи естествознания своими методами аргументировали нелинейность социального прогресса. Если представители неклассической и постнеклассической философии в своем творчестве отразили изменение прежде всего мировоззренческих ориентаций под влиянием многих факторов, то представители естествознания содействовали прогрессу в первую очередь научных знаний.

5. Автор статьи, в отличие, например, от Делеза, который использовал понятие «плюралистичность социального времени», считает, что нелинейность социального времени можно объяснить одновременным сосуществованием индивидуальных и коллективных субъектов с разными интересами, интенциями, положениями в социальной структуре общества. Названный подход ближе к позициям А.Ф. Аскина, В.С. Готта, А.Я. Гуревича, В.И. Свидерского. В.Г. Кузнецова и особенно Н.Н. Трубникова и А.И. Осипова. Последний показал принципиальное отличие человеческой реальности (социально-исторического бытия человека) от физической реальности, раскрыл статус и функции пространства и времени как категорий культуры.

6. Рост числа людей, занятых научным творчеством, совершенствующиеся средства массовой информации ставят перед научным сообществом следующие задачи:

- а) необходимость знания истории «своей» научной дисциплины;
- б) важность быстрого распространения в средствах массовой информации новейших научных достижений. Выполнение этого требования предостерегает ученых от «изобретения велосипедов»;
- в) необходимость более частых встреч ученых на научных конференциях и симпозиумах для обмена новейшей информацией;
- г) понимание логики научных открытий (как элемента социокультурного прогресса), которая подтверждает то, что новое, продуктивное знание в научном творчестве нельзя вывести из предшествующих открытий, то есть новое в науке носит нелинейный характер.

7. Представленный в статье материал свидетельствует о том, что в основе нелинейного понимания и истолкования прогресса может выступать социальное пространство-время, создаваемое сознательным или бессознательным участием многих личностей в разных формах деятельности. Личность и большие социальные группы, то есть индивидуальные и коллективные субъекты, не могут быть одновременно субъектами деятельности во всех сферах. Современные средства массовой информации делают их свидетелями, но далеко не всех авторами новейших научных и социокультурных процессов. Поэтому категория «социальное пространство-время» может носить как универсальный, так и локальный характер, ибо является сложным, противоречивым единством конечного и вечного. Конечность существования конкретных индивидуальных субъектов способна приобретать социальное бессмертие (вечность) благодаря такой деятельности, которая оставляет после себя «эталон» творчества, являющиеся единством субстанционального и реляционного «социального пространства-времени». Такое понимание «социального пространства-времени» отличается от функционального [4, с. 128–141] и субстанционального [5, с. 25–38]

подходов, которые можно обнаружить в новейших публикациях по анализируемой проблеме. Если в функциональной концепции времени наблюдается отказ от признания субстанциональности «социального времени», то В.А. Поликарпов, отстаивая субстанциональную концепцию времени сквозь призму психологии, реляционную концепцию пространства-времени объявляет интеллектуальной интуицией, так как время – генератор конечного и вместе с тем созидатель и высший властелин созданного им Мира, то есть Носитель Вечности, отрицающей Время.

В отличие от Т.П. Лолоева и В.А. Поликарпова, на наш взгляд, категория «социальное пространство-время» выражает как целеполагающую деятельность людей, так и результаты их деятельности, помогающие индивидуальным и коллективным субъектам формировать индивидуальное и социальное пространство-время, защищающее личность от нежелательных на неё воздействий.

Заключение

Представленный в статье материал свидетельствует о том, что в философской культуре Беларуси эпохи средневековья доминировали вневременные, трансцендентальные ценности и идеалы. Похожие процессы происходили и в духовной жизни Европы. На понимание проблемы духовности ощутимо влияние идей и традиций Древней Греции и Византии. В истории национальной философии и культуры роль вневременных ценностей обосновывали Я. Белобоцкий, А. Майхрович, С. Полоцкий. Независимо от современных ему западных мыслителей Н. Крюковский отказался от поиска трансцендентальных, вневременных причин, оказывающих влияние на все сферы реальности. Поиск духовной идентичности в истории отечественной философии свидетельствует об обращении исследователей к идеям христианства, к официальной и народной культуре, к родному языку, к разуму, образованию, просвещению, воспитанию, к идеям социального и научного прогресса как элементам духовности человека и общества.

Хотелось бы особо отметить, что возникшие дискуссии в отечественной и западной философии по проблеме времени, в частности социального пространства-времени отражают:

1) тревожные симптомы в духовной жизни западного и постсоветского общества;

2) возрастающую роль личности как субъекта творчества во всех сферах человеческой деятельности. Этот процесс лишает определенные социальные группы той целостности, которая была до возникновения информационного общества и процессов глобализации;

3) возрастающую роль информации и информационных услуг, за которыми часто не успевают экономика, политика, образование, культура. Спасти общество как целостную систему от нежелательных последствий научно-технического прогресса может только сознательное обращение субъектов исторического процесса XXI века (индивидуальных и коллективных) к признанию примата духовных ценностей, к диалогу между лидерами религиозных конфессий, партий, государств, общественных организаций. Отсюда следует возрастающая роль в жизни человека и общества международного права. Духовные ценности носят вневременной характер. Они возвышают людей, которые в свой жизни имеют относительно небольшой запас времени для сознательной деятельности, разный личный опыт и цели. Вместе с тем, духовность – это единство вневременных ценностей, на которые ориентируются конкретные люди в определенных условиях, единство вечного и преходящего. Речь идет не только о религиозных ценностях, разделяя которые или создавая их, люди способны приобрести социальное бессмертие.

Современному пониманию диалектики вечного и преходящего в отечественной и западной философии может способствовать понимание проблемы «ускользающего

сейчас». С точки зрения нейрофизиологии, «сейчас» длится от 0,033 до 0,1 секунды, с точки зрения психологии восприятия – 1–2 секунды. За 1–2 секунды человек уже может достичь единства перцептивного, ментального, двигательного и речевого актов [6, с. 84], но этого времени не достаточно для развертывания функций памяти и воображения и нет возможности отличить от настоящего даже ближайшее прошлое и непосредственно предстоящее будущее. Отрезок времени когнитивного «сейчас» составляет около 10 секунд, в пределах которого человек способен осуществлять рефлексивные акты, позволяющие отделять «сейчас» от только что ушедшего времени и предвидеть несуществующее будущее.

Проблема «вечного и временного» в философии является не чем иным, как стремлением человеческого духа при помощи абстрактного мышления выразить «ускользающее сейчас». В этом отношении язык философии выступает в качестве универсальной способности творческих личностей выразить наличие вечного в преходящем через создание таких образцов деятельности, которые обеспечивают вечность их творцам, которые становятся духовными ценностями и носят вневременной характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Князев, Е.Н. Сложные системы и нелинейная динамика в природе и обществе / Е.Н. Князев / Вопросы философии. – 1998 . – № 4. – С. 138–144.
2. Крюковский, Н.И. Кибернетика и законы красоты / Н.И. Крюковский. – Минск : Изд-во БГУ, 1997.
3. Майхрович, А.С. Поиск истинного бытия. Из истории философии и культуры Беларуси / А.С. Майхрович – Минск : Наука и техника, 1992.
4. Лолоев, Т.П. Время и вечность в философии и истории // Философия и общество / Т.П. Лолоев – 2007. – № 2.
5. Поликарпов, В.А. Структуры времени (субстанциональная концепция времени сквозь призму психологии) / В.А. Поликарпов. // Философия и социальные науки. – 2007. – № 1–2.
6. Алюшин, А.Л. Наблюдение и собственная темпоральная структура реальности / А.Л. Алюшин, Е.Н. Князев. // Вопросы философии. – 2007. – № 12. – С. 84.

Trambitskij V.V. Eternal and Current in Native and Western Philosophy

The article is dedicated to the problem of “eternal and current” in native and modern western philosophy. There are the names of native philosophers who made valuable contribution to this problem: N.I. Krukovskij, A.S. Majhrovich; and modern western philosophers – I. Prigozhin, I. Stenders, Derrida, G. Dells, K. Yaspers, M. Heidegger, J.P. Sartre. In the article we also can find the author’s view on the problem of “eternal and current” in native and modern western philosophy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 07.07.09

УДК 386.422

В.Н. Ватыль

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ

На основе дискурсного подхода в статье рассмотрен ряд теоретико-методологических аспектов концепта «модернизация». Показаны эпистемологические возможности обозначенного подхода посредством характеристики исходных терминов: «политический дискурс», «концепт», «модернизация». Проанализирован опыт и теоретические рефлексии о политических трансформациях на постсоветском пространстве, сформулированы дискуссионные вопросы.

Введение

Белорусскими политологами создан определенный «задел» в изучении как общетеоретических, так и политико-практических аспектов социально-политической модернизации [1]. Подготовлены и защищены диссертации, в которых даются апологетические или критические обзоры теорий и концепций модернизаций иностранных авторов; на полидисциплинарной и историко-сравнительной основе модернизационный подход применяется в осмыслении отечественного и зарубежного политико-исторического процесса, существенное внимание уделяется активной, инициативной роли государства. В научных исследованиях подчеркивается необходимость дальнейшего изучения национально-государственных особенностей модернизационных процессов и их адекватного теоретического понимания [2].

Уровень теоретического осмысления модернизационного концепта, как подчеркивалось нами в предшествующих публикациях, зависит от выбора методологической позиции [3]. Одним из продуктивных подходов является дискурсивная модель, разные грани которой и станут предметом рассмотрения в нашей статье. В силу дискуссионности ряда методологических и теоретических аспектов этой модели сразу обозначим исходные авторские позиции в отношении понятий «модернизация», «концепт», «политический дискурс».

В современном научном языке понятие «дискурс» используется очень широко: под ним понимается «любой текст (устный или письменный, современный или исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его полноте и многозначности, полифоничности и полифункциональности, с учетом реального и потенциального, реального и «доставляемого», «конструируемого» [4]. Соответственно, политический дискурс трактуется как знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство идей, образов, смыслов, значений, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики [5]. Фактами дискурса могут быть не только тексты, но и события, вещи, процессы, которые символически отождествляют его «с любым ценностным смысловым образованием» [6].

Понятие «концепт» сегодня одно из наиболее используемых в исследовательском дискурсе о модернизации. С его помощью выявляются её смысловые характеристики, акцентируется внимание на таких ее сторонах, как целесообразность, необходимость и процессуальность [7]. Концепт как смысловое ядро данного социального феномена во взаимодействии с понятиями и концепциями представляет собой сово-

купность интерпретирующих средств, организующих способы видения модернизационной реальности. В этом смысле он обладает определенной онтологической «наполненностью» [8]. На этой основе применение концептно-дискурсного подхода способствует рассмотрению социально-политической модернизации как совокупности системно выстроенных и оформленных процессов, обладающих временной протяженностью, внутренней логикой и являющих завершённую интерпретацию, сформированную на основе организации «смыслов» об общем и особенном в модернизационном процессе [9].

Относительно понятия «модернизация» заметим, что оно должно соответствовать определенным требованиям

- 1) иметь специфическое, только ему присущее содержание;
- 2) относительно близкое к традиционному (обыденному) значению слова «модернизация», и
- 3) быть связано и соотнесено с другими политическими понятиями, а также
- 4) с теоретической системой в целом. Структура и значение понятия должны:
- 5) воспроизводить главные проблемы модернизационного процесса;
- 6) соответствовать логике его исследования;
- 7) давать возможность использовать существующие модели объяснения политической реальности и соответствующие им методы исследования [10].

Подобный подход позволит рассматривать социально-политическую модернизацию как один из аспектов универсального процесса социальной модернизации, роль которого, первоначально подчиненная решению задачи экономического роста, по верному замечанию Р. Ингледарта и У.Э. Бейкера, постепенно усиливается до такой степени, что именно политическая модернизация оказывается решающей для успешной трансформации общества традиционного в современное [11]. В данной статье, опираясь на ряд исследований зарубежных и отечественных ученых [12], мы используем интегрированное понятие социально-политической модернизации, понимая, что теоретически и практически этот процесс предполагает формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также соответствующей политической структуры.

Под современными политическими институтами и практиками следует понимать не механическое заимствование западных образцов, а те из них, которые «в наибольшей степени способны обеспечивать адекватное реагирование и приспособление политической системы к изменяющимся условиям, к вызовам современности» [13].

При этом под Современностью мы, вслед за Б.Г. Капустиным, понимаем не некое завершённое состояние социума или вождённую цель, а ту проблемную ситуацию, «которая обнаруживает себя как сила негативного, как вызов не только тем бесконечно разнообразным по своему содержанию порядкам, которые мы можем объединить под рубрикой «традиционности», имеющей одно назначение (тоже негативное) – передать их разрушаемость силой Современности. Она есть постоянно возобновляющийся вызов любым попыткам ее – Современности – собственной «посттрадиционной» стабилизации» [14].

О специфике модернизационных процессов на постсоветском пространстве

Обозначив методологические позиции, проанализируем содержание концепта политической трансформации применительно к постсоветскому пространству. Сегодня уже совершенно очевидно (хотя этот факт еще недостаточно отрефлексирован), что политическое развитие постсоветских стран может идти по множеству разнонаправленных траекторий. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить, скажем, политические институты и

политические процессы в Украине и Туркменистане, Литве и Таджикистане, Беларуси и Эстонии и т.д.

На постсоветском пространстве складывается чрезвычайно широкий спектр политических режимов, структур распределения и воспроизводства власти, формируются разные политические системы. В одних странах завершается консолидация либеральных демократий, закрепляются демократические институты и практики, в других такие институты и практики сочетаются с недемократическими, авторитарными, в третьих – формальные демократические процедуры используются в качестве фасада, за которым скрываются новые разновидности автократического правления. Различия настолько велики и беспрецедентны, что перед современным политологическим сообществом встает задача существенного концептуального обновления сложившихся представлений о политических изменениях и политическом развитии.

Опыт политических трансформаций «третьей волны» отчетливо продемонстрировал, что институциональная стабилизация и режимная консолидация сами по себе далеко не равнозначны консолидации либеральной демократии. Более того, в подавляющем большинстве «случаев» они означают прежде всего стабилизацию наличного властного режима, обеспечивающего устойчивое воспроизводство сложившейся системы властных отношений, функционирования и распределения власти. Это предполагает элиминацию оппозиции как сколько-нибудь влиятельного политического фактора, а также создание и поддержание механизмов легитимации существующего режимного порядка, которые – с учетом имеющихся у власти административных и иных ресурсов – минимизируют (как бы «в пику» формуле Л. Пшеворского) неопределенность результатов осуществления формальных процедур. При этом такой режим отличается относительно слабой институализацией: процедуры либо нарушаются, либо оказываются фасадом «реальных» и неинституализированных властных отношений.

Поднятые проблемы режимной консолидации заставляют задуматься и о том, правы ли мы, рассуждая, в частности, о траекториях посткоммунистических трансформаций в терминах «переходности», особенно спустя полтора десятка лет после начала собственно «транзита». Куда, допустим, сегодня «переходят» Туркменистан и Беларусь, Таджикистан и Казахстан или та же Россия? Не случайно в аналитическом лексиконе появился целый набор понятий, с помощью которых пытаются отразить не «переходную», а «ставшую» природу нынешнего политического режима России: «управляемый плюрализм» (Х. Бальзер), «электоральный» (А. Шедлер), «конкурентный» (Д. Кольер и С. Левитски) и «бюрократический» (Л. Шевцова) авторитаризм, «моноцентризм» (И. Бунин) и др.

Очевидно, что постсоветские страны уже «перешли» туда, куда в западных условиях и с учетом конкретных обстоятельств могли «перейти». Система власти в них (при том, что она недостаточно институализирована) вполне отстроена и обеспечивает достаточно стабильное самовоспроизводство; оппозиция, если не элиминирована, то не выступает в качестве влиятельного политического фактора: по причинам несформированности гражданского общества; право функционально по отношению к самому режиму; результативность использования демократических процедур, прежде всего электоральных, сведена к минимуму. Причем это отнюдь не означает завершения и прекращения реформ. Нет, те или иные внутрисистемные реформы могут продолжаться, но они принципиально ограничены существующими режимными рамками.

Если логика (и подтверждающая их фактура) наших рассуждений верна применительно к результатам и итогам «третьей волны», то мы имеем дело не с «переходными», а с вполне консолидированными политическими режимами нового типа, которые никак не вписываются в логику «растянутой демократизации». Просто вектор их политического развития оказался не совсем таким (а точнее, совсем не таким), как предполагалось в линейной «транзитологической парадигме». Поэтому, с аналитиче-

ской точки зрения, сейчас гораздо продуктивнее не рассуждать о возможностях их дальнейшего «перехода к демократии», а разобраться в особенностях уже произошедших режимных изменений. Примерно об этом и говорят С. Левитски и Л. Уэй, когда предлагают «прекратить думать об этих случаях в терминах перехода к демократии и начать размышлять о специфических режимных типах, которыми они и являются». М. Оттауэй объединяет эти режимные разновидности под рубрикой «полуавторитаризма», который он понимает как тщательно выстроенные поддерживаемые альтернативные системы, а не как неудавшиеся демократии или демократии в состоянии транзита.

В этой связи возникает серьезная проблема пределов и ресурсов институционального строительства «новых демократий». По мнению многих аналитиков, возникновение политических «гибридов» и неоавторитарных режимных разновидностей было в значительной мере обусловлено слабостью институционального дизайна и недостатками конкретного институционального строительства.

Практика демократических транзитов «третьей волны» показывает, что формальная «инаугурация» демократии, т.е. провозглашение демократических институтов и процедур «электоральной демократии», отнюдь не предопределяет общий исход трансформационных процессов. Формальные электоральные процедуры зачастую представляют собой не ключевой компонент «электоральной демократии» как промежуточной фазы на пути к демократической консолидации, о чем так любят говорить оптимисты «глобальной демократизации», но совершенно иной политической феномен: трансформацию одной разновидности недемократического режима в другую, нередко завершающуюся консолидацией «новой автократии».

Заключение

Основополагающая теоретико-методологическая установка «транзитологической парадигмы», трактующая современные политические трансформации как движение от авторитарного режима к консолидированной демократии, требует серьезного переосмысления. Тот факт, что транзит зачастую означает не «векторный» переход к либеральной демократии, а трансформацию недемократических режимов одного типа в недемократические или недемократические же режимы иных разновидностей, не просто взрывает линейную логику, но ставит перед нами сложнейшую исследовательскую задачу – разработать новую концептуальную рамку режимных изменений и новую детализированную и дифференцированную типологию современных политических режимов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Данилов, А.И. Переходное общество: Проблемы системной трансформации / А.И. Данилов. – Минск : ООО «Харвест», 1999. – 432 с; Давыденко, С.С. Политика государства в отношении религиозных организаций в Республике Беларусь (теоретико-методологический аспект): автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / С.С. Давыденко. – Минск, 2006. – 21 с.; Мацевило, А.Е. Институализация перспективного кадрового резерва в государственной молодежной политике Республики Беларусь: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Е. Мацевило. – Минск, 2006. – 20 с.; Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч.С. Кирвеля. – Гродно, 2008. – 532 с.
2. Матусевич, Е.В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации: автореф. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 /

В.В. Матусевич. – Минск, 2005. – 33 с.; Малевич, Ю.И. Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации: автореф. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Ю.И. Малевич. – Минск, 2005. – 36 с.; Ломов, С.Л. Геополитический аспект национальной безопасности Республики Беларусь: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / С.А. Ломов. – Минск, 2008. – 21 с.; Гринева, О.Н. Политика нейтралитета в условиях глобализации: автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.04 / О.Н. Гринева. – Минск, 2008. – 21 с.; Шимов, В.В. Цивилизационный проект как теоретический инструментальный анализа межгосударственных политических отношений (на примере Беларуси, России и Украины): автореф. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / В.В. Шимов. – Минск, 2009. – 24 с.; Кизима, С.А. Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект: автореф. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / С.А. Кизима. – Минск, 2009. – 43 с.

3. Ватыль, В.Н. Авторитаризм развития как способ структурной адаптации к процессам глобализации / В.Н. Ватыль // Белорусская политология: многообразие в единстве – 2 : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25–26 мая 2006 г., г. Гродно. – Гродно, 2006. – С. 46–48; Ватыль, В.Н. Политология белорусского государства: дискурсивный анализ / В.Н. Ватыль // Веснік ГрГУ. Сер. 1. – 2009. – № 2. – С. 145–147.

4. Методология исследований политического дискурса. – Минск : «Технопринт», 2002. – Вып. 3. – С. 10.

5. Русакова, О.Ф. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы и структурная модель политического дискурса / О.Ф. Русакова, Д.А. Максимов // Полис. – 2006. – № 4. – С. 29.

6. Ильин, М.В. Политический дискурс / М.В. Ильин // Политология: Лексикон / под ред. А.И. Соловьева. – М. : «РОССПЭН», 2007. – С. 539.

7. Степанов, Ю.С. Константы: словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. / Ю.С. Степанов. – М. : Академический Проект, / С.С. Неретина 2001. – С. 44; Неретина, С.С. Концепт // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М., 2001. – Т. 2. – С. 503.

8. Абушенко, В.Л. Концепт / В.А. Абушенко, Н.Л. Кацук // Новейший философский словарь: 2-е изд., пер. и доп. – Минск : Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – 503 с; Алексеева, Т.А. Политическая философия: от концепций к теориям / Т.А. Алексеева. – М. : «РОССПЭН», 2007. – С. 65.

9. Ильин, М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий / М.В. Ильин. – М. : «РОССПЭН», 1997. – С. 15–43.

10. Ледяев, В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. – М. : «РОССПЭН», 2000. – С. 84–87; Матвеев, Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества: дис. ... д-ра полит. наук / Ю.И. Матвеев. – М., 2002. – С. 36; Поляков, Л.В. Путь России в современность: модернизация как деархаизация / Л.В. Поляков. – М. : ИФРАН, 1998. – С. 20–26.

11. Инглегарт, Р. Модернизация, культурные изменения и устойчивость традиционных ценностей / Р. Инглегарт, У.Э. Бейкер // Теория и практика демократии: избр. тексты. – М. : Ладомир, 2006. – С. 143–152.

12. *Politikal Modernization. A Reader in Comparative Politikal Change* / Ed. by Welch C. E. Jr. – Belmont (California), 1967; *Organski, A. F. K. G. The Slages of Political Development* / A. F.K. G. Organski. – N.Y., 1967; *Apler, D. E. Some Conceptual Approaches to the Study of Modernization* / D. E. Apter. – N.Y.: Prentice Hall. Englewood Cliffs, 1968; *Hunlmgion, S. P. Political Order in Changing Societies* / S. P. Huntington. – New Haven (Connecticot), 1968; *Cricec and Sequentcs in Political Development* / L. Binder [et. al.]. – N.Y.: Prinsston University Press, 1971; *Eisenstadr, S. N. Post-Traditional Socieris and the Conlinuiti and Reconstruction of Tradition* / S. N. Eisenstadr // *Post-Traditional Societis*. – N.Y., 1972; От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. Модерниза-

ция Западной Европы с XV в. до 1980-х гг. – М. : Наука, 1998; Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003; Хантингтон, С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / С. Хантингтон. – М. : РОССПЭН, 2003.; Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ : Ермак, 2004; Даль, Р. О демократии / Р. Даль. – М. : Аспект Пресс, 2000; Пшеворский, А. Демократия и рынок / А. Пшеворский. – М. : РОССПЭН, 1999; Теория и практика демократии : избр. тексты. – М. : Ладомир, 2006; Демократические переходы: варианты путей и неопределенность результатов: круглый стол // Полис – 1999. – № 3; Карл, Т. Демократизация: концепты, постулаты, гипотезы / Т. Карл, Ф. Шмиттер // Полис. – 2004. – № 4; Волны и циклы политического развития // Полис. – 2002. – № 4; Ильин, М.В. Идеальная модель политической модернизации и пределы ее применимости / М.В. Ильин. – М. : РОССПЭН, 2000; Пантин, В.И. Циклы и волны модернизации как феномен социального развития / В.И. Пантин. – М. : МГИМО, 1997; Мельвиль, А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты) / А.Ю. Мельвиль. – М., 1999; Мельвиль, А.Ю. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта / А.Ю. Мельвиль // Полис. – 2006. – № 5.

13. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа. – М. : Инфра-М : Весь Мир, 2001. – С. 248.

14. Капустин, Б.Г. Современность как предмет политической теории / Б.Г. Капустин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://shulenina.narod.ru/Polit/kapListin/sovremennost/contents.html>. – Дата доступа : 27.12.2009.

Vatyl V.N. Socially – Political Modernization: Discoursional the Analysis

On the basis of discourse approach a number of theoretical-methodological aspects of the concept «modernization are considered in the article». Epistemological possibilities of the given approach by characterizing of initial terms: «political discourse», «concept», «modernization» is shown. The experience and theoretical reflections about political transformations on the post-Soviet territory is analyzed, debatable questions are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.03.10

УДК 31.001:001

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

ОЦЕНКА ПОСЛЕДСТВИЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Вполне очевидны выгоды абстрактных конструкций в рамках функционального анализа общественной политики. Существуют такие синтетические подходы, которые определяют общественную политику различным образом. Каждый подход обладает собственными характеристиками, способствующими пониманию сущности общественных проблем. Различия в характеристиках тех или иных подходов обусловлены особенностями их методологических оснований. Каждый исследователь вправе решать, какую методологию применить в каждом конкретном случае: дескриптивную, экспланаторную, институциональную, инструментальную либо оценочную. Несмотря на различия всех подходов к функциональному анализу общественной политики, предпочтительным является синтетический подход. Именно синтетический подход создает возможности лучшего понимания того, как можно улучшить качество государственных решений, направленных на повышение уровня жизни граждан.

Цель статьи – выявить типологию моделей оценки общественной политики в политической науке, раскрыть аналитические цели и уровни измерений последствий общественной политики. Задача статьи – раскрыть содержание моделей анализа последствий общественной политики, таких как «затраты – выгоды», «эффективности», «действенности», «результативности», «беспристрастности», «социального теста».

Введение

Политическое описание, политическое объяснение являются важными аналитическими инструментами для понимания общественной политики. Однако изучение политических результатов является даже более существенным элементом, потому что будущие изменения курса общественной политики зависят от оценок по вопросам результатов текущей политики.

Политическая оценка – это обширный маркер для определения последствий того, что правительство заявляет и что конкретно делает. Существуют, однако, две отдельные проблемы, вовлеченные в оценку. Одна заключается в том, чтобы определить результаты политики через описание ее последствий, другая проблема есть в том, является ли политика успешной в соответствии с рядом стандартов или ценностных критериев. Существует связь между этими двумя сторонами, которая объединяет их помимо вопросов описания и объяснения. Подобно описанию и объяснению, оценочные действия дают ответ на специфические вопросы, относящиеся к общественной политике. Применяются разнообразные модели и относящиеся к ним инструментальные техники для анализа проблем. То, что отличает политический результат и оценочные исследования от дескриптивного и экспланаторного анализа, – это фокусирование на политических результатах или последствиях как находящихся на другой стороне от политических характеристик и причин.

Очевидно, существует ранжир оценок политических результатов. Можно рассматривать, например, влияние государственных действий на малые сегменты населения: детей, которые нуждаются в экстренной медицинской помощи, инвалидов ВОВ, нуждающихся в постоянном уходе. Направления помощи правительства этим категориям может осуществляться в прямой и непосредственной форме.

Результаты социальной политики выражаются в возрастающей степени доверия этой категории граждан к правительству [данные социологических исследований]. Например, главные принципы национальной системы здравоохранения – доступность, бесплатность, постоянное повышение качества услуг. За последние пять лет государственные расходы на здравоохранение в расчете на одного человека в Беларуси увеличилась более чем в 2,5 раза и составили в 2007 году 192 долл. США [1, с. 19].

Для того, чтобы оценить влияние различных типов политических результатов, можно использовать целый ряд моделей, матриц и других аналитических средств. Другими словами, существуют различные пути анализа политических результатов. Многие из этих отличий можно сгруппировать в три фактора: цель анализа, предмет анализа и стандарты, которые применяются.

Аналитическая цель

Несмотря на многие вариации политических результатов, есть две существенные тесно связанные цели оценки политических последствий: описание «выхода» (результата) и смысла. Первая из этих целей основана на необходимости обнаружить актуальные последствия политики. Вторая базируется на необходимости оценивать политические результаты в свете определенных стандартов. Хотя обе эти цели рассматриваются как часть политической оценки, является важным осуществлять описание «выхода» и «смысла» раздельно в смысловом анализе.

При рассмотрении политических последствий необходимо, чтобы описание их результатов происходило до перехода к дальнейшему исследованию. Обычно предпочтительно выяснить «смысл» в начале и поставить описательные вопросы позже. Однако системная политическая аналитика обычно начинает с описания политического результата и отклоняется от привлекательности рассмотрения смысла – по крайней мере, временно. Отсутствие четко определенных целей часто осложняет формальную оценку политических направлений и программ. Например, во время войны во Вьетнаме военная политика США постоянно подвергалась оценке [2, с. 548].

Конечно, было бы упрощением утверждать, что различие между дескриптивным и смысловым анализом результатов является ясным и постоянным. На деле эти два типа исследования часто частично совпадают. Аналитика, которая нацелена на описание политических результатов, выбирает техники, содержащие некоторые предубеждения. Определенные модели (или методы) исследования могут иметь тенденцию к выражению позиции какой-либо стороны, например, политической власти (плюрализм, элитизм) или преференции для той или иной экономической системы. В США большая методологическая работа оценочного характера была проведена в пограничной области между общественной политикой и социологией [2, с. 548].

Другими источниками пристрастий могут быть институциональные интересы. Например, есть организации, спонсирующие анализ предпочитаемых определенных методов (или авансов) для ожидаемых результатов по институциональному выживанию.

К тому же аналитика, которая исследует результаты иностранной помощи в виде грантов из экономически развитых стран мира, может сделать вывод, что цели грантов в сфере здравоохранения, образования, социальной помощи были достигнуты, по крайней мере, частично. Если аналитик связан со структурами национальной безопасности, то критерии эффективности этой помощи будут рассматриваться с государственных позиций. Если же этот аналитик работает в структурах т.н. «третьего» сектора, то он будет рассматривать эффективность, например, образовательных программ с позиций развития гражданского общества по аналогам т.н. «заездных демократий». Члены Парламента также могут рассматривать иностранную помощь через призму требований национального и международного законодательства. На этих примерах видно, что аналитики могут использовать одни и те же методы отчета использования иностранной помощи, но в то же время стандарты, которые они используют в оценке предпочтений, различаются довольно основательно.

В сердцевине совпадения дескриптивного и смыслового анализов есть факт, что оба типа анализа применяют измерения и стандарты к политическим результатам. Эти средства измерения станут в дальнейшем предметом того, как они используются в ана-

литических моделях. Здесь необходимо подчеркнуть, что, несмотря на некоторые сходства между стандартами и методами, используемыми для дескриптивных и смысловых измерений анализа политических результатов, две аналитические цели являются различными и измерения, применяемые для каждой, должны быть отобраны с учетом ясного различия между ними.

Чтобы выяснить различие между описанием политических результатов и осмыслением их успешности, необходимо рассмотреть, почему нам следует переформировать эти оценки. Одна из первых причин, по которым мы применяем «выход» дескриптивного анализа, есть нахождение фактов, необходимых для применения оценки. Без основательного исследования политических последствий ценность такой оценки будет сведена к нулю. Однако аналитик должен подходить тщательно к дескриптивному исследованию, если он намерен в последующем прибегать к методикам оценки результатов политики.

Тесная связь между описанием и осмыслением политики становится более очевидна, когда идут рассуждения о том, почему применяется оценочный анализ. Мотивацией для каждого такого анализа является обнаружение того, для чего и какой смысл применения данной политики, либо, наоборот, почему данная политика не достигла своих целей. Цели и задачи той или иной политики определяются их происхождением на политической арене, поэтому они отражают выборы между конкурирующими сторонами публичного интереса.

Последствия общественной политики обеспечивают предмет для описательного и смыслового импакт-анализа, но совсем другой вопрос: как определить конкретные последствия, касающиеся каждого гражданина. Выбор, который определяет следствие политики, обусловлен моделями и методами, которые использует аналитик. Каждый из последующих параметров, представляет политические последствия исходя из конкретной перспективы. Они включают параметры, основанные на политических результатах, актуальных и различных импульсах, намеренных и ненамеренных эффектах, прямых или косвенных импульсах, временно упорядоченных эффектах, реальных и нереальных результатах, а также на специфических субстантивных эффектах. Так, политические результаты правительственного курса действий в Республике Беларусь сохранятся в «Материалах Третьего Всебелорусского народного собрания» [3, с. 225].

Правительственные действия и заявления продуцируют последствия в нескольких последовательных типах. Сначала они генерируют политические «выходы» в форме выполненных государственных программ, работ, произведенных материалов, сервиса и т.д. Они представляют собой виды общественной политики, т.к. становятся манифестом в правительственных затратах или в конверсации ресурсов публичного сектора в те или иные виды деятельности. Иными словами, «выходы» отражают мобилизацию действий правительства по случаю специфических политических обязательств.

Но «выходы» являются только первой частью в череде политических последствий. Другой категорией результатов является реакция на целевое поведение или решение проблем политики. Своеобразной реакцией на правительственные действия являются данные социологических опросов общественного мнения по вопросу текущей политики, проведенные информационно-аналитическим центром при Администрации Президента республики Беларусь. «Наиболее волнующей население проблемой является рост цен (66,7% участников опроса). Значительная часть граждан обеспокоена проблемами алкоголизма, наркомании и преступности (44,3% и 37,8% соответственно). Не снижается острота жилищного вопроса (36,7%). Пятое место в перечне проблем, наиболее беспокоящих население, заняла безработица.» [4, с. 11].

Здесь мы начинаем дискутировать «политический перформанс» и исследовать те аспекты «окружения» специфических правительственных действий или заявлений, ко-

торые имеют значение для изменений и поддержки. (от англ. *performance* – представление). По мнению Ю.В. Ирхина, «перформативность» – это «эффективность и востребование знаний и информации» [5, с. 89]. Каждый вид общественной политики имеет цель, и на каждую цель является реакция в определенной форме в соответствии с рациональностью данной политики. Поэтому виды общественной политики ориентируют на согласие и регулирование общественных отношений. Исследуя последствия общественной политики, аналитика отслеживает, каким образом политика трансформируется в соответствии с первоначальными намерениями.

Политические последствия свидетельствуют о том, что реализация общественной политики имеет реакции вне зависимости от их «выходов» и перфоманса. Когда государственные программы имплементируются, эффекты выходят за рамки актуальной мобилизации правительственных ресурсов или ответственности заинтересованных групп. Эти последствия можно классифицировать как «политические выходы» (*outcomes*), представляющие генеральное и специфическое влияние правительственной деятельности или заявлений помимо более узко понимаемого влияния на целевые сегменты окружения.

Наконец, аналитика политических последствий может быть заинтересована в откликах правительственных действий или заявлений на систему политических действий или на данных политических деятелей. Общественная политика продуцирует реакции, которые включают импульсы для официальных лиц и институтов, формулирующих или имплементирующих политику. В Послании Президента Республики Беларусь Александра Григорьевича Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию отмечается: «Современный этап требует не только и не просто консолидации общественных сил, а создания структурированной политической системы на основе социального партнерства всех – государственных органов, общественных объединений в широком смысле этого слова, органов самоуправления и средств массовой информации. Все они должны более активно участвовать в решении государственных и общественных дел» [6, с. 57]. В этом смысле, мы имеем дело с «политической обратной связью» как типом политического результата, который может представлять аналитический интерес.

Каждый из этих типов политических последствий может быть рассмотрен как отличающиеся друг от друга аналитические разновидности. Можно ясно увидеть последующие взаимоотношения между политическими последствиями: правительственные акции продуцируют «выходы», которые являются выполнением (перфомансом), вызывающим реакцию, или «обратную связь». Однако эти последствия представляются как один из возможных вариантов, но не необходимых. Из этого следует, что правительственные заявления продуцируют «обратную связь» без мобилизации ресурсов, или результат будет виден до того, как политика будет иметь влияние на намеренные цели (т.е. политический перфоманс).

Изучение таких политических результатов не есть, однако, важнейшей частью политического анализа. Политические аналитики рассматривают ряд других характеристик, которые обеспечивают исследования исходя их иных позиций. Многие аналитики заинтересованы в объективных результатах публичной политики, т.е. того, что в действительности происходит, т.е. в исследованиях, касающихся затрат, стоимостей (например, «выходов») политики, ее эффективности (перфоманс), генеральных эффектов (результатов) или выраженной реакции (обратная связь). Нет необходимости объяснять интерес аналитиков в таких делах. Анализ последствий связан с политическими или социальными импликациями публичной политики. Субъекты политики поэтому являются заинтересованными не только в том, как политика влияет на окружение, но и в том, какое влияние окружение оказывает на политику.

Общественная политика тесно связана с акциями, или заявлениями, правительства, которые могут оцениваться как типы целевого поведения. Государственная политика имеет цели, которые могут быть описаны или объяснены в соответствии с целями политических деятелей. Эти цели, будучи эксплицитными или имплицитными, представляют намерения официальных субъектов политики, которые формируют или реализуют политику. Поэтому правомерно исследовать политические последствия с позиции их «намеренности» и «ненамеренности».

Фокусируясь на намерениях, аналитик исследует некоторые или все цели правительственных действий или заявлений. Эта необходимость первичного дескриптивного анализа индицирует, что является целями на самом деле. Некоторые из них могут быть эксплицитированы в специфических и операциональных терминах. Более часто, однако, намерения не являются эксплицитными, т.е. ясно выраженными в операциональных терминах. Такие цели, как снижение безработицы или рост доходов, в соответствии с публичным интересом не являются необыкновенными несмотря на их значительность. Ненамеренные последствия могут также обеспечивать интересный ракурс результата или оценочных исследований. Иногда государственная политика не генерирует определенные результаты, а наоборот, пытается их избежать.

Политика не может быть протестирована по «прямым» и «непрямым» последствиям, которые она имеет от их «окружения». Но доказать прямое влияние и оценить эффект не всегда возможно. Хотя индивиды всегда заинтересованы именно в прямом влиянии, например, снижении цен и инфляции, росте доходов и т.д. Одна из ошибок, которую необходимо избегать в оценочном анализе, – это смешение намеренно-ненамеренных делений политических последствий с их прямыми-непрямыми эффектами. Политические деятели без необходимости проводят политику с идеей, прямо нацеленной на проблемную ситуацию. Например, в экономической политике, правительство часто пытается достигать цели путем влияния на окружение. Если правительство желает развивать строительную отрасль, оно должно делать это, манипулируя интересами банков, которые финансируют строительство. Чтобы стимулировать строительство, правительство может увеличить субсидии, повысив налоги, и применить иные не прямые шаги, чтобы достичь своих целей. Но мы не можем неизбежно связывать прямое политическое влияние с намерениями политических деятелей.

Политические последствия сами по себе могут содержать тенденции, которые ориентированы на временной период. Правительственная активность аналогична брошенному в водоем камню, который генерирует волны с концентрическими кругами, и каждый круг подобен последствием, которые возникают на определенный период времени. Исходя из этой позиции, мы получаем картину политических импактов, имеющих применение в течение данного периода времени, потом следуют дальнейшие импликации во второй временной период, потом третий, и далее до тех пор, пока аналитик не удостоверится в том, что изучение эффектов становится все более измеряемым.

В этом подходе мы имеем дело с «временно упорядоченными эффектами». В течение начального периода (t_1) мы изучаем эффекты первого порядка; в течение периода (t_2) мы ищем эффекты второго порядка и так далее до периода t_n , когда рассматриваются энные эффекты. Применяемый период времени варьируется с интересами аналитика, и это может ранжироваться в течение более или менее продолжительного периода. Используя эту перспективу политических последствий, мы можем исследовать намеренные и ненамеренные, или прямые и не прямые, эффекты, например, программу медицинской помощи на 1 год, 2 года и так далее. Профессиональные аналитики называют этот процесс интерацией (повторением).

В аналитике можно использовать «осязаемость» или «неосязаемость» политических эффектов. Некоторые политические последствия принимают материальные формы и могут быть описаны и оценены в соответствующем виде.

Другим возможным субстантивным измерением, рассматривающим политические результаты, является ежедневная оценка аналитиком газетной, теле- и радиоинформации. Здесь аналитики фокусируют внимание на субстантивных эффектах измерения политики, например, в экономической или социальной сфере, чтобы описать и оценить производимый эффект. Некоторые из них имеют огромное значение. Наоборот являются ли они намеренными или нет, прямыми или косвенными, с краткосрочным эффектом или перспективными, осязаемыми или нет, могут для страны иметь важнейшее значение. Эти затраты также влияют на уровень занятости, инфляционные тренды, на уровень развития промышленности.

Фактически имеется много других измерений политических последствий, таких как измерения политики индивидами. Можно подчеркнуть, что не всегда эти измерения являются взаимно исключающими. По крайней мере, две такие перспективы частично совпадают.

Измерение последствий общественной политики. Модели и уровни

После выбора того, какие измерения результатов политики будут применяться, аналитик должен рассмотреть средства, или техники, которые необходимо использовать в описании или оценке политических последствий. Ключом к решению этой аналитической проблемы является селекция и применение необходимых (т.е. полезных) моделей. Для дескриптивного или смыслового, анализа выбор необходимой модели является существенным выбором шкалы (уровня) измерения, в соответствии с которой политические последствия могут быть описаны или сравнены.

Однако, похожесть в методах между политическим описанием и политической оценкой дифференцируется различными целями каждого типа анализа. Базисное политическое описание является моментальным снимком правительственных действий, тогда как политическая оценка является полной картиной финальных действий.

Существует фундаментальное отличие классификаций политики в соответствии с ее целями и категоризацией в терминах проблем, на которые эти цели были направлены. Существует субстанциальное различие между анализом дескрипции в виде того, как государственный бюджет будет использован на развитие страны и как он будет распределен. Более того, оценочный анализ идет дальше и применяет сетку оценочных критериев, раскрывающих специфические политические последствия с точки зрения того, являются ли они благоприятными или нет для общества. Именно результаты программ в области общественной политики указывают на оценочную функцию, которая отделяет оценочный анализ от базисного политического описания.

Далее мы рассмотрим несколько наиболее общих стандартов и критериев, используемых в «выходах» и оценочных моделях. Они могут быть суммированы в следующих типах: «затраты-выгоды», «эффективность», «действенность».

Модели «затрат-выгод»

Хотя концептуально модели «затрат и выгод» просты и полезны, они являются трудными для конструирования и применения. Эти модели являются общими средствами для политических деятелей по вопросам ценностей политических альтернатив. В настоящем контексте, однако, они также используются как средства для ответа на вопросы типа «каков эффект общественной политики?» и «была ли акция или заявление правительства хорошей или плохой?»

Для целей описания политических последствий модели «затрат-выгод» являются исключительно полезными, когда с их помощью сооружаются теоретические конструкции. Deskриптивный эффект показывает, что политические затраты есть прямые намерения для понимания политики для тех, кто понимает цену как единицу измерения. Как смысловое средство такая модель может обеспечить аналитика быстрым и значительным методом для усвоения смысла того, где есть выгоды, превышающие затраты. Политические последствия бывают результативными, и выгода от каждого потраченного рубля есть лучший политический результат.

Было бы хорошо, конечно, если бы анализ затрат-выгод был такой простой и можно было измерять политические последствия в монетарных терминах. Однако ключ к применению моделей «затрат-выгод» в том, что они должны конструироваться и применяться с осторожностью, и не так просто они выполняются.

С одной стороны, модели «затрат-выгод» строятся по «шкалам оценки», которые сами по себе являются предметом дебатов. По шкале эвалюции мы обозначаем стандарты и измерения, которые идентифицируют благоприятные (т.е. выгодные) и неблагоприятные (т.е. затратные) политические последствия. Такую модель было бы легко конструировать, если бы был способ достичь согласия по поводу того, что конституирует благоприятные и неблагоприятные политические результаты. Но такое согласие редко достигается в большинстве сфер общественной политики.

Даже если мы можем определить эти цели, мы все же должны найти согласие по «последовательности и надежности» сетки измерительных единиц политических результатов. Например, можно подсчитать, во что обходится государству система централизованного тестирования абитуриентов, или сопоставить, измерить затраты на поддержание здоровья граждан и их культурного роста.

Иногда мы используем монетарные единицы измерения, рубль, доллар либо другие согласованные единицы измерения. В иных случаях конструкции моделей «затрат-выгод» являются необъятными, поэтому возникают трудности, когда на первый взгляд вопросы кажутся простыми.

Если мы конструируем потенциально успешную модель «затрат-выгод», то следующей проблемой будет решение о том «как применить измерение объекта». Это сложная проблема. Экономисты, например, говорят о затратах только в терминах использованных ресурсов или потраченных денег. Однако есть серьезная проблема «возможности затрат». И этот критерий делает изучение политических результатов и оценочный анализ исключительно трудным делом.

Другая проблема в применении шкалы оценки затрат-выгод заключается в том, что необходимо считаться со многими «неосязаемыми последствиями» общественной политики. Общественная политика может иметь косвенную стоимость, с точки зрения ее последствий для общества или отдельных категорий граждан. Такие стоимости в политической оценке часто не рассматриваются, так как они не имеют количественных измерений [7, с. 78].

Эти определенные неосязаемые результаты являются трудными для измерения, но могут влиять на будущие политические решения. Томас Р. Дай считает, что «политические деятели даже более осознают значение символических функций общественной политики, нежели политические аналитики» [8, р. 19].

Символические и неосязаемые результаты общественной политики не могут быть игнорированы в оценочном анализе, и они будут здесь обозначены как благоприятные или неблагоприятные ценности, даже если это будет очень трудно измерить. Оценка результативности общественной политики становится еще более сложной, когда ее эффекты носят символический (неосязаемый) характер. Символические результаты политики не продуцируют реальных изменений сложившейся обстановки. Однако

даже пропаганда, далекая от реальной политики «может влиять на эмоциональную сферу и приносить удовлетворение многим людям» [7, с. 78–79].

Несмотря на эти проблемы, модели «затрат-выгод» не являются бесполезными. Фактически они содержат важный потенциал и часто используются в анализе, который требует последовательности, честности, надежности.

Модели «эффективности»

Подобно моделям «затрат-выгод», модели «эффективности» являются очень основательными и простыми в использовании, по крайней мере, на первый взгляд. Оценка политической эффективности заключается в том, что она относится главным образом к «шкале достижения целей» при описании и осмыслении политических последствий. В Обращении участников Третьего Всебелорусского народного собрания 2006 г. констатируется: «Выработанная и апробированная за годы двух пятилеток белорусская модель социально-экономического развития показала свою эффективность. Благодаря ее применению Беларусь не только в сжатые сроки преодолела глубокий экономический спад после развала СССР, но и первой в СНГ превзошла уровень производства докризисного. Это позволило сделать фундамент для нового этапа развития, где на первое место выходят более высокие показатели качества жизни народа и обеспечение достойного места Беларуси в мировой экономике. Эффективная система государственной власти сохранила наш суверенитет и независимость, уберегла общество от раскола и конфликтов, обеспечила безопасность и устойчивость этноконфессиональной ситуации» [3, с. 228].

Ряд комментариев по моделям эффективности сводится к тому, что они обязательно базируются на политических намерениях, целях правительственных действий и заявлений. Подобно «затратам-выгодам» и другим моделям ключ к успеху в использовании этого измерения есть конструкция. Единственной главной помехой этим усилиям может быть недостаток эксплицитных политических целей, поэтому аналитика должна исследовать вопрос применения целей в действиях или заявлениях. В таких исследованиях можно открыть политические цели, отличающиеся от того, что утверждалось ранее. Другая проблема возникает в случаях, когда есть не одна цель, а несколько, и поэтому, это слишком сложно, так как одни цели могут быть эксплицитными, в то время как другие могут быть только предполагаемыми.

Например, государственная инновационная политика предусматривает несколько целей. Одни из них являются достаточно эксплицитными, с четко обозначенными параметрами. В послании Александра Григорьевича Лукашенко Национальному собранию и белорусскому народу 2004 г. было заявлено: «Перспективы развития страны напрямую зависят от реализации интеллектуального потенциала нации, от эффективности инновационной деятельности. Необходимо значительно повысить удельный вес новой продукции в общем объеме производства. Ее должно быть не менее 30 процентов» [9, с. 10]. Другие нуждаются в уточнении, дополнении и корректировке. Отсюда отличаются и критерии измерения эффективности программы.

В дополнение нам необходимо рассмотреть проблемы, ассоциированные с развитием специфической шкалы измерения, когда политические цели известны. По крайней мере, мы можем сконструировать шкалу достижений, которая позволяет нам классифицировать политический результат как эффективный или неэффективный. Однако мало таких видов «политики», которые являются тотально эффективными или неэффективными. И поэтому, вероятно, было бы лучше рассмотреть уровень достижений в конструировании нашей шкалы. Но здесь мы сталкиваемся с рядом методологических проблем, т.к. мы должны разработать модель тщательно, чтобы это было полезно и в то же время отражало политические намерения. Если бы политические цели были про-

ранжированы с самого начала, наша работа была бы упрощена. Например, известно, сколько и какой объем нефти и газа необходим Беларуси ежегодно для удовлетворения своих потребностей. Такие цели легко шкалируются. Другие политические цели не так очевидны. Например, трудно подсчитать, каков будет объем иностранных инвестиций в те или иные отрасли хозяйства Беларуси. Некоторые из этих цифр могут быть конфиденциальными и поэтому не подлежат точному измерению.

Как и с другими моделями, конструкции «эффективности» не есть то же самое, что применение. Нужно следить, чтобы шкала достижения целей использовалась по назначению; в этом случае шкала должна соотноситься с политическим перформансом. Политика не может рассматриваться как эффективная просто потому, что правительство тратит на нее деньги. Даже аналитики иногда забывают этот базисный факт, в результате чего происходит слабое измерение политической эффективности. То, что правительство тратит значительное количество ресурсов на те или иные программы, еще не является индикатором эффективного политического перформанса. Хотя это и очевидно, но пока еще не стала для всех явной позиция о том, что индикатором эффективной правительственной политики является именно результат. Если политика является результатом тщательной отработки сконструированной эффективной модели, то ошибки встречаются достаточно редко.

Наконец, необходимо заметить, что использование эффективной модели описания политических последствий прямо не связано с применением «осмысления» политических последствий. То, что аналитик считает политику эффективной (т.е. он видит высокую шкалу на сетке измерений достижения целей), еще не значит, что аналитик полагает политические последствия хорошими или желательными. Эффективная политика может быть также нежелательной, когда описание импакта отделяется от суждений о политическом выполнении (завершении).

Модели «действенности»

Термин «действенность» имеет несколько значений в зависимости от того, что анализируется. Для некоторых аналитиков продуктивность означает «лучший путь», в то время как другие эквивалентом эффективности считают достижение целей. Многие аналитики используют продуктивность для того, чтобы исследовать такие процессы, как принятие решения и политическая имплементация, а не политические результаты, о которых сейчас идет речь. Поэтому модели «действенности» описываемые здесь, являются только некоторыми из многочисленных типов.

В использовании моделей «действенности» мы имеем дело не просто с достижением целей. Мы ставим вопрос каков наиболее благоприятный результат может быть достигнут? То есть какого качества результат мы ожидаем по сравнению с другими возможными политическими последствиями? В Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы констатируется: «Главными результатами реализации Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы должны стать активизация инновационного развития национальной экономики, создание необходимых условий для обеспечения устойчивого и эффективного ее развития, а также реализации социально-экономических приоритетов страны. Это позволит в прогнозируемый период повысить уровень и качество жизни народа» [3, с. 447].

Какие же качества, относящиеся к политическим «выходам» и «результатам» могут быть оценены как желательные? На очень общем уровне обычно предполагается, что эффективные политические последствия достигаются, по крайней мере, затратами (относительно к другим эффективным политическим результатам), которые желатель-

ны, должны использоваться эффективно как ресурсы. Поэтому мы можем дискутировать действенность относительно «шкалы стоимости результатов».

Однако эта шкала слишком узко определяема и поэтому является дискуссионной для измерения эффективности результативности. Например, эффективные политические последствия генерируют очевидную ценность, потому что они обеспечивают некоторые базисные характеристики политических последствий с позиции их действенности.

Типы результативности

С позиций смыслового анализа и оценки, политическая аналитика предполагает, что цели политики должны быть стоящими, т.е. эта модель должна способствовать действенности оценки политического результата. Существуют и другие действенные модели, которые может выбирать аналитик. Однако существуют позиции, которые необходимо подчеркнуть.

Первое. Описательная или смысловая оценка политических последствий, использованная в модели «действенности», предполагает, что политическая эффективность уже рассматривается (подразумевается) или принимается в расчет в течение анализа. Описательная или смысловая оценка не лимитирована изучением действенности тех политических результатов, которые имеют «высокую» эффективность. Вместо этого нужно поддерживать изучение действенности политических последствий на различных уровнях эффективности. Так, например, можно оценить различные уровни эффективности образовательных программ в денежном выражении.

Второе. Иные модели, использованные для дескриптивного импакта или смыслового анализа, тщательная конструкция и осмотрительное применение являются ключом к успеху. Конструкция должна отразить то, что аналитик понимает под действенностью. Если она означает применение только шкалы личных затрат на «выходе», или только шкалы нежелательного «выхода», или некоторых комбинаций этих альтернативных измерений, значит, это является оправданным. Но когда модель строится, она должна использоваться осторожно, чтобы избежать искажения оснований, что дает возможность генерировать подлинно успешный анализ.

Модели «беспристрастности» (справедливости)

Модели «беспристрастности» являются трудными для описания по нескольким причинам. Во-первых, концепция беспристрастности редко хорошо дефинируется. Эффективность и действенность, несмотря на их широкое использование, являются, тем не менее, идентифицированными с определенными характеристиками, которые делают их успешными концепциями. Беспристрастность же не имеет успешного «обращения». Мы часто ассоциируем беспристрастность с идеями «порядочности» и «справедливости». Но такие термины являются сами по себе неясно определенными.

Во-вторых, поскольку данная концепция является двойственной, «беспристрастность» – это то, чего желает каждый. Поэтому нельзя игнорировать того, что относится к политическим последствиям. Суть в том, чтобы определить, что мы понимаем под беспристрастностью, когда применяем модель, базирующуюся на ней.

В-третьих необходимо определить, что считается беспристрастным, когда политика исследуется через общественные перспективы и индивидуальных аналитиков. То, что считается беспристрастным политическим результатом в одном контексте, может быть определено как пристрастное в контексте другого аналитика. Различия позиций, вовлеченных в анализ, могут быть более глубокими, чем просто проблема измерения.

Для того чтобы прояснить проблемную суть модели «беспристрастности», нужно рассмотреть некоторые примеры. Для начала заметим, что беспристрастность поли-

тических последствий может быть описана и оценена несколькими путями. Вопрос беспристрастности может относиться к применимости «выходов» относительно того, как правительство имплементирует свои акции и заявления. То, что есть беспристрастность или пристрастность, может быть измерено через применение модели, основанной на «шкале возможностей». «Шкала возможностей», измеряет или категоризирует политические последствия соответственно с доступом к соответствующим политическим «выходам». В этом смысле некоторые политические «выходы» являются более доступными, чем другие. Определенные «выходы» генерируются теми, кто достигает нужного результата. Другие лимитированы интересами, определяемыми специальными группами. Какой из этих уровней возможности наиболее беспристрастный для каждого политического «выхода», зависит от восприятия того, какова ставка. Для определенных акций, таких как свобода слова или обеспечение справедливости, равные возможности для всех должны быть стандартами беспристрастности.

Второй тип модели беспристрастности фокусируется на политическом перформансе и относится к трактовке политических целей. Здесь «шкала трактовки» может быть благоприятной. То, что конституирует беспристрастную трактовку, конечно, зависит от исследовательской ситуации. Возможно, публичное право делает ясным, что есть справедливо в том или ином случае, а что нет. Необходимо заметить, что стандарты беспристрастной трактовки меняются так же, как меняются социальные ценности. Поэтому, если мы выбираем для применения модель, базирующуюся на «шкале трактовки», мы должны рассмотреть ряд соответствующих факторов и раздвинуть нашу шкалу с большой осторожностью.

И, наконец, беспристрастные измерения часто используются для описания и оценки политических результатов, и наиболее часто это ведет к модели, основанной на том, что мы называем термином «шкала распределительного эффекта». Иные политические результаты имеют импакты, которые разнятся внутри данного окружения или среди членов определенного сообщества. Этот распределительный эффект публичной политики можно увидеть в импакте затрат на национальную оборону. Так, усложнение международной обстановки, борьба с международным терроризмом неминуемо ведут к распределительным эффектам внутри национального бюджета, а также к активации контрактов продажи и покупки вооружений за пределами страны.

В краткосрочной перспективе такие затраты (распределительные эффекты) кажутся неоправданными (пристрастными). Но на длительную перспективу, с точки зрения дальнейшего укрепления обороноспособности страны и ее национальной безопасности, такие распределительные эффекты являются перспективными.

Таким образом, модель «беспристрастность», базируется на возможностях, трактовке, распределительных эффектах, используется и для описания политических последствий, и для их оценки. Часто ее использование является случайным или полемическим и дает малый простор для мысли на шкале ее применения. Однако добросовестный аналитик будет пытаться применить эти модели таким образом, чтобы сделать более ясным измерение и оценку исследуемого объекта.

Модели «социального теста»

Последняя из типов моделей политической оценки есть модель «социального теста», которая является наиболее легкой для понимания и наиболее трудной для дискуссии. С одной стороны, это относительно простая модель, которая обычно состоит из шкал, которые легко конструируются. С другой стороны, она представляет такой разнообразный ряд специфических моделей и шкал, которые трудно, если не невозможно, объединить по их целям.

Модель «социального теста» есть использование оценки со ссылкой на специфические социальные, политические или экономические интересы. Она типически отражает пространство, в котором политические последствия предпочтительны для этих интересов. Например, бывают оценки, которые продуцируются результатами, пролоббированными представителями отраслевых интересов. В этом измерении данные модели могут быть ассоциированы со «шкалой сатисфакции интересов». Такие модели могут быть успешными для описания импактов, если шкала измерения тщательно сконструирована. Модели должны вырасти реально из групповых интересов, однако критерий социального теста является чаще смысловым.

Заключение

Шкалы, дискутируемые в данной статье, могут быть использованы для описания актуальных последствий правительственной политики или для того, чтобы осмыслить последствия по сравнению с сеткой ценностей или ожиданий. Они интенционально широкие, потому что представляют более фундаментальные основания политической оценки, чем специфические методы, процедуры или измерения. Это является исключительно важным для политического аналитика, для того, чтобы специфицировать цели политической оценки. Политический аналитик из множества техник выбирает анализ деталей. Как было показано, общественная политика является результатом как бюрократических, так и технических решений. Последствия политики часто дискутируются в медиа или в холлах правительства в терминах смысловой оценки.

Политические аналитики имеют индивидуальные мнения по поводу того, какие виды политики являются лучшими для общества. Но цель аналитика – держать эти смысловые ценности отдельно от описания политических последствий и от применения специфических шкал перформанса к политическим импактам. Следование этим оценочным процедурам имеет большое значение для способности аналитиков понимать комплекс целей, процессов и результатов государственной политики в жизни общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Парламентские выборы 2008. Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. – Минск, 2008. – 19 с.
2. Политическая наука: новые направления / пер. с англ. М.М. Гурвица, П. Демчука, Т.В. Якушевой. Науч. Ред. Е.Б. Шестопап. – Вече, 1999. – 548 с.
3. Государство для народа: Документы и материалы третьего Всебел. нар. собр. 2–3 марта 2006 г. / редкол.: А.Н. Рубинов. – Минск : Беларусь, 2006. – 225 с.
4. Республика Беларусь в зеркале социологии: Сб. материалов социологических исследований. При информационно-аналитическом центре при Администрации Президента Республики Беларусь под общей редакцией О.В. Пролесковского – Минск, 2008. – 11 с.
5. Ирхин, Ю.В. Постмодернистский анализ политологии: методы, принципы, противоречие, проблемы. Актуальные проблемы политики и политологии в России : сб. статей / Под общ. ред. В.С. Комаровского. – М. : Изд-во РАГС, 2006. – 89 с.
6. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь: Независимая Беларусь – наш достойный и надежный дом. – Минск, 2007. – 57 с.
7. Решетников, С.В. Теория процесса принятия управленческих решений : монография. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 78 с.

8. Thomas, R. Dye Policy analysis / R. Thomas The university of Alabama Press, 1976. – 19 p.

9. Послание Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко Национальному собранию Республики Беларусь и белорусскому народу. – Минск, 2004. – 10 с.

Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S. Evaluation of Consequences of Public Policy: Functional Analysis

Policy evaluation is concerned with the estimation, assessment or appraisal of policy, including its content, implementation, and effect. Over the past few years, there has been an almost unprecedented growth in the application of political research to problems of public policy. Despite these facts, it has become increasingly difficult to explain what functional analysis is.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.03.10

УДК 32.01:303

Н.А. Антанович

ИНДЕКСЫ КАК ИЗМЕРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПОЛИТОЛОГИИ

В статье анализируются проблемы построения индексов в политических исследованиях. Рассмотрены исторические этапы становления методологии индексов, выделены наиболее известные из них в современной политологии, такие, как индекс развития человеческого потенциала, индекс готовности электронного правительства, индекс политической демократии, индекс демократического действия, индекс демократизации, индекс политической демократии, индекс Полития, индекс демократизации «свобода в мире», индекс экономической свободы, Индекс восприятия коррупции, индексы оценки эффективности государственного управления, индекс качества жизни, индекс международной безопасности, система индексов «Политический атлас современности». Автор показывает сильные и слабые стороны построения индексов и возможности их практического применения.

Введение

Проблема методов эмпирических исследований и количественной обработки данных является одной из самых актуальных в современной политической науке. Названная проблематика имеет как *технологическую* сторону (методология построения исследования), так и *содержательную*, поскольку необходимо понимать, что и ради каких целей исследуется, к каким объектам применимы количественные, а к каким – лишь качественные шкалы. Надо четко понимать разницу между измерением и оценкой. Следует учитывать: в политологическом исследовании обработка эмпирических данных основывается на сравнении с объектами, которые признаются аналитиком идеальными (эталонными). Проблематичным также является использование унифицированного инструментария для сравнения непохожих объектов.

Первопроходцами построения индексов в политологии были К. Болен, Т. Ванханен, Р. Гастил, Т.Р. Гурр, Ф. Катрайт, Д. Нейбауэр, К. Херпфер и др. Проблемы измерения в политической науке на постсоветском пространстве в целом и конструирования индексов в частности разрабатывали следующие авторы: А.И. Вишняк, А.Н. Зельницкий, А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, М.Г. Миронюк, Ю.А. Полунин, О.В. Попова, И.Н. Тимофеев, Г.Г. Татарова.

Цель данной статьи – рассмотреть проблему измерения в современной политологии посредством анализа индексов как совокупности индикаторов, отражающих качество или состояние политической системы и позволяющих проводить сравнительный анализ.

В широком смысле понятие «индекс» (от лат. *index* – список, реестр, указатель) – это 1) число либо символ (набор символов) для указания места элемента в совокупности элементов; 2) показатель активности, производительности, развития или измерения чего-либо. В узком смысле понятие «индекс» связано с агрегацией ряда взаимосвязанных индикаторов в новый комплексный индикатор. Индекс отражает внутренне взаимосвязанный комплекс индикаторов. О.В. Попова дает следующее определение: «Индексы – это относительные величины, количественно характеризующие динамику совокупности, состоящей из непосредственно несоизмеримых единиц, или части такой совокупности» [1, с. 271]. В современной политологии используются более сотни различных индексов, которые позволяют ранжировать государства на основе оценочных категорий «лучше – хуже», «больше – меньше». Для перевода любого показателя «X» в индекс, значение которого заключено между 0 и 1, используется следующая формула:

$$\text{Індекс} = \frac{x - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}}$$

О.В. Попова предлагает классифицировать индексы по пяти основаниям: «а) по теме (индексы оценки политического режима, доверия, коррупционности, социального благополучия, политической напряженности и т.д.); б) по источнику информации для построения индекса (статистические данные, оценки экспертов, результаты опросов общественного мнения); в) по процедуре, то есть по способу построения индекса (расчетные, основывающиеся на интеграции однородных или разнородных показателей, или «балльные», опирающиеся на систему начисления баллов, чаще всего штрафных); г) по уровню обобщения (частные, оценивающие одну сторону политического явления, или обобщенные, позволяющие провести комплексное сравнение политических институтов или процессов); д) по типу организации, разработавшей и использующей индексы (международные надгосударственные организации, исследовательские некоммерческие центры, международные независимые организации, международные банки)» [1, с. 272].

Первые индексы, позволившие адекватно изучать и оценивать динамику социально-политической сферы появились в 1960-е годы. Н.В. Венцов пишет: «1966 г. – это год «пересечения» двух важных с рассматриваемых позиций событий: в США начало этапа «квантификации» качества жизни на основе разработки социальных индикаторов, а в СССР – год разработки первого в стране перспективного комплексного плана социального развития коллектива ленинградского объединения электронного приборостроения «Светлана». Планом... предусматривалась разработка социальных показателей (индикаторов) по ... различным направлениям» [2].

Широко известен *индекс развития человеческого потенциала*, разработанный ООН. *Индекс развития человеческого потенциала* (Human Resources Development Index, HRDI) – ИРЧП – публикуется ежегодно с 1990 г. (<http://hdr.undp.org>). ИРЧП ООН был разработан пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком (Mahbub ul-Haq). При расчете ИРЧП учитываются три основных показателя: оценка долголетия (или индекса ожидаемой продолжительности жизни), уровень образования (индекса образования, который отражает уровень грамотности взрослого населения и совокупный коэффициент поступивших в начальные, средние и высшие учебные заведения), доля реального ВВП, приходящегося на душу населения (индекса ВВП на душу населения с учетом покупательной способности). Рейтинг составляется в рамках Программы развития ООН (ПРООН), осуществляющей деятельность в 166 странах. В создании докладов «О развитии человека» принимает участие группа независимых экспертов, которые опираются на официальные данные национальных исследовательских центров. Величина ИРЧП колеблется от 0 (мин) до 1 (макс). Если ИРЧП равен 0,5 и меньше – он считается низким, если 0,5–0,8 – средним, от 0,8 до 1 – высоким. Высокий уровень доверия к ООН позволяет говорить, что ИРЧП – один из самых авторитетных показателей, ведь в его основу положены не субъективные оценки экспертов, а реальные числовые показатели, взятые из официальных источников. ИРЧП позволяет осуществлять сравнительные исследования и классифицировать страны. ИРЧП выступает в качестве инструмента оценки эффективности социально-экономических программ, определения приоритетов социально-демографической политики.

В настоящее время ООН используется также *индекс готовности электронного правительства* (E-government Readiness Index). Всемирным банком предложен *индекс качества государственного управления*. В политологии разработан ряд индексов, отражающих процессы демократизации. Основные методологии оценки степени демократии или авторитаризма были разработаны в рамках таких проектов, как «*Полития*» (группа американских политологов под руководством Т.Р. Гурра более тридцати лет сравнивает страны мира по индексу политики, выстраивая их в спектре от «демократии»

до «автократии»), «*Индекс демократизации*» (разработчики: коллектив под руководством Т. Ванханена из Университета Хельсинки), «*Индекс трансформации*» (Фонд Бертельсмана), *индекс восприятия коррупции* (организация Transparency International), индекс политических прав и гражданских свобод: «свободные – несвободные страны» (организация Дом свободы – Freedom House), *индекс экономической свободы* (фонд «Наследие»), система комплексных индексов, позволяющих проводить сравнение различных государств «*Политический атлас современности*», – (коллектив МГИМО(У) и др.

Итак, в современной политологии разработано множество индексов демократии, которые охватывают различные аспекты демократического устройства и развития политических систем. В становлении измерительных индексов можно выделить несколько периодов.

1. Институциональный период, когда исследователи обращали внимание на формальную сторону демократии. К примеру, Ф. Катрайт в исследовании 1963 г. обращал внимание на институциональные характеристики демократии.

2. Процессуальный период, когда анализировалась процессуальная сторона демократического режима (представители: Д. Нейбауэр, Т. Ванханен, К. Болен).

3. Субстанциальный период – измерение демократии стало использоваться в практической политике. Исследователи стремятся построить индексы, которые позволяли бы измерить уровень не только провозглашенных прав, но и особенности их реализации. В 1990-е гг. появляется идея «демократического аудита», т.е. использования измерительной техники для проведения независимого обследования уровня и характера развития демократии в отдельных странах для оказания влияния на практическую политику.

Таким образом, первые попытки измерить уровень демократии не выходили за рамки формальных аспектов и основывались исключительно на анализе ее институциональных характеристик. Так, Ф. Катрайт строил *индекс политической демократии (индекс политического развития)* исходя из критериев демократического формирования законодательной и исполнительной власти. Страны располагались по оценочной шкале от 0 до 3 баллов. Для наивысшей оценки демократичности, по Ф. Катрайту, достаточно было чтобы:

1) нижняя палата (или однопалатный Парламент) состоял из представителей двух или более политических партий, а партийное меньшинство занимало не менее 30% всех депутатских мандатов;

2) государством управлял глава исполнительной власти, который был назначен на основе многопартийной конкуренции или был избран всенародно на всеобщих выборах [3, p. 195].

Д. Нейбауэр предложил *индекс демократического действия*, основываясь на экономической модели демократии Э. Даунса и модели полиархии Р. Даля. В качестве основы измерения демократии Нейбауэр использовал две основные переменные: электоральное равенство и электоральную конкуренцию. При построении *индекса демократического развития* также учитываются следующие параметры: процент взрослого населения, имеющего право голоса; равенство представительства; информационное равенство; конкуренция, а именно: длительность нахождения у власти доминирующей партии и средний процент голосов, полученных побеждающей партией. С помощью этих индикаторов Нейбауэром было проведено эмпирическое обследование двадцати трех стран. Оценки затем были объединены в единый *индекс демократического действия*, а результаты использовались для множественного регрессионного анализа взаимосвязи демократии и социально-экономических условий.

Финский политолог Т. Ванханен разработал *индекс демократизации*, опираясь на следующие гипотезы: уровень демократизации зависит от степени распределения

ресурсов в обществе и при достижении определенного показателя индекса властных ресурсов для всех стран характерна тенденция к пересечению порога демократии.

Итак, Т. Ванханен исследовал возникновение демократии в зависимости от распределения в обществе властных ресурсов. «Демократия означает, что народ и группы людей свободны состязаться за власть и что носители власти избраны народом и ответственные перед ним». Основываясь на концепции Р. Даля, Т. Ванханен использовал две переменные: политическое участие и политическую конкуренцию – и трансформировал их в два количественных индикатора для измерения демократии: 1) уровень конкурентности (К) – доля голосов, полученных оппозиционными партиями на парламентских или президентских выборах; 2) уровень электорального участия (У) – доля населения, участвовавшего в голосовании. Уровень конкурентности определяется по доле голосов, полученных небольшими партиями на выборах. Второй индикатор определяется по доле населения, реально принимавшего участие в голосовании.

Формула *индекса демократизации* (ИД) следующая:

$$\text{ИД} = \frac{К \times У}{100}$$

Базовые переменные одинаково важны для измерения и не в состоянии заменить друг друга. Конкуренция не в состоянии заменить участия, а высокий уровень участия не в состоянии заменить конкуренции. *Индекс демократизации*, получает высокое значение только тогда, когда значение обеих базовых переменных высоко. При расчетах исключаются страны, которые не набирают по уровню электоральной конкуренции более 30%, а по уровню политического участия – более 10%. Минимальное значение индекса для отнесения страны к категории демократических государств составляет 5%. Если хотя бы один из таких «пределов» не достигнут, страна не может считаться демократией [4].

К. Боллен предложил *индекс политической демократии*, основываясь на понимании демократии как системы взаимосвязи элит и неэлит. В условиях демократии политическая власть элиты минимизирована, а политическая власть неэлиты максимизирована. Боллен выделил две характеристики демократии: политические свободы и народный суверенитет (выраженный в электоральном процессе). Индикаторами политических свобод являются свобода прессы (по десятибальной шкале), свобода оппозиции (по четырехбальной шкале), правительственные санкции (по числу санкций).

Народный суверенитет измеряется по следующим параметрам: справедливость выборов; выборность исполнительной власти; выборность законодательной власти. Каждый из шести компонентов *индекса политической демократии* затем линейно трансформируется в оценки от 0 до 100, а страны ранжируются на основе средних значений из шести оценок [5, p. 469–470].

В конце 1960-х гг. Г. Экстайн и Т.Р. Гарр возглавили научный проект «Полития» (Polity), направленный на сбор и анализ данных о политических институтах и режимах государств современного мира. В настоящее время реализуется проект «Полития IV» под руководством М. Маршалла. *Индекс Полития* рассчитывается по шкале из 21 пункта и ранжирует страны с разными формами правления: от наследственной монархии с оценкой минус 10 до консолидированной демократии с оценкой плюс 10. Индекс также может быть записан в категориях политического режима: «автократии» (autocracies) – (от -10 до -6), «анократии»* (anocracies) – (от -5 до +5) и «демократии» (democracies) – (от +6 до +10). (* термин «анократия» описывает политический режим, при котором власть на определенной территории обладает атрибутами государственности, однако в реальности она поделена между лидерами резко конфликтующих формальных

и неформальных группировок). Данные Политии отражают информацию об институтах и центральном правительстве, политических группах [6].

Достаточно широко известным и одновременно неоднозначно воспринимаемым политологическим сообществом является *индекс демократизации*, разработанный организацией «Freedom House». Неправительственная организация «Дом свободы» – («Freedom House»), созданная в 1941 г., разработала проект «свобода в мире» (Freedom in the World), отражающий уровень демократического развития. Freedom House также разрабатывает индексы свободы прессы (Freedom of the Press), нации в период транзита (Nations in Transit), обзор прав женщин (Women's Rights Survey) (<http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=249>).

Методологию расчета *индекса демократизации* (в рамках проекта «Свобода в мире») предложил сотрудник Вашингтонского университета Р. Гастил. Эксперты дают ответы по 25 вопросам, касающимся политических прав и гражданских свобод в тех или иных странах, которые группируются по четырем направлениям: избирательный процесс; гражданское общество; независимые СМИ; управление [7, p. 162–163].

После предварительной процедуры оценивания экспертами полученные на каждый вопрос ответы оцениваются в баллах и суммируются. Далее по количеству полученных баллов рассматриваемые государства ранжируются на «свободные», «частично свободные» и «несвободные». Минимальный шаг по данной шкале составляет 0,25 балла, причем за один год показатели страны редко меняются более чем на балл. Страны ранжируются на основе оценок экспертов по шкале от 1 (наиболее высокий уровень демократичности) до 7 (самый низкий уровень демократичности) и подразделяются на пять групп: консолидированные демократии (1–2 балла), частично консолидированные демократии (3 балла), переходные или гибридные режимы (4 балла), частично консолидированные авторитарные режимы (5 баллов) и консолидированные авторитарные режимы (6–7 баллов).

Рассматриваемый *индекс демократизации* неоднократно подвергался обоснованной критике за субъективность оценок и искусственность критериев. Понятия, которые используются при расчетах: например, «справедливые избирательные законы» – не имеют однозначного толкования для различных политических систем. Авторы методики не обосновывают принципы подбора экспертов. С нашей точки зрения, рейтинги, составленные на основе экспертных оценок, несут отпечаток субъективизма. «Ранжирование, базирующееся на восприятии исследователей без опоры на объективные показатели (экономические, демографические и пр.), может привести (и зачастую приводит) к «идеологизации» рейтинга» [8, с. 41].

Украинский исследователь А. Зельницкий пишет, что количественные показатели рейтингов (по четырем отдельным направлениям) сводятся в общий индекс демократизации страны лишь на макроуровне [9, с. 158]. А. Зельницкий утверждает, что «критерии уровня демократизации должны быть более точными, чем те, которые использует в своей работе «Freedom House», а субъективные оценки экспертов – заменены на объективные показатели. Подобные цели, в частности, преследовал австрийский ученый К. Херпфер» [9, с. 164].

К. Херпфер разработал *индекс демократии* для ее изучения на микро- или индивидуальном уровне. Автор исследовал поддержку и готовность к принятию демократических принципов населением как формы режима. *Индекс демократии* (на индивидуальном уровне), по Херпферу, имеет девять позиций, по которым в результате опросов определяют тех, кого можно отнести к категории «демократы». Эти позиции касаются отношения граждан к коммунистическому и нынешнему политическому режиму, к демократическому парламенту, к отличным от демократии режимам и т.п. [10, с. 124]. К. Херпфер считает, что если в конкретном обществе более 60% населения составляют

«демократы» (сторонники демократии), то можно говорить о консолидированной демократии. Если в обществе свыше 40% населения идентифицировали себя как «демократы», тогда демократия в процессе становления. Общества с долей «демократов» менее 40% являются трансформирующимися. К примеру, по данным 1998 г., в Польше было 66% сторонников демократии, в Украине – 19%, в Беларуси – 41% [10, с. 125–150].

Фондом «Наследие» в 1995 г. был разработан *индекс экономической свободы*. Фонд «Наследие» (Heritage Foundation), основанный в 1973 г., является исследовательским институтом США в области политики, экономики и права. Информационной базой *индекса экономической свободы* являются данные правительственных и неправительственных организаций, результаты международных и национальных социологических опросов. Данный индекс рассчитывается с учетом 50 характеристик, объединенных в 10 факторов экономической свободы: государственное вмешательство в экономику; монетарная политика; торговая политика; фискальная политика; иностранные инвестиции; банковская сфера; зарплаты и цены; имущественные права; государственное регулирование; черный рынок. Каждый фактор оценивается по шкале, в соответствии с которой полученные данные переводят в баллы от 1 до 5. Чем выше значение показателя, тем ниже уровень экономической свободы. Однако, как известно по опыту ряда стран с переходной экономикой, отсутствие вмешательства государства в экономические процессы не является гарантией успеха рыночных реформ. Из оценки в каждой категории выводится средняя общая оценка страны [11].

Неправительственная организация «Transparency International» (TI) является инициатором двух проектов для измерения уровня коррупции в различных странах: *Индекса восприятия коррупции* (ИВК) и *Барометра мировой коррупции*. *Индекс восприятия коррупции* составляется организацией Transparency International с 1995 г. и строится на данных различных опросов, проведенных независимыми организациями среди предпринимателей и аналитиков, и по данным опросов жителей изучаемой страны. Среди стран с самым низким показателем коррупции фигурируют Финляндия, Исландия, Дания, Новая Зеландия, Сингапур.

В последние годы количество индексов, разработанных политологами, увеличивается. Приведем примеры. Существуют *индексы оценки эффективности государственного управления*. В рамках программы SIGMA (Support for Improvement in Governance and Management – Программа по поддержке совершенствования государственного управления в странах Центральной и Восточной Европы) разработаны показатели государственного управления «второго поколения»: качество государственной службы; управления разработкой и реализацией политики; качество управления государственными расходами; внешний аудит; государственные закупки [12, р. 349].

Индекс качества жизни (Quality of Life Index) – комплексный показатель, характеризующий уровень общественного развития, достигнутый страной. Разработан организацией International Living. Характеризует развитие в сфере экономики, экологии, инфраструктуры, культуры, безопасности, климата и др. *Индекс качества жизни* включает в себя девять субиндексов: стоимость проживания (с учетом налогов), культура и досуг, экономика, окружающая среда, уровень свободы, здравоохранение, инфраструктура, риски и безопасность и климат. Максимальная оценка каждого критерия составляет 100 баллов. При этом в структуре индекса качества жизни удельный вес субиндексов «Стоимость проживания» и «Экономика» составляет 15%, остальные субиндексы имеют вес по 10%. В качестве базы исследования выступают публикации авторитетных исследовательских организаций [13].

Политологи на постсоветском пространстве также активно осваивают методологию построения индексов с акцентом на сравнительном анализе государств. Два наиболее ярких примера – «*Политический атлас современности*» и *индекс международной*

безопасности Центра политических исследований России. Коллектив сотрудников МГИМО (У) РФ под руководством А.Ю. Мельвиля, М.В. Ильина, Т.А. Алексеевой по заказу Института общественного проектирования разработал систему комплексных индексов, позволяющих проводить количественные замеры и сравнения различных государств. Система индексов получила название «*Политический атлас современности*». К числу важнейших исследовательских инструментов, которые используются в проекте «*Политический атлас современности*» для создания многомерной политической картины мира, относятся классификации и типологизации. Ядро проекта – построение рейтинга стран на основе пяти комплексных индексов. Измерения предложено проводить по пяти индексам: 1) индекс государственности; 2) индекс внешних и внутренних угроз; 3) индекс потенциала международного влияния; 4) индекс качества жизни; 5) индекс институциональных основ демократии [14, с. 7].

Ключевым для оценки государственного управления из пяти приведенных выше является *индекс государственности*. Как отмечают авторы проекта, «индекс государственности используется для определения способности государства поддерживать свое существование, обеспечивать самостоятельное развитие, решать стоящие перед ним внутренние и внешние задачи, т.е. использовать свои прерогативы суверена. Хотя все сравниваемые между собой государства (члены ООН + Тайвань) формально суверенны, степень их реальной суверенности различна. Одни государства (их не так уж много) в полном смысле независимы и самостоятельны в своей внутренней и внешней политике. Другие при осуществлении своих суверенных полномочий зависят скорее от иных государств и международного сообщества, нежели от собственных политических, экономических и прочих ресурсов. Они не в состоянии сколько-нибудь самостоятельно отвечать на внутренние и внешние вызовы. По сути, этот индекс указывает на степень успешности, управляемости, состоятельности и эффективности государств. Условно, его полюсами являются «успешные суверенные государства» и «несостоявшиеся несuverенные государства» (failed states)». Далее авторы «*Политического атласа современности*» делают заключение: «Россия в данном рейтинге занимает 27-ю позицию и совершенно четко располагается в зоне «высокой государственности». Показательным является главный вывод авторов «*Политического атласа современности*»: «...четко выделяется группа мировых лидеров – Великобритания, Германия, Италия, Китай, Россия, США, Франция, Япония. От нынешней «большой восьмерки» эта группа отличается одним членом – Канаду заменяет Китай» [15, с. 18, 20].

Центром политических исследований России в 2010 г. разработан *индекс международной безопасности* (international Security index) – «универсальный индекс международной безопасности, призванный показать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от идеальной на каждый конкретный момент его определения». Целью создания *индекса международной безопасности* является попытка числового выражения динамики общемировых процессов, объединенных понятием «международная безопасность». Этот индекс призван продемонстрировать, насколько международная ситуация с точки зрения безопасности отличается от «идеальной» на каждый конкретный момент его определения. Он также показывает, как эта ситуация менялась под воздействием различных факторов военного и невоенного характера [16]. Первоначально авторы *индекса международной безопасности* выделили и провели классификацию факторов, которые создают угрозу жизни и здоровью людей и в целом их «благополучию» в современном мире. Были выделены военные, политические, техногенные и природные, экономические факторы и фактор терроризма. С точки зрения безопасности, масштабы воздействия различных факторов подразделены на глобальные, региональные и локальные.

Ключевым моментом в определении *индекса международной безопасности*,

является «взвешивание» отдельных категорий и групп факторов и присвоение им соответствующего «ранга» в шкале приоритетов безопасности. Авторами была предложена следующая шкала оценки степени влияния различных факторов на международную безопасность:

Факторы	«Вес» факторов по уровням безопасности			Итого
	Глобальный	Региональный	Локальный	
Военные	1000	100	10	1110
Политические	700	70	7	777
Терроризм	500	50	5	555
Техногенные и природные	500	50	5	555
Экономические	500	50	5	555
Всего	3200	320	32	3552

Расчет базового значения *индекса международной безопасности* равен сумме индексов военной, политической, террористической, техногенной и экономической безопасности. Расчет осуществляется только один раз, после чего полученное значение может лишь корректироваться. Основу расчета составляют экспертные оценки вероятности возникновения (угрозы осуществления) каждого из факторов названных категорий. Оценка осуществляется специалистами в соответствующих областях знаний.

Заклучение

На основе проведено анализа можно сделать следующее заключение. Следует помнить, что индексирование, а на его основе сравнение и ранжирование государств ведет к несколько упрощенному пониманию политических процессов. Открытым остается вопрос обоснованности процедуры шкалирования (измерения или оценки). Начало построения любого индекса – это «взвешивание» каждого компонента показателей. А эта процедура производится экспертами и зачастую имеет непроясненный, волонтаристский характер. Острым остается вопрос надежности исследования, ведь нередко информация по отдельным организациям или странам является неполной. Индексы демократизации имеют нормативный характер, т.е. основаны на сопоставлении ситуации в отдельных странах с некоей демократической моделью. Вопрос: какой моделью? Если нет четкой операционализации идеала (как модели, принятой за образец), на основе которого строится индекс, то возникает возможность субъективных интерпретаций. Кроме того, индексы строятся на методе классических экспертных оценок, а вопросы подбора экспертов могут определять результат исследования. В целом, следует отметить, что хотя процедура индексирования требует совершенствования, но уже сегодня является серьезным инструментом рационализации политики в руках современных политологов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Попова, О.В. «Измерительный инструмент» в сравнительной политологии: к вопросу о нерешенных проблемах / О.В. Попова / ПОЛИТЭК (POLITEX: Политическая экспертиза). – 2009. – № 1. – С. 271–291.
2. Венцов, Н.В. Категория «качество жизни» и территориальное планирование / Н.В. Венцов // Качество 21 века : Инновационный портал. – [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : <http://quality21.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=330>. – Дата доступа: 27.12.2009.
3. Cutright, Ph. National Political Development: Measurement and Analysis / Ph. Cutright // American Sociological Review. – 1963. – Vol. 28. – № 1. – P. 195–196.

4. Vanhanen, T. The process of democratization: A comparative study of 147 states, 1980-88. / T. Vanhanen. – N.Y. : Crane Russak, 1990. – 327 p.
5. Bollen, K.M. World System Position, Dependence, and Democracy: The Cross - National Evidence / K.M. Bollen // *American Sociological Review*. 1983. – Vol. 48, N 4. – P. 468–479.
6. Polity IV Project: Political Regime Characteristics and Transitions, 1800-2008. <http://www.systemicpeace.org/polity/polity4.htm>).
7. Gastil, R. The Past, Present and Future of Democracy / R. Gastil // *Journal of International Affairs*. – 1994. – Vol. 38, № 2. – P. 161–179.
8. Миронюк, М.Г. Универсальные сравнения с использованием количественных методов анализа (Обзор прецедентов) / М.Г. Миронюк, И.Н. Тимофеев, Я.И. Ваславский // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 39–58.
9. Зельницкий, А. Измерение индекса демократии как предпосылка управления процессом демократизации (Украина и посткоммунистические страны Центральной и Восточной Европы, 1994–2004) / А. Зельницкий // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2004. – № 2. – С. 156–168.
10. Херпфер, К. Новый индекс демократии. Демократизация общественности в пятнадцати государствах Центральной и Восточной Европы (1991–1998) / К. Херпфер // *Социология: теория, методы, маркетинг*. – 2001. – № 3. – С. 123–150.
11. Heritage Foundation [Electronic recourse]. – 2009. – Mode of access : <http://heritagero.blogspot.com/2010/01/2010.html>. – Date of access : 09.10.2009.
12. Knack, S. Second-Generation Governance Indicators / S. Knack, M. Kugler, N. Manning // *International Review of Administrative Sciences*. – Vol. 69. – 2003. – P. 345–364.
13. 2010 Quality of Life Index article // *International living* [Electronic recourse]. – 2010. – Mode of access : <http://www1.internationalliving.com/qoff2010/>. – Date of access : 19.01.2010.
14. Мельвиль, А.Ю. «Политический атлас современности»: замысел и общие теоретико-методологические контуры проекта / А.Ю. Мельвиль // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 6–15.
15. Мельвиль, А.Ю. Опыт классификации стран. / А.Ю. Мельвиль, М.В. Ильин, Е.Ю. Мелешкина, [и др.]. // *Полис*. – 2006. – № 5. – С. 15–39.
16. Индекс международной безопасности (iSi) // ПИР – Центр (Центр политических исследований России) 2010. [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа : www.pircenter.org/data/ib/isimethods.pdf. – Дата доступа : 23.02.2010.

Antanovich N.A. Indexes as a Measure Instrument of Modern Political Science

The approaches to create indexes in political research have been analyzed in the article. The historical stages of policy indexes were revealed and the main indexes were described as the following: Human Recourses Development Index, E-government Readiness Index, political democracy index, index of democratization, Freedom in the World index, Economical Freedom index, Evaluation indexes of Management effectiveness, Quality of Life Index, international Security index, system of indexes its of Political Atlas of Modernity. The strengths and weaknesses of policy indexes and opportunities for it's practical application have been showed by the author.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.01.10

УДК 316.46+323.2

А.И. Лысюк

ОБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА: СТРУКТУРА И ДЕТЕРМИНАНТЫ

В данной статье осуществляется анализ структуры и детерминационного потенциала образов политических лидеров. Дается критический анализ концепций, исследующих образы политических лидеров и электоральные ожидания от них. Указывается на системное качество образов лидеров, соответствующее требованиям определенных культурно-исторических систем. Констатируется, что мотивационная доминанта образа политического лидера представлена культурологическими факторами. Определяется их содержание, структура и основные элементы, включая иррациональный и эстетический компоненты, равно как и их электоральный потенциал. Исследуется архетипическая основа образов политических лидеров – архетипы Отца, Пророка и Героя. Отмечается важность презентации в политическом пространстве целостного образа политического лидера, обладающего функциональным единством, укорененным в национальную традицию и национальную политическую культуру.

Введение

Историческая практика показала, что по причине особенностей процессов социальной перцепции в системе политического лидерства основным агентом коммуникации выступает сама фигура, личность лидера, инициируя и стимулируя у последователей процессы персонификации. «В любых исторических условиях, – пишет Г. Дилигенский, – выбор политической ориентации лишь у меньшинства людей совпадает с выбором политической концепции. У большинства политический выбор связан с выбором персонифицированным: ориентация персонифицируется в политическом лидере или организации, образы которых персонифицируются с теми предпочтениями, в которых выражаются политические интересы людей... Чувственно воспринимаемый образ политиков – это для большинства людей единственно доступный источник суждения о гарантиях осуществления разделяемых ими политических целей... В постсоветской России персонификация носит гипертрофированный характер: при отсутствии ясных политических программ и последовательно осуществляющих их партий, приходится ориентироваться на отдельных деятелей» [1, с. 336–337, 340]. Можно добавить, что в настоящее время процессы персонификации политического пространства усиливаются по причине информационной революции и интенсивной виртуализации политического пространства.

Действительно, современный политический мир наполнен множеством образов политических лидеров, принимающих действенное участие в форматировании политической идентичности разнообразных социальных акторов, что является закономерным результатом «становления открытого информационного пространства, в котором политическая коммуникация осуществляется посредством легко доступных обывателю сознанию символов и форм... Сами образы (вернее, их репрезентация, «картинка», отражающая набор стереотипных представлений о носителе образа) оказываются объектом массовой культуры, привычной частью повседневного обихода» [2, с. 7]. Данные социологических исследований свидетельствуют, что во время избирательных кампаний многие люди делают выбор в пользу политических персон, соответствующих их представлениям об идеальном образе политического лидера, укорененном, в свою очередь, в исторические прототипы.

При изучении образов политических лидеров исследователи чаще всего акцентируют внимание на двух факторах. С одной стороны, на анализе предельно обобщенных символических образов лидеров, игнорируя при этом присущие им конкретные

личностные и политические качества, что придает исследованиям подобного рода известную схоластичность. Как следствие этого, у значительной части населения возникает когнитивный диссонанс, основанный на расхождении между сложившимися образами политических акторов и их конкретным наполнением.

С другой стороны, ряд ученых, особенно современных, отдают предпочтение узкому эмпиризму, основанному на теории «черт лидера», связанному с выделением нескольких универсальных качеств политического лидера и игнорирующему как историко-культурный контекст его деятельности, так и целостность его восприятия избирателями. К тому же, как известно, исследования подобного рода оказались тупиковыми, поскольку полученные в их рамках результаты противоречили первоначальным гипотезам, и, кроме того, оказалось невозможным обнаружить и тем более обосновать универсальные, подлинно лидерские качества по причине их отсутствия как социально-психологического факта. В этой ситуации возникает необходимость преодоления крайностей обоих подходов и создания модели образа лидера, обладающего как системным качеством, так и существенным детерминационным потенциалом для последователей (избирателей), что является **целью** данной статьи. Этот образ целесообразно рассматривать с учетом целостности, интегрированности, взаимозависимости всех его элементов, каждый из которых должен гармонизировать и дополнять другие.

Общие характеристики образа политического лидера

Образ политического лидера включает в себя как устойчивые, стабильные, так и переменные характеристики. В первую очередь, ему присуща целостность и качественная определенность, долгое время живущая и воспроизводящаяся в массовом и индивидуальном сознании и выражающаяся в определенном политическом и личностном типаже. Как справедливо отмечает украинская исследовательница Л. Кочубей, «в массовом сознании очевидна... система эталонных типов политических лидеров, которые в научной литературе выступают как имплицитные (глубоко спрятанные, неявные)» и которые «обладают определенными оценочными критериями» [3, с. 186]. Применительно в современной России российский политический технолог А. Максимов выделяет восемь подобных типажей: Гуманитарий, Хозяйственник, Борец, Силовик и др. [4, с. 54]. Широко распространенными являются также лидерские типажы, укорененные в национальную историю, традицию, этос и эпос. В качестве примера можно привести естественное для России авторитарное политическое лидерство, которое является производным от «утвердившихся еще в средние века авторитарно-договорной, авторитарно-утилитарной и авторитарно-патриархальной его форм», которые выражали «исторические элементы российской культуры, образа жизни, национальные российские обычаи» [5, с. 13, 620]. В свою очередь, В. Опанасюк утверждает, что политический успех В. Ющенко в определенной степени основывался на его идентификации с исторической фигурой Богдана Хмельницкого [6, с. 130–131]. В настоящее время ключевой задачей имиджмейкеров в предвыборной ситуации является обнаружение электорального спроса на определенный образ лидера и соответствующее его оформление в информационном пространстве.

Кроме этого, важной характеристикой политического лидера является интерсубъектность, т.е. способность вызывать у определенного социума общее спонтанное, эмоционально позитивное чувство, и это позволяет ему быть интегрирующим фокусом некоей общности людей (последователей), направлять и организовывать их социальную деятельность.

Должна наличествовать также известная гармония между образом реального политического лидера и его искусственной конфигурацией, выраженной в формируемом

имидже, имеющем очевидные пределы воздействия на последователей. Этот образ должен соответствовать и конкретному социальному контексту и социальным вызовам.

Следует учитывать тот факт, что образ лидера имеет не только свою статику, представленную набором определенных компонентов, но и свое деятельное проявление, выраженное в интегрированном единстве осуществляемых лидером функций, совокупность которых обладает конкретно-историческим своеобразием. Некоторые из них ориентированы на реализацию социальной миссии политического лидера (интегративная, коммуникативная, административная, распределения ресурсов и др.). Другие же – на позиционирование в политическом пространстве образа самого лидера (функции идеализации, идентификации, репрезентации и противопоставления).

Очевидно также, что господствующий образ политического лидера существенным образом зависит от совокупности объективных факторов, в первую очередь, от характера политической системы, в рамках которой осуществляется властная деятельность лидера. Украинская исследовательница Н. Юшина отмечает при этом, что «объективные факторы не являются основными в формировании политического образа, но им отводится роль основы того образа, на который накладываются все другие компоненты (коммуникативный, ситуативный, субъективный)» [7, с. 138].

Образы политического лидера обычно являются также персонификацией и выражением определенной культурологической парадигмы. Они по своей природе синкретичны и синтезированы из определенных идеологий и идеологем, укорененных в доминирующих в обществе «культурных образцах»: мифологических, религиозных, национально-этнических, политико-идеологических, моральных, имиджевых, эстетических и др. Кроме того, они культурологически стилизованы и «оформлены» в рамках конкретно-исторических эпох. В средневековье, например, властный образ, по поводу которого у лидеров и последователей наблюдалось тождество интерпретаций, тотально сакрализован и сконструирован религиозной догматикой. В индустриальном обществе, наоборот, в системе политического лидерства доминировала схема политико-идеологических идентификаций, основанных преимущественно на рациональных аргументах.

Как следствие этого, любой властный образ, обладая своим смысловым ядром, одновременно в той или иной степени интегрирует и иные ценностные содержания. В качестве примера можно привести широко распространенный в Советском Союзе идеальный властный образ (культовая политическая персона), который помимо политико-идеологического содержания, обоснованного «научным коммунизмом» и материалистическим пониманием истории, включал в себя и другие составляющие: мифологическую («культ отца»), религиозную («культ высшего существа»), национально-этническую («культ национального лидера»), социально-психологическую («культ личности») и даже сексуальную, в рамках которой глава государства обладает существенной сексуальной притягательностью. Следует отметить также, что лидер государства в определенных исторических обстоятельствах должен и может персонифицировать национальную идеологию.

Архетипические основания образа политического лидера

Исследуя образ политического лидера, целесообразно обратить внимание на его архетипические основания. Архетип в данной работе рассматривается не в «юнгловском» (иррациональном) значении в качестве конституирующего элемента коллективного бессознательного, а как властный «первообраз», закрепленный в национальных традициях, коллективном и индивидуальном мышлении, структурах общественного и обыденного сознания и переходящий от поколения к поколению. Имея начало в мифологическом мировосприятии, архетип вызывает у членов политического социума, жи-

вущих в различных исторических эпохах, однотипные чувства и ассоциативно целостные властные образы. В конечном счете, на архетипах «выросла особая интеллектуально-символическая традиция, в соответствии с которой политическое мышление осуществлялось преимущественно в символических формах, создавая и трансформируя не столько идеи, сколько образы» [8, с. 94]. А поскольку, например, образы российских монархов средневековой эпохи воспринимались как образы христианских царей, то с неизбежностью наблюдалась сакрализация не только их власти, но и личности.

Исторически существует три основных архетипа политического лидера: Отец, Герой, Идол/Пророк, – которые воспроизводятся с той или иной силой и которые воспроизводятся современных социополитических обстоятельствах. Каждому архетипу политического лидера при этом присуща некоторая соответствующая постулируемому образу стержневая характеристика: для Героя – мужество, для Отца – справедливость, для Пророка – сакральный дар.

Архетипический образ Пророка связан с «приписыванием» лидеру субстанционально-религиозной природы и наложением религиозной мировоззренческой матрицы на его образ и деятельность, как это, например, происходило в императорском Риме. Важнейшей задачей политического лидера в подобном социальном контексте являлась организация своих взаимодействий с последователями по модели, внешне соответствующей религиозному ритуалу.

Сакрализация первого политического лица государства могла быть санкционирована как «сверху», так и «снизу» – как «персонификация коллективных чаяний» (Е. Дютте), ориентированная на идентификацию с образом правителя-жреца.

Обожествление образа политического деятеля носило не только естественно-исторический характер, но также сопровождалось целенаправленными усилиями по закреплению сакрального образа в глазах последователей посредством организации отдельных аспектов деятельности политического лидера по принципам и подобию религиозного культа.

По мере же развития общества происходили «формализация», «рутинизация» и бюрократизация личностной харизмы, доминирование статусно-ролевого и институционального над личностным и иррациональным.

Образ Отца в системе политического лидерства доминирует в устойчивых традиционных и автократических режимах. Как это, например, происходило в царской России, где «монарх подобен «отцу», а его подданные «детям»... В этом контексте Россия представляла... «семью» с абсолютным отеческим авторитетом и отеческой заботой со стороны власти и церкви» [9, с. 173].

Однако синдром отцовства – это не только далекое прошлое и/или атрибут традиционных обществ. Известно, что Сталин полуофициально именовался «Отцом народов», а государственный лидер Туркмении С. Ниязов получил официальное имя Туркменбаши – «отец все туркмен». За президентом Беларуси А. Лукашенко в обыденном сознании закрепился образ «бабки», отражающего архетипического Отца патриархальной семьи, всевластного и за все отвечающего, строгого, но одновременно склонного к милости. Результаты социологических исследований свидетельствуют, что и в современной России существует социальный спрос на политическое отцовство: число тех, кто хочет видеть во главе государства «отца нации», составляет 48%, в то время как «современного эффективного управленца» – 42% [10, с. 77]. Правда, в отличие от традиционных обществ, в которых образ Отца выступал консолидирующим социальным фактором, в обществах с отчетливо выраженным модернизационным потенциалом «отцовство» раскалывает страну на непримиримые лагеря.

Нужда в политическом отцовстве основывается на нескольких составляющих. Во-первых, на доминанте политического патернализма. Во-вторых, на императивах

этатизма. В-третьих, на патриархальной либо подданнической политической культуре. В-четвертых, на принципах традиционализма. В-пятых, на практике политического авторитаризма. В-шестых, на определенных иррациональных основаниях, отмеченных З. Фрейдом, согласно которым в бессознательном социальных масс отложена память о персоне праотца, спроецированная на современных лидеров (вождей). В-седьмых, феномен отцовства укоренен также в религиозной традиции. Российский исследователь М. Краснов отмечает, что «отождествление как вождя, так и нередко главы государства с «отцом нации» или, по крайней мере, присвоение правителем «отцовских функций» онтологически производны от идеи **Небесного отцовства**» [11, с. 27].

Архетипическая фигура Героя чаще всего пробуждается в период социальных потрясений. По этой причине, например, оказалось возможным лидерство Б. Ельцина, воплотившего, по утверждению Н. Щербининой, «извечное нуминозное начало, служившее основанием древнему культу героев... Одномоментный архетипический «выброс» и обеспечил Ельцину первую победу на президентских выборах» [12, с. 50]. Основу же этого «архетипического выброса» составил укоренившийся в российских ментальных структурах миф о тоталитарных вождях как победителях в битвах с «несметными полчищами врагов» в переломных исторических обстоятельствах. В рамках европейской традиции существенную роль сыграли древнегреческий героический эпос, равно как и идея агонального духа как неперемного атрибута политического лидера в античности.

Структура образа политического лидера

Очевидно, что при всем интересе к личности лидера, основу персонификации составляют, тем не менее, не его личностные качества и мотивы, а олицетворение им определенных социальных и духовных процессов и явлений. «Современный лидер, – отмечает Н. Щербинина, – в момент возрождения мифа о нации автоматически занимает место на пьедестале архетипа истории. Кто лично даст свое имя трансцендентированному символу – вопрос политического везения... Это свойство мифологизации национального путем отождествления общеабстрактного и индивидуально-субстанционального приводит к тому, что любой человек может в принципе выступить персонификатором нации» [12, с. 51]. Государственный лидер при этом начинает восприниматься социумом как персонификатор и выразитель общей национальной идеи, государственного интереса, «исторического дела». Например, эффективность политического лидерства Шарля де Голля во многом связана с тем, что он персонифицировал систему политических ценностей, связанных с нацией, независимостью Франции, Сопротивлением, надпартийностью, став, в конечном счете, целенаправленно и педантично организованным мифом. Президентство Л. Валенсы в значительной степени было обусловлено тем, что он собственной персоной символизировал десятилетнюю борьбу с коммунизмом, народность, единство нации («президент всех поляков»), сильную президентскую власть, мужество и истинную религиозность. Политическое лидерство В. Путина во многом основывается на укорененном в массовое сознание его образе как авторитарном «собирателе земель». В. Ющенко во время «оранжевой революции» смог персонифицировать «европейский выбор» и европейские надежды Украины. Как отмечал А. Круглашов, «европейская мечта двигала сторонниками и активными деятелями «оранжевой революции» и теми, кто проголосовал за президента В. Ющенко». Для них «приход к власти команды В. Януковича символизировал отречение от Европы» [13, с. 314].

Образ лидера включает в себя также ряд личностных параметров, которые являются значимыми для повестки дня публичной политики. Чаще всего политические лидеры символизировать определенные человеческие качества: компетентность или некомпетентность, ответственность или безответственность, решительность или нерешительность, аффективность или ригидность и др. Например, лидерство В. Гавела во мно-

гом основывалось на его моральном авторитете, на его позиционировании в качестве «совести нации».

Учитывая ограниченность формализованных методов изучения образов, современные российские исследователи провели серию эмпирических исследований с целью определить, какие же личностные и политические качества в наибольшей степени должны быть присущи современным российским политическим лидерам. При этом предполагалось, что в последующем уже на стадии анализа эти отдельные характеристики могут быть сведены в единый образ. В результате различными исследователями в соответствии с логикой теории «черт лидера» были выделены десятки характеристик, описывающих образы конкретных политических деятелей: авторитетный, агрессивный, активный, порядочный, понимающий проблемы простых людей, имеющий опыт государственного управления и др. [14].

В итоге получилась довольно-таки противоречивая картина, в очередной раз демонстрирующая ограниченность методологии «черт лидера». Выяснилось, что, с одной стороны, определенная совокупность личностных качеств в одном случае демонстрирует свою притягательность для избирателей, а в ином социальном контексте – нет. С другой стороны, стало очевидным, что набор определенных социально-психологических качеств совершенно недостаточен для форматирования целостного образа политического лидера, который получался чрезмерно эклектичным и произвольным.

Осознание этого факта привело ряд исследователей к мысли о необходимости расширения спектра конкретных параметров образов лидеров включения в их число таких, как личная привлекательность, мотивация власти, и статусно-ролевые характеристики, и коммуникативные стратегии лидеров, и др. При этом уровень их детерминирующего потенциала напрямую связывался с суммой положительных оценок, которую «дает» каждый из этих параметров в восприятии избирателей или же с тем, что отдельные реальные политики по каким-то критериям превосходит других посредством процедуры сравнения в глазах избирателей. Сумма же этих преимуществ, в конечном счете, обеспечивает лидерство тому или иному политическому деятелю.

Однако в реальности выяснилось, что и подобный подход страдает эвристическими дефектами. Так, в целом положительно оценивая отдельных политических лидеров, многие опрошенные не собирались за него голосовать. Более того, оценка тех или иных качеств политиков существенно варьировалась в зависимости от ситуативного контекста. Кроме этого, сквозь призму оценки отдельных качеств не просматривались собирательные образы лидеров.

Образ политического лидера обладает и собственной эстетической составляющей. Феномен эстетического представлен прежде всего сферой выражения и является предметом бескорыстного и самодовлеющего любования. Эстетический компонент в системе политического лидерства предполагает, что лидер должен обладать внешней притягательностью, привлекательностью, т.е. быть, в понимании Канта, и прекрасным, и приятным.

Следует, однако, учитывать, что эстетическое не сводится к внешней выразительности. Как отмечал А. Лосев, то, «что мы называем красотой, или прекрасным, есть определенного рода равновесие между внутренним и внешним, определенного рода достигнутость предназначенного». Таким образом, «эстетическое предполагает прежде всего такую внутреннюю жизнь, которая обязательно дана и внешне» [15, с. 309]. Применительно к феномену политики это означает, что у политического лидера должна наблюдаться гармония, соразмерность его внутренних качеств и внешних характеристик.

В внешние характеристики деятельности политика должны соответствовать определенным критериям. Как справедливо отмечал Аристотель, прекрасное, несмотря на свой самодовлеющий характер, сопряжено с утилитарностью, т.е. с реализацией сово-

купности конкретных интересов людей. Поэтому эстетический синтез не может быть предметом исключительно бескорыстного любования, но предполагает полную «заинтересованность» и чисто жизненную «целесообразность», т.е. он онтологичен по своей природе [15, с. 310]. Следовательно, эстетическое в системе политического лидерства отнюдь не сводится к определенному рода внешней (телесной), дружащей с гармонией притягательности, а сами политики не должны составлять топ-модельный ряд. Но эстетическое безусловно включает в себя реализацию провозглашенных лидером прекрасных целей. Собственно говоря, других целей политики не декларируют.

По этой причине, Аристотель, анализируя прекрасное, указывает на его неразрывную связь с идеей Блага, ее успешной реализацией. И это не только теоретические рассуждения. Как показывают данные современных социологических электоральных исследований, внешность претендентов на лидерские политические позиции обладает периферийным значением для их властного восхождения.

В свою очередь, Благо является деятельным проявлением и осуществлением разумной сферы человека. Следовательно, прекрасным в образе политического лидера является все, что является выражением и отражением его прагматичного рационального начала, основанного на императивах разума и реализующего некую совокупность интересов и ценностей, значимых для социума и отдельного человека.

Следует отметить, что в образе господствовавшего в античности образа политического лидера наблюдалась совпадение, сопряжение морального и эстетического. Как отмечает А. Лосев, «прекрасным может быть, по Аристотелю, только то, что высоко в моральном отношении... Прекрасное доставляет удовольствие от моральной высоты человека» [16, с. 142]. Поэтому совершенно невозможно было представить в ту эпоху политического лидера, лишённого высокого морального авторитета.

Однако не следует думать, что античное представление о красоте являлось исключительно рассудочным. Оно настаивало на определенном рода гармонии чувственно воспринимаемой вещи с ее идейным смыслом. «В своей античной красоте оформляющий ее рассудок сталкивался с живой жизнью тела, но вовсе не оставался в своем противостоянии этой телесной жизни. Он пронизывал ее тем смыслом и той идеей, благодаря которым впервые только она и получала целенаправленную значимость» [15, с. 403]. Поэтому в любом случае внешний облик лидера являлся значимым для политического восхождения фактором и должен был гармонизировать с определенным идейным и смысловым содержанием, им отражаемым и персонифицируемым, являя обществу политика гармонически и всесторонне развитого – продукт гимнастических занятий, мусического искусства и овладения диалектикой.

Таким образом, очевидно, что эстетическое в системе политического лидерства не только характеризуется позитивной внешней телесной выразительностью лидера, но и напрямую связано с его реальным бытием, которое не только адекватно отразило прекрасную идею, но и само демонстрирует силу, совершенство, достоинство, социальную ценность, уверенность и др. Обладание таким бытием дарит высшую радость и удовлетворение не только ее носителям (лидерам), но и тем, кто созерцает их деятельность и является их последователями.

Образ политического лидера во многом является плодом и результатом целенаправленной политики по его искусственному облагораживанию и аттрактивности. В этом отношении весьма нагляден опыт фашистской Германии. Политическое лидерство Гитлера во многом основывалось на специальной стратегии политической эстетизации, включавшей в себя широкий ассортимент средств, инструментов и форм действий, ориентированных на персонификацию в личности Гитлера германской политики, мифологизацию его образа, инсценирование эффективности и аттрактивности его политической деятельности посредством специальных декораций, ритуалов, символов и

политической театрализации, типологизацию индивидов через их деиндивидуализацию посредством идентификации с персоной лидера-вождя.

Определенная часть исследователей исходит из того, что образ политического лидера не является совокупностью рациональных суждений, а есть «преимущественно иррациональное отражение представлений, ощущений, оценок, ассоциаций в широком смысле, которое, подобно ауре, обволакивает все предметы сознания и несет на себе яркий отпечаток субъективного восприятия действительности» [17, с. 133]. В свою очередь С. Нестерова утверждает, что ученые «в большинстве социологических исследований акцентируют внимание на рациональных оценках образов политиков и на намерении за них голосовать. Для более полного осознания установок и ценностей людей необходимо проникнуть в более глубокий и часто неосознаваемый слой установок и ценностей» [18, с. 229].

В качестве примера немногих современных исследований, нацеленных на включение в аналитическое пространство присущего политическим лидерам феномена бессознательного, политико-психологическую работу Е. Шестопаля и М. Новиковой-Грунд, которой часть адресованных респондентам вопросов была предназначена для информации об установках, имеющих осознанный и вербализованный характер, а другая их часть предназначалась для получения информации о неосознаваемых ориентациях опрашиваемых. В частности, респондентам предлагалось найти ассоциации, которые у них вызывает конкретный политик: с животными, с запахами, с цветом и литературными героями, а также определить, что в данной политике им нравится и почему [19].

Со своей стороны, исследование Н. Шелекасовой было нацелено на изучение мини-образов бессознательных тенденций, действующих в глубинах психики лидера и детерминирующих многие аспекты его социально-политической деятельности. Для достижения этой цели были использованы пять методов: а) лингвистический анализ и историческая биография; б) анализ симптома и проблемы; в) физиогномический и кинетико-проксематический анализ; г) онейрический анализ; д) анализ семантического поля [20].

Исследования подобного рода позволяют выявить противоречивость образов политиков, присвоенных людей, поскольку существуют различия их восприятия на сознательном и бессознательном уровнях, т.е. на рациональном уровне, например, лидер может восприниматься как активный и агрессивный, а на иррациональном – как пассивный и толерантный.

Не ставя перед собой цель проанализировать эвристическую ценность подобной методологии, тем не менее, можно сделать вывод о том, что полученные в ее рамках психологические данные сводятся в итоге, счете к фиксации довольно-таки произвольного набора личностных качеств, скрытых от непосредственного наблюдения и определяющих, по мнению авторов, политический успех: активности, агрессивности, привлекательности и др., – что не выходит за пределы теории «черт лидера» в ее психологическом варианте. К тому же вызывает удивление то, что современными авторами не используются классические положения психоанализа, исследующие политическое лидерство. И что особенно важно, отсутствуют даже слабые попытки идентификации, конструирования востребованных политической практикой образов лидеров, равно как и установления связи между иррациональными и культурологическими компонентами образов лидеров, что было характерно для классического психоанализа.

Заключение

Очевидно, таким образом, что образ политического лидера будет обладать действенным детерминационным потенциалом только в том случае, когда будет обладать системным качеством, т.е. все его элементы будут органично взаимодополнять друг друга и соответствовать требованиям определенных культурно-исторических систем.

В этом случае, например, выделяя некий типаж, необходимо, апеллируя к его архетипу и раскрывая его, отразить определенную совокупность ему соответствующих и обычно игнорируемых культурологических особенностей, умноженных на определенные личностные и политические качества и соответствующие им иррациональные интенции, найти определенную гармонию и равновесие между реальностью конкретного образа и его символическим воплощением в имидже, а также обнаружить и продемонстрировать его (образа) функциональное единство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. – М. : Новая школа, 1996. – 351 с.
2. Семененко, И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности / И.С. Семененко // Полис. – 2008. – № 5. – С. 7–18.
3. Кочубей, Л. Полїтїчне лїдерство і PR – дїяльнїсть / Л. Кочубей // Полїтїчний менеджмент. Спецїальний випуск. – 2006. – С. 183–190.
4. Максимов, А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов / А.А. Максимов. – М. : Дело, 1999. – 448 с.
5. Слизовский, Д.Е. Политическое лидерство в России: история, опыт, проблемы / Д.Е. Слизовский, Н.В. Шуленина. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – 645 с.
6. Опанасюк, В. Харизматичний лїдер – полїтїчна еліта – маси: український досвід взаємовідносин / В. Опанасюк // Полїтїчний менеджмент. Спецїальний випуск. – 2006. – С. 126–135.
7. Юшина, Н. Об`єктивні чинники формування полїтїчного образу / Н. Юшина // Науковий Вісник Ужгородського унїверсїтєту. Серія: Полїтологїя. Соцїологїя. Фїлософїя. – Випуск 12. – 2009. – С. 134–136.
8. Щербинина, Н.Г. Цветовая классификация политических лидеров России: лидер белый, красный и черный / Н.Г. Щербинина // Полис. – 2000. – № 4. – С. 94–104.
9. Ватыль, В.Н. Политические изменения: опыт историко-политологического дискурса / В.Н. Ватыль. – Гродно : ГрГУ, 2009. – 279 с.
10. Краснов, М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» / М.А. Краснов // Общественные науки и современность. – 2008. – № 5. – С. 68–79.
11. Краснов, М.А. Глава государства: рецепция идеи «отцовства» / М.А. Краснов // Общественные науки и современность. – 2008. – № 6. – С. 68–38.
12. Щербинина, Н.Г. Политика и миф / Н.Г. Щербинина // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1998. – № 2. – С. 43–54.
13. Круглашов, А. Україна – ЄС: труднощі діалогу А. Круглашов // Полїтологїчні та соцїологїчні студії : збірник наукових праць. – Том IV. – Чернівці : Прут, 2006. – С. 303–320.
14. Киктева, Н.П. Динамика образов Г. Явлинского и В. Путина в президентской кампании // Полис. – 2000. – № 4. – С. 140–145; Леванский, В.А. Модели политических лидеров и президентские выборы в постсоветской России / В.А. Леванский // Общественные науки и современность. – 2005. – № 5. – С. 74–87.
15. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. Книга 1 / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1992. – 656 с.
16. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика / А.Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1975. – 776 с.
17. Дурдин, Д.М. «Образ» политического лидера и возможности его изменения / Д.М. Дурдин // Полис. – 2000. – № 2. – С. 133–151.

18. Нестерова, С.В. Некоторые особенности восприятия политических лидеров в современной России / С.В. Нестерова // *Образы власти в политической культуре России*. – М. : Моск. обществ. науч. Фонд, 2000. – С. 228–239.
19. Шестопап, Е.Б. Восприятие образов 12 ведущих российских политиков (Психологический и лингвистический анализ) / Е.Б. Шестопап, М.В. Новикова-Грунд // *Полис*. – 1996. – № 5. – С. 168–181.
20. Шелекасова, Н.П. Бессознательные аспекты имиджа политического лидера / Н.П. Шелекасова // *Полис*. – 2000. – № 4. – С. 130–132.

Lysiuk A.I. Image of a Political Leader: Structure and Determinants

In a given article analyzed are the structures and determination potential of political leaders' images. Given is a critical analysis of concepts, which study the images of political leaders and their electoral expectations. Pointed out is the system quality of leaders' images, which correspond to the requirements of certain cultural and historical systems. It is stated, that the motivational dominant of political leader's image is represented by cultural factors. Defined is their content, structure, and main elements, including the irrational and aesthetic components, as well as their electoral potential. Studied is the archetypical foundation of the political leaders' images – archetypes of Father, Prophet, and Hero. Highlighted is the importance of presentation in the political space of the holistic image of a political leader possessing functional unity, which is deeply rooted in national tradition and national political culture.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.09.09

УДК 338.24:001.895

А.В. Гусев

ИННОВАЦИОННЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ – ИМПЕРАТИВ XXI ВЕКА

Статья посвящена проблеме инновационного развития Республики Беларусь. Инновационное развитие понимается здесь как развитие новейших технологий, тесное сотрудничество науки и экономики, рост промышленного производства, развитие гуманитарных отраслей знания как гаранта сохранения национальной идентичности, эффективная система подготовки научных кадров. В настоящее время в Беларуси сформировано законодательство, направленное на поддержку инновационного развития страны. Создан ряд специализированных центров и фондов. Значительную поддержку развитию инновационного производства оказывает государство. Новый импульс развитию инноваций в Республике Беларусь был дан после проведения в 2007 году Первого съезда ученых. Инновации должны стать одним из основных факторов в развитии экспортно-ориентированной белорусской экономики. На основе мирового опыта предложены пути совершенствования модели национальной инновационной системы.

В настоящее время именно наука выступает одним из основных ресурсов успешного функционирования любого государства. Научные знания превратились в ключевой фактор производства материальных и духовных ценностей.

Сегодня перед Беларусью стоит задача перехода к инновационной экономике на основе повышения востребованности научно-технического потенциала страны, способного вести исследования на уровне современной мировой науки и обеспечивающего гуманистическую направленность развития нашего общества.

В современном мире переход к инновационной экономике, осуществляется на основе широкого внедрения и использования в повседневной деятельности человека достижений научно-технического прогресса и является императивом нашей эпохи, основой конкурентоспособности и устойчивого экономического развития. И действительно, согласно опыту технологически развитых держав и успешно догоняющих их стран, сегодня около 2/3 прироста важнейших макроэкономических показателей обеспечивается за счет практического использования интенсивных факторов производства, наукоемких, а значит, основанных на активном внедрении достижений науки и техники. На рубеже веков лидеры мировой экономики, к которым относятся страны Организации экономического сотрудничества и развития и, прежде всего, «Большой семерки», сконцентрировали под своим контролем до 90% мирового научно-технического потенциала и контролируют не менее 80% глобального рынка высоких технологий объемом в 2,5–3 трлн. долл. В частности, высокотехнологичная продукция в товарном экспорте США составляет более 32%, Великобритании – 31%, Японии – 26%, Франции – 23%. Прибыль, получаемая технологически развитыми странами от реализации наукоемкой продукции, колоссальна: ежегодный экспорт наукоемких товаров и услуг приносит США более 700 млрд. USD, Германии – 530 млрд. USD, Японии – 400 млрд. [6, с. 24].

Прогнозируется, что к 2015–2020 гг. объем продаж продукции высоких технологий возрастет до 4 трлн. долл. и именно за этот наиболее перспективный и быстро растущий сегмент мирового рынка идет наиболее жесткая конкурентная борьба. Наряду с технологически развитыми странами в неё активно включились и несколько новых стран. В частности, социалистический Китай за последнее десятилетие прошлого века смог увеличить производство наукоемкой продукции в 27 раз, причем на фоне общего роста ВВП ее доля в нем возросла с 8,1% до 35,4%. Ежегодно наращивая экспорт высо-

котехнологичной продукции на 15–20%, эта страна смогла увеличить его объем в 31 раз, снизив сырьевую составляющую в экспорте в 4 раза. Сегодня общая доля на мировом рынке наукоемкой продукции новых индустриальных стран, демонстрирующей догоняющее развитие, оценивается в 15% [6, с. 24].

Обеспечение глобальной конкурентоспособности любой страны возможно лишь при условии инновационной ориентации развития ее национальной экономики. Это связано со всесторонней интенсификацией производства, повышением производительности труда на базе его автоматизации и компьютеризации, широким внедрением в производство и быт достижений науки и техники. В Республике Беларусь вследствие объективной ограниченности ее природно-ресурсного потенциала необходимость ускоренного формирования экономики инновационного типа, базирующейся на внедрении самых современных достижений науки и техники, опережающем развитии человеческого капитала и национальной системы образования, была осознана наиболее остро и, пожалуй, раньше, чем где-либо на постсоветском пространстве.

Учитывая это, Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко в своем Послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь в апреле 2007 г. указывал: «Путь у нас только один – ускоренный переход к экономике инновационной, наукоемкой, ресурсосберегающей, конкурентоспособной на мировом рынке, поэтому приоритетом нынешней политики определено формирование «экономики знаний». Следует отметить, что для решения обозначенной амбициозной задачи в Беларуси, показывающей на протяжении последних полутора десятилетий стабильный экономический рост, в целом сложились все необходимые условия и предпосылки. Так, по подсчетам специалистов, доля нашей страны в мировом ВВП стабильно растет с 0,1% в 1995 г. до 1,36% в 2007 г., а белорусский экспорт товаров и услуг в период с 1993 по 2007 гг. увеличился в 13 раз – с 2 до 26 млрд. USD» [2, с. 24–25].

Позитивная динамика наблюдается и по многим другим показателям развития научно-инновационного комплекса страны.

Следует отметить, что руководство страны осознает, что указанные успехи достигнуты при недоиспользованных еще резервах интенсификации производства на основе широкого внедрения современных достижений научно-технической мысли. По этому поводу Глава государства на Первом съезде ученых Республики Беларусь сказал буквально следующее: «Более 10 лет, скажем откровенно, какие бы научные, великие открытия, достижения ни были в экономике, мы развивались где-то интуитивно. Получали результат за счет наведения элементарного порядка. Что называется, шли от жизни. Этот период, уважаемые друзья, закончился. В новом веке движение вперед возможно только на научной основе! Ни шагу без научных проработок. И еще раз подчеркиваю, такое время ушло в небытие, когда мы двигались на ощупь. Делать жизнь в перспективе, уверен, не только в этой, но и предстоящей пятилетке, будут только образованные люди... потому что мы положили, как вы знаете, в основу пятилетнего развития вас, ученых. Ваш ум, науку и образование. Такого еще никогда не было» [4, с. 18].

И действительно, согласно принятой в 2006 г. Программе социально-экономического развития Республики Беларусь на 2006–2010 годы, в нынешней пятилетке к пяти традиционным действующим приоритетам социально-экономического развития страны добавились два новых, причем большинство из них приобрели ярко выраженное инновационное содержание. В названной программе запланировано, что при прочих равных условиях реализация намеченных приоритетов позволит в 2010 г. по сравнению с 2005 г. увеличить ВВП в 1,46–1,55 раза, производство продукции промышленности – в 1,43–1,51 раза, сельского хозяйства – в 1,34–1,45 раза, объем инвестиций в основной капитал – в 1,8–1,9 раза.

Разумеется, такая небольшая страна, как Беларусь, которая к тому же обладает объективно ограниченным природно-ресурсным потенциалом, не имеет возможности

распылять ресурсы на всем спектре научных исследований и разработок и потому вынуждена концентрировать их только на стратегических, наиболее значимых направлениях. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на Первом съезде ученых Республики Беларусь отмечал: «Нам нужен квалифицированный и, главное, творческий анализ экономики нашей страны. Нужны глубокие исследования, позволяющие определить основные ориентиры нашего экономического развития, подходы к организации различных сфер народного хозяйства. Нужны конкретные предложения с глубокой экономической проработкой» [4, с. 35].

Таким образом, в качестве основных в текущей пятилетке обозначены следующие направления научно-технической и инновационной деятельности: ресурсосберегающие и энергоэффективные технологии производства конкурентоспособной продукции; новые материалы и новые источники энергии; медицина и фармацевтика; информационные и телекоммуникационные технологии; технологии производства, переработки и хранения сельскохозяйственной продукции; промышленные биотехнологии; экология и рациональное природопользование. Наряду с главными направлениями научно-технической деятельности в Республике Беларусь на 2006–2010 годы определены 28 приоритетных макротехнологий, которые должны обеспечить производственную специализацию Беларуси в системе мировых хозяйственных связей и конкурентоспособность отечественной продукции на внутреннем и внешнем рынках. Это, прежде всего, машиностроительный и сельскохозяйственный комплексы, электронная, вычислительная и оптоволоконная техника, строительные материалы, биологические, тонкие химические, информационные технологии и ряд других направлений научно-технической деятельности.

В рамках Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы активно развивается национальная инновационная система, которая в последние годы получила мощный мотивационный импульс. Несомненно, центральное место в этой системе занимает созданный в центре г. Минска по решению Президента Республики Беларусь Парк высоких технологий. Другим ключевым элементом научно-технологической и инновационной инфраструктуры Республики Беларусь является Республиканский центр трансфера технологий (РЦТТ), основной задачей которого является коммерциализация и продвижение научно-технологических разработок на отечественный и зарубежный рынки, а также привлечение инвестиций в сферу наукоемких и высокотехнологичных производств.

Исключительно важное место в национальной инновационной системе Республики Беларусь занимают специализированные фонды, призванные финансировать научно-техническую и инновационную деятельность по ключевым направлениям развития национальной экономики. Так, для финансовой поддержки исследований, выполняемых небольшими научными коллективами и отдельными исследователями, основан Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований. Создан и успешно функционирует Фонд информатизации Республики Беларусь. Для осуществления финансовой поддержки инновационных проектов вплоть до промышленного освоения результатов научно-технических программ организован Белорусский инновационный фонд.

С учетом специфики производственной деятельности и острой необходимости повышения конкурентоспособности агропромышленного сектора страны в Беларуси создан Республиканский фонд поддержки производителей сельскохозяйственной продукции, продовольствия и аграрной науки.

Интересным вариантом решения проблемы катастрофического старения материально-технической базы науки и обеспечения доступа к современным техническим средствам осуществления научных исследований и разработок могут стать созданные и активно развиваемые сегодня в Республике Беларусь центры коллективного пользования уникальным научным оборудованием и приборами (ЦКП). Их деятельность реализуется на основе двух ба-

зовых принципов: а) приобретение дорогостоящего научного оборудования совместными усилиями нескольких заинтересованных научных организаций, учебных заведений, предприятий с целью его последующего совместного использования; б) увеличение коэффициента загрузки уникального оборудования и приборов посредством предоставления доступа к ним всем внешним организациям, заинтересованным в их использовании при осуществлении научных исследований и разработок.

Всего же в Республике Беларусь в качестве элементов ее национальной инновационной инфраструктуры в 2008 г. действовали более 100 различных организаций [1, с. 36–37]. Тем не менее, Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы предусматривает дальнейшее развитие национальной инновационной системы.

Стратегическое направление перехода к инновационной экономике – развитие промышленного потенциала страны. В рамках реализации Государственной программы инновационного развития Республики Беларусь на 2007–2010 годы в стране будет создано 100 новых предприятий, 386 современных производств, проведена модернизация 609 организаций на основе внедрения высоких технологий. Выполнение названной программы предусматривает создание новых производств, выпуск новой продукции на уже действующих предприятиях, модернизацию производств на основе современных технологий, реализацию отраслевых и региональных программ инновационного развития, выполнение бизнес-планов [5].

В рамках выполнения Программы инновационной деятельности Министерства промышленности Республики Беларусь на 2006–2010 годы определено выполнение около 20 крупных инвестиционных проектов, запланировано создание 8 новых предприятий и важнейших производств. В перечне судьбоносных инвестиционных проектов – строительство белорусской АЭС. Изложенные факты подтверждают, что сегодня наша страна является современной индустриально развитой державой, где результаты научных исследований и разработок благодаря государству находят свое практическое применение и активно внедряются в производственную деятельность и быт белорусов, обеспечивая рост уровня жизни в стране и ее мировой конкурентоспособности.

Актуальной остается белорусская космическая программа. Свой вклад в освоение космоса наша республика, наши ученые внесли еще во времена СССР. В Беларуси разрабатывали установки для моделирования полетов, производили аппаратуру для космодромов и космических аппаратов. Поэтому наша программа по созданию собственного спутника была логичным продолжением, развитием имеющегося опыта. Космическая программа – это мощный импульс для развития всех направлений современной науки. Кроме того, как отмечал Президент А.Г. Лукашенко, это «скачок на порядок в интеллектуальном развитии страны» [3, с. 38]. В настоящее время Беларусь продолжает развивать свою космическую программу. Заключен ряд договоров с иностранными партнерами, основным из которых, естественно, является Российская Федерация. Нами уже успешно отработаны программы «Космос-БР» (Беларусь – Россия) (1999–2002 гг.) и «Космос-СГ» (Союзное государство) (2004–2007 гг.), готовится третья белорусско-российская программа «Космос-НТ» (Новые технологии). С белорусской стороны в ней будут задействованы многие институты НАН Беларуси, различные организации и предприятия. Эта программа предполагает создание многофункциональной космической системы Союзного государства (МФКС).

Белорусская нефтеперерабатывающая отрасль достигла высоких показателей. Крупнейший производитель и экспортер нефтепродуктов в Беларуси – открытое акционерное общество «Мозырский нефтеперерабатывающий завод» – прочно удерживает позиции на внутреннем рынке и за рубежом. Около 80% его продукции поставляется за пределы страны.

Значение экспорта для национальных экономик в современных условиях трудно переоценить. Это и источник поступления валюты, и инструмент расширения рынка, и способ получения доступа к современным технологиям других стран.

Наша страна, обладая развитой научной и образовательной инфраструктурой, имеет уникальные возможности для динамичного технологического развития и повышения конкурентоспособности белорусского экспорта. За последние 5 лет белорусский экспорт вырос за счет сырьевых и среднетехнологических товаров. Доля высокотехнологических товаров в экспорте составляла около 10%.

Белорусская экономика ориентирована прежде всего на экспорт, что неизбежно влечет за собой острую конкурентную борьбу за покупателя. Завоевать его можно только одним способом: предложить качественный, недорогой и не имеющий аналогов товар. Поэтому основная задача на нынешнем этапе – обеспечить тесное взаимодействие науки и производства, которое гарантировало бы высокую наукоемкость белорусских товаров, а значит, и их востребованность за рубежом.

Одно из последствий глобализации – возможная потеря собственной идентичности этносов, культур, государств. И основным препятствием на пути уничтожения многоцветия мира должна встать наука, прежде всего – региональная, национальная наука. И особая роль здесь принадлежит гуманитарной науке. К сожалению, в XXI веке отечественная гуманитарная наука стала в значительной степени превращаться в механизм трансляции зарубежных идей в нашу социальную и политическую практику. Исследователи в основном занимаются приложением зарубежных концепций к нашим социальным и экономическим проблемам. Как отмечал Президент А.Г. Лукашенко на Первом съезде ученых, «гуманитариям надо больше внимания уделять объективному исследованию отечественной истории, выработке философских оснований белорусской модели социально-экономического развития, которая признана во всем мире, изучению ее политической составляющей, совершенствованию механизмов интеграции на постсоветском пространстве, строительству Союзного государства Беларуси и России» [4, с. 35].

Для того чтобы реализовать инновационную стратегию развития республики, безусловно, необходимы высококвалифицированные кадры и переход на мировые стандарты их подготовки. В Беларуси сформирована собственная система управления наукой, основными элементами которой стали Национальная академия наук Беларуси, Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь и Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь.

Особая роль принадлежит вузовской, особенно университетской, науке. Университеты – учебные, исследовательские, просветительские и культурные центры страны. Они сосредоточили в себе все условия для формирования научных школ: хорошо поставленное преподавание гуманитарных и естественных наук, постоянный приток молодых сил, зрелость мысли, уникальные библиотечные фонды.

Социологические исследования показывают, что белорусское общество обладает несравненно более высоким интеллектуальным и образовательным потенциалом, чем порой мы себе представляем. По уровню образования Беларусь сегодня находится в группе высокоразвитых стран мира. Поэтому главной остается идея повышения престижа науки и труда ученых в общественном сознании. Все важнейшие государственные проекты должны осуществляться при непосредственном участии ученых. Только в тесном взаимодействии науки и производства, управленцев и ученых можно обеспечить дальнейший прогресс нашего общества. Роль науки – развиваться опережающими темпами по сравнению с современным производством. И эту задачу могут выполнить только ученые. Только ученые могут сформировать общество знаний, в котором обеспечивается эффективная интеграция науки со всеми сферами нашей жизни. Но это тре-

бует формирования нового типа руководителя, специалиста, обладающего не только базовыми знаниями, но и инновационным мышлением.

В настоящее время в Беларуси исследованиями и разработками занимаются более 300 организаций с 30 тысячами человек (из них исследователей более 18 тысяч). В то же время необходимо отметить что, цель инновационного развития – получение новых идей, новых знаний. Но зачастую под знанием понимается информатизация, в том числе и в образовании. Само образование порой лишь имитируется, из него все активнее устраняется принцип научности. Главным становится повышение квалификации, то есть формальная сертификация. И инновации понимаются на том же уровне: наука должна приносить прибыль. И вот здесь важно провести грань. То, что создает наука, надо уметь продать, но это задача не ученых. Это задача менеджеров, бизнесменов, управленцев. Путь коммерциализации науки недопустим, но коммерциализация ее результатов – наоборот, целиком положительное явление.

В Беларуси разработана модель национальной инновационной системы. Это первый шаг в формировании национальной инновационной модели на отраслевом республиканском и региональном уровнях. Такие модели приняты во многих высокоразвитых странах.

Национальная инновационная модель представляет собой совокупность идей и взглядов о развитии в современных условиях нашего общества, характеризующегося инновационной восприимчивостью, мобильностью, высшим уровнем образования, творческим мышлением, психологической устойчивостью. На первом съезде ученых Беларуси, состоявшемся в 2007 году, была выработана стратегия развития научной сферы на долгосрочную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алехин, Д.И. Современное состояние и развитие регионального научно-инновационного потенциала Республики Беларусь / Д.И. Алехин // Новости науки и технологий. – 2008. – №2. – С. 36–40.
2. Ковалев, М. Код развития / М. Ковалев // Беларуская думка. – 2008. – № 4. – С. 24–29.
3. Лукашенко, А.Г. Беларусь в современном мире: Выступление Президента Республики Беларусь на встрече со студентами и преподавателями БГУ, Минск, 12 февраля 2008 г. / А.Г. Лукашенко. – Минск : БГУ, 2008.
4. Лукашенко, А.Г. Стратегия будущего / А.Г. Лукашенко // Первый съезд ученых Республики Беларусь: сб. материалов / редкол.: А.Н. Косинец [и др.]. – Минск : Белорус. наука, 2007.
5. Рассмотрение хода реализации Государственной программы инновационного развития на 2007–2010 годы на заседании Президиума Совета Министров Республики Беларусь // Белорусский институт системного анализа и информационного обеспечения научной сферы [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.belisa.org.by/>. – Дата доступа : 16.04.2009.
6. Россия – Беларусь. Инновационная политика и интеграционное взаимодействие / Е.Б. Ленчук [и др.]. – М. : Институт экономики РАН, 2006.

Gusev A.V. Innovative Way of Development: the Imperative of the XXI century

The article considers the issue of innovative development of the Republic of Belarus. The innovative development is defined in the article as the development of modern technologies, close cooperation between science and economy, increase of industrial production, development of humanitarian knowledge as a guarantee to preserve national identity. At present Belarus has legislation which is directed toward support of the innovative development of the country. A number of specialized centers and funds were created. The state provides essential support to the innovative development of industry. A new impulse to innovation development in the Republic of Belarus was given after holding in 2007 the First Congress of Scientists. The innovations have to become one of the basic factors in the development of the export-oriented Belarusian economy. On the grounds of world experience the ways to improve the model of the national innovative system are suggested.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 22.01.10

УДК 342. 53 (476)

Е.Г. Абраменко

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Статья посвящена проблеме становления и перспективам развития института парламентаризма в Республике Беларусь. Дано определение понятия «парламентаризм», выявлены характерные для него признаки. Парламент определён в качестве центрального звена парламентаризма, рассматриваются выполняемые им функции. Особое внимание уделено анализу состояния, специфики становления и основных особенностей белорусского парламентаризма. Определена структура и место Национального собрания Республики Беларусь в системе государственной власти. Изучено осуществление Палатой представителей Национального собрания Республики Беларусь представительной, законодательной, финансово-бюджетной, контрольной, а также внешнеполитической функций. На базе обобщения результатов исследования процессов становления и развития института парламентаризма в Республике Беларусь определены перспективы его развития.

Введение

Построение демократического правового государства невозможно без наличия института парламентаризма и его основного политического звена – Парламента. Это обуславливается тем, что он вместе с другими органами власти осуществляет все основные функции государства, выражая в этом процессе волю большинства или всего народа, выполняя тем самым представительство народа, и способствует достижению компромиссов между различными слоями населения. Принимаемые законы им составляют важную часть правовой системы, а регулярно проводимые парламентские выборы являются важнейшим средством интеграции населения в существующую политическую систему.

В истории социально-политической мысли о проблеме представительства говорили Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж.Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, И. Бентам, А. Токвиль, Дж.Ст. Милль, М. Вебер, М. Дюверже, Б.Н. Чичерин, Н.М. Коркунов, Н.И. Лазаревский, П.Г. Мижуев и др. При этом каждый по-своему рассматривал роль законодательного органа в системе государственной власти.

Проблема парламентаризма рассматривалась и в советский период. Особое внимание уделялось функционированию системы разделения властей в западных государствах. Данному вопросу посвящены труды В.В. Абашмадзе, К.С. Бельского, А.М. Барнашова, Б.С. Крылова, Н.С. Прозорова и др.

На современном этапе существует комплекс работ отечественных и зарубежных авторов, в которых проанализированы общетеоретические аспекты парламентаризма. Здесь можно выделить работы М.Б. Канапацкого, Н.И. Бирюкова, Г.В. Голосова, И.В. Котелевской, Р.М. Романова, Н.В. Онишко, Дж. Коукли, Е. Хубнера, А. Шайо и др.

Особенности становления и развития парламентаризма в Республике Беларусь рассматриваются в работах Г.А. Василевича, В.А. Божанова, М.Ф. Чудакова и др.

Понятие парламентаризма

Парламентаризм – это элемент политической системы, в которой суверенная

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь

воля народа воплощается в избранном на основе общепринятых демократических процедур народном представительстве, осуществляющем в том или ином объёме законодательную, финансово-бюджетную, контрольную функции, таким образом ограничивая объём компетенции исполнительной и судебной ветвей власти и гарантируя защиту интересов как большинства, так и меньшинства граждан [1, с. 212].

Как многоплановое явление со сложной внутренней структурой парламентаризм, с одной стороны, отражает положение парламента в системе разделения властей, а с другой – принципы устройства и функционирования законодательного органа.

Часто понятия «парламентаризм» и «парламент» отождествляются, однако существование парламента ещё не означает существование парламентаризма. Парламент может существовать и в авторитарных режимах, а о парламентаризме следует говорить лишь в связи с демократическим правлением.

Функции парламента в демократическом обществе важны и разнообразны: он является представительным органом народа, выполняет законодательную, финансово-бюджетную и контрольную функции. Парламенты современных государств не только наделены традиционными полномочиями, но и участвуют в международной деятельности и вместе с главами государств, дипломатическими и консульскими службами являются внешнеполитическими органами. Они влияют на внешнюю политику государства через бюджет и механизмы законотворчества, принимают законы, регламентирующие внешние сношения, ратифицируют заключённые государствами международные договоры, которые только после этого приобретают статус законов [2, с. 5].

Благодаря этим функциям парламента в обществе складывается и функционирует парламентаризм как система, проявляются его системные признаки: верховенство закона, разделение и сбалансированность полномочий всех ветвей власти, наличие системы сдержек и противовесов, представительность, способность реально обеспечивать права и свободы граждан.

Становление отечественного парламентаризма и проблема разделения властей

Институт парламентаризма в Республике Беларусь имеет многовековую историю, неотделимую от развития ее государственности. Его истоки – в Полоцком вече, сеймах Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, Государственной думе Российской империи. В советскую эпоху народное волеизъявление осуществлялось во время проведения всебелорусских съездов Советов и созывов Верховного Совета Белорусской ССР, однако фактически власть принадлежала коммунистической партии.

27 июля 1990 года Верховный Совет принял Декларацию о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики. В августе 1991 года было объявлено о политической и экономической независимости, и Декларация о государственном суверенитете приобрела статус конституционного акта. Беларусь в этот период являлась парламентской республикой. 15 марта 1994 года была принята Конституция Республики Беларусь, согласно которой вводился институт президентства.

Формирование белорусского парламента проходило в сложных политических и экономических условиях. В современной Беларуси законодательный и представительный орган прошёл путь развития от Верховного Совета XII созыва до Национального собрания. Приоритет полномочий Верховного совета над исполнительной властью, заложенный в Конституции Республики Беларусь 1994 года, и «существовавшая политическая и правовая конструкция белорусского государства, неизбежно толкавшая к противодействию и конфликтам...» [3, с. 1], обусловили необходимость проведения конституционной реформы. В результате принятых на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь законодательная власть приобрела

более свойственное ей название и более совершенную структуру, которая соответствует устоявшимся стандартам парламентаризма.

«Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь – является представительным и законодательным органом Республики Беларусь. Парламент состоит из двух палат – Палаты представителей и Совета Республики» (ст. 90) [4, с. 26].

Взаимодействие двух палат позволяет одной из них принимать законы (Палата представителей), другой (Совет Республики) – осуществлять экспертизу законов и определять, как они будут вписываться в повседневную жизнь, каковы механизмы их реализации. Кроме того, Совет Республики Национального собрания должен стать единственным органом, обеспечивающим баланс интересов всех регионов страны [3, с. 34].

Палата Представителей представляет интересы всех граждан Республики Беларусь, а Совет Республики обеспечивает территориальное представительство.

Согласно статье 6 Конституции, «государственная власть в Республике Беларусь осуществляется на основе разделения её на законодательную, исполнительную и судебную» [4, с. 5].

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко отметил: «Новая редакция Конституции наполнила принцип разделения властей реальным содержанием. Сегодня четко определена компетенция каждой ветви власти, имеются конкретные механизмы их взаимного сдерживания и взаимодействия» [3, с. 38].

Парламент может не согласиться с предложенной Президентом редакцией закона и преодолеть его квалифицированным большинством (ст. 100), вправе отменить большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат временный декрет Президента (ст. 101). Половина судей Конституционного Суда назначается Президентом (ст. 84), а половина избирается Советом Республики (ст. 98). С согласия Совета Республики назначаются Президентом судьи Верховного и Высшего Хозяйственного судов. Правительство обладает правом обратиться в Конституционный Суд в случае возникновения сомнения в конституционности закона, декрета или международного договора (ст. 116) и т.д. Однако «разделение властей – это не антагонизм, а постоянное стремление к взаимодействию в решении как общегосударственных, так и местных проблем» [5, с. 17].

Функции и полномочия Парламента Республики Беларусь

Парламент – единственный официальный орган народного представительства. Смысл представительной функции в том, чтобы в Парламенте были представители всех групп населения, чтобы они могли отстаивать свои интересы в принимаемых законах и других нормативно-правовых актах. Реализация этой функции достигается путём организации выборов. Согласно ст. 1 Закона «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь», «депутатом Палаты представителей является свободно избранный народом представитель, уполномоченный осуществлять законодательную власть в Палате представителей, представлять своих избирателей в государственных органах, осуществлять иные полномочия, предусмотренные Конституцией Республики Беларусь и настоящим Законом» [6, с. 3]. Право выдвижения кандидатов в депутаты принадлежит общественным объединениям, трудовым коллективам и гражданам (ст. 69) [4, с. 18]. Таким образом, в число депутатов входят представители всего социального среза государства [7, с. 28].

Конституция Республики Беларусь и законодательство о статусе депутата предусматривают достаточно большие полномочия Палаты представителей. Одним из основных направлений работы является осуществление законодательной деятельности. Национальное собрание принимает законы об утверждении основных направлений внутренней и внешней политики; об основном содержании и принципах осуществления

прав, свобод и обязанностей граждан; о гражданстве; о принципах осуществления отношений собственности; о социальной защите; об охране окружающей среды; о местном самоуправлении и др.

Законодательная деятельность Парламента Республики Беларусь осуществляется на плановой основе. Планирование включает в себя разработку государственных программ подготовки проектов нормативных правовых актов на долгосрочный период, а также утверждение ежегодных планов подготовки законопроектов. Об эффективной деятельности Палаты представителей в данной области свидетельствуют принятые за десять лет около 1000 законов, в том числе 24 кодекса, 316 законов о ратификации международных договоров и соглашений [8, с. 43]. Таким образом, Национальное собрание принимает законы, которые улучшают жизнь людей. Реализуя законотворческую функцию, парламент способствует дальнейшему развитию правовой основы нашей государственности, совершенствованию отношений в обществе [9, с. 52].

Однако несмотря на осязаемые результаты законотворческой деятельности Парламента, существует и ряд задач, сформулированных в Послании Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию 24 апреля 2007 г.:

- дальнейшее развитие и обновление законодательной базы;
- стабильность законодательства;
- актуальность и своевременность законов;
- повышение взаимодействия между Правительством и Парламентом в ходе

подготовки законопроектов [10, с. 50].

Финансово-бюджетная функция закреплена в п. 2 статьи 97 Конституции Республики Беларусь, в которой говорится, что Палата представителей утверждает республиканский бюджет и отчет о его исполнении, а также формирует налоговое законодательство. В результате Парламент имеет возможности влияния на финансово-экономическую политику государства.

Согласно 97 и 98 статьям Конституции Республики Беларусь, обе палаты Национального собрания наделены контрольными полномочиями. Прежде всего, это взаимодействие с Правительством.

В соответствии с частью второй статьи 103 Конституции Республики Беларусь ежемесячно одно заседание резервируется для вопросов депутатов Палаты представителей и членов Совета Республики и ответов на них Правительства, что даёт возможность установить, насколько эффективно работает тот или иной закон, насколько он соответствует современным условиям социально-экономического развития республики.

Также Палата представителей даёт Президенту Республики Беларусь согласие на назначение Премьер-министра, который в двухмесячный срок после назначения представляет Парламенту программу деятельности Правительства. Одобрение или отклонение программы является не только средством контроля, но и формой оказания влияния на определение вектора развития народного хозяйства и экономической системы [11, с. 61].

Обе палаты участвуют в процедуре импичмента Президента (ст. 88).

Для решения актуальных задач, стоящих перед обществом, проводятся парламентские слушания. Согласно статье 80 Регламента Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, «парламентские слушания – форма деятельности Палаты представителей, состоящая в заслушивании сообщений и мнений депутатов Палаты представителей, представителей государственных органов и общественных объединений, экспертов и специалистов по конкретной проблеме или иному вопросу, относящемуся к компетенции Палаты представителей» [12, с. 26].

За десять лет работы Палаты представителей проведено 29 парламентских слушаний по вопросам законности в республике, прав человека, смертной казни, жилищ-

ной политики, здорового образа жизни, реформы образования, приватизации, перспективы сотрудничества с Россией. Ежегодно в канун годовщины аварии на Чернобыльской АЭС проходят слушания по вопросам ликвидации последствий катастрофы.

Процедура парламентских слушаний, компетентное рассмотрение обсуждаемых вопросов, их открытый характер способствуют развитию демократических принципов парламентаризма в республике.

Одним из приоритетных направлений деятельности Парламента является работа в таких межпарламентских организациях, как Парламентское Собрание Союза Беларуси и России, Межпарламентская Ассамблея Евразийского экономического сообщества, Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ, Межпарламентский союз, Парламентская Структура Центрально-европейской инициативы, Межпарламентская Ассамблея православия, Парламентская Ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 2003 г.), Парламентская Ассамблея Черноморского экономического сотрудничества (с 2005 г. в качестве наблюдателя), а также сотрудничество в рамках Организации Объединённых Наций.

Парламент республики, согласно ст. 92 Конституции, работает на профессиональной основе. Причем если из 110 депутатов Палаты представителей первого созыва лишь 64 перешли работать на профессиональную основу, то весь состав Палаты второго и третьего созывов работают на профессиональной основе [13, с. 77; 79].

Для организации работы над законопроектами в Палате представителей сформированы 14 постоянных комиссий. Как отметил Глава государства в выступлении на организационной сессии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 21 ноября 2000 года, данное количество является оптимальным [7, с. 43].

Парламентские выборы показали, что сохраняется преемственность законодательной власти. 36 депутатов (32,7%), входивших в Палату представителей первого созыва, были переизбраны в 2000 году; 46 (41,8 %), работавших ранее в нижней палате Парламента второго созыва, – в 2004 году [13, с. 79; 83].

Особенностью белорусского парламентаризма является снижение числа политических партий в Парламенте: если в Палате представителей первого созыва были депутаты от 9 партий, второго созыва – от 6, то в сегодняшнем Парламенте – только от 3. Данное явление свидетельствует о непопулярности политических партий в обществе, поскольку «в последнем десятилетии XX века страна пережила своеобразный «партийный кризис», вызвавший достаточно негативное отношение многих граждан к партиям. Такие настроения людей сохраняются и ныне» [5, с. 16].

Заключение

Таким образом, парламентаризм как элемент политической системы способствует конструктивному взаимодействию властей, обеспечению надёжных гарантий прав и свобод человека и гражданина, консолидации всех общественных сил, придаёт фундаментальный характер конституционным отношениям. Институт парламентаризма в настоящее время является одним из важнейших рычагов формирования и развития в обществе демократических начал, становления гражданского общества.

Оценивая роль представительного органа Республики Беларусь, можно сказать, что «Парламент стал важнейшей составной частью эффективной системы государственной власти» [11, с. 31]. Однако процесс развития парламентаризма продолжается. Среди целей и перспектив развития парламентаризма в Республике Беларусь можно выделить следующее: повышение эффективности законодательного процесса; повышение взаимодействия между различными ветвями власти; всестороннее расширение связей между депутатами и избирателями; дальнейшее развитие и обновление всей зако-

нодательной базы, развитие партийной системы и усиление роли партий как основных субъектов избирательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Романов, Р.М. Понятие и сущность парламентаризма / Р.М. Романов // Социально-политический журнал. – 1998. – № 4. – С. 210–225.
2. Саидов, А.Х. Эволюция парламентаризма в современном мире / А.Х. Саидов // Национальные парламенты мира: энцикл. справочник / сост. А.Х. Саидов. – Москва, 2005. – С. 3–7.
3. Лукашенко, А.Г. Нет выше долга для политика, чем служить такому замечательному народу, как белорусский / А.Г. Лукашенко. – Минск, 1997. – 52 с.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на государственных референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2007. – 48 с.
5. Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь Национальному собранию Республики Беларусь / А.Г. Лукашенко // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2001. – № 4. – С. 3–29.
6. О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь от 4 ноября 1998 г. № 196-З // Звезда. – 1998. – 10 ноябр. – С. 3–5.
7. Лукашенко, А.Г. Выступление Президента Республики Беларусь на организационной сессии палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь 21 ноября 2000 г. / А.Г. Лукашенко // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2000. – № 12. – С. 27–46.
8. Коноплев, В.Н. Палата представителей: десять лет службы на благо народа / В.Н. Коноплев // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2006. – № 9. – С. 42–50.
9. Лукашенко, А.Г. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с ежегодным посланием к Парламенту страны 16 апреля 2003 г. / А.Г. Лукашенко // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2003. – № 5. – С. 27–57.
10. Лукашенко, А.Г. Послание Президента Республики Беларусь белорусскому народу и Национальному собранию 24 апреля 2007 / А.Г. Лукашенко // Информационный бюллетень Администрации Президента Республики Беларусь. – 2007. – № 5. – С. 3–31.
11. Василевич, Г.А. Парламентский контроль – важное средство укрепления законности / Г.А. Василевич // Вес. Канстытуц. Суда Рэспублікі Беларусь. – 2005. – № 4. – С. 60–63.
12. Регламент Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, 6 апреля 1999 г., № 850 – П / VII // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 32. – 4 / 71.
13. Красуцкий, А.В. Практика деятельности Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь (1996 – 2004 гг.) / А.В. Красуцкий // Парламентаризм в Республике Беларусь: опыт становления и развития: сб. науч. ст. / Ин-т парламентаризма и предпринимательства; под ред. В.А. Божанова. – Минск, 2006. – С. 74–85.

Abramenka A.L. Parliamentarism as an Element of Political System of Republic of Belarus

The article is devoted to the problem of formation and prospects of development of the institute of parliamentarism in the Republic of Belarus. The notion of parliamentarism is determined, the features peculiar to it are revealed. The parliament is determined as a central parliamentarism unit, the functions performed by it are examined. A special attention is paid to the analysis of state, specific characters of formation and main peculiarities of the Belarusian parliamentarism. The structure and place of the National Assembly of the Republic of Belarus in the government system are determined. The realization of representative, legislative, financial and budget, control, as well as foreign political functions by the House of Representatives of the National Assembly of the Republic of Belarus has been studied. On the basis of summarizing the results of study of processes of formation and development of the institute of parliamentarism in the Republic of Belarus the prospects of its development have been determined.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.01.09

УДК 325.111

Л.Е. Назаренко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СЕЛЬСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ПРОБЛЕМА АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ В ГОРОДЕ В ЭПОХУ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

В статье анализируются мировоззренческие установки сельских мигрантов в города в период индустриализации и массовой урбанизации общества. Сегодня еще значительная часть стран современного мира переходит к индустриальной стадии развития, что актуализирует данную проблему. Социалистические идеологии, возникающие в период индустриализации общества, типологически близки крестьянскому мировоззрению, поэтому управление модернизирующимся социумом требует учета этого фактора.

Введение

XX век стал эпохой невиданного ранее исхода сельского населения в города под влиянием индустриализации и урбанизации общества. Если в начале XX столетия, в 1900 г. только 19,6% населения жило в городах, то в начале XXI века, в 2008 году, на городских территориях проживало уже 50% населения мира, причем в странах с завершившейся индустриализацией этот показатель оказался значительно выше. Например, в Великобритании городское население составляет 90% от общего числа жителей, в Италии – 70% , во Франции 75% [1]. Процесс индустриализации еще не завершен во многих странах мира, в том числе в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Кроме того, продолжается индустриализация ряда стран постсоветского пространства, где традиционное производство доминирует в промышленной структуре, а автоматизация и компьютеризация индустриальных отраслей далеки еще до стандарта развитых стран. Впрочем, и в развитых странах при переходе к более высокому технологическому укладу, сопровождаемом, обновлением промышленной инфраструктуры, регулярно возникает потребность в дешевой рабочей силе. Миграция сельского населения в города остается важным фактором трансформации политической системы. Изучение массовых миграций из деревни в город актуально и для Республики Беларусь, где миграционные потоки из деревни в город остаются самыми многочисленными и нуждаются в серьезном теоретическом осмыслении.

Предпосылки массовых миграций сельского населения в города

Массовое переселение сельского населения из деревни в город было обусловлено задачей построения инфраструктуры индустриального общества и неизбежно повлекло за собой значительное напряжение политической системы, которой необходимо рационализировать раскрестьянивание деревни, обеспечить успешную урбанизацию модернизирующихся стран. Дело в том, что и жизненный уклад сельского жителя, и его мировоззрение значительно отличаются от жизни и ценностных ориентаций городского жителя, что создает трудности для адаптации сельских мигрантов в городской среде. Массовость переселений приводит к тому, что крестьянские ценности в определенной степени интегрируются городской средой и оказывают на нее значительное влияние.

Сочетание городских и крестьянских ценностей в мировоззрении сельских мигрантов обусловлено рядом важных моментов.

Научный руководитель – С.В. Решетников, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного университета

Во-первых, переселяясь в город, вчерашние сельские жители сохраняют качества, воспитанные спецификой сельскохозяйственного труда и укладом деревенской жизни. К таким качествам относятся ответственность за результаты своего труда, коллективизм, трудолюбие, т.е. качества, востребованные и высоко ценящиеся на рынке труда. Наличие этих качеств обуславливает активное вовлечение вчерашних крестьян в индустриальное производство.

Во-вторых, предпосылкой миграции в города становится значительное ухудшение условий жизни и труда в сельской местности, что связано с активным раскрестьяниванием деревни. Таким образом, у мигрантов изначально присутствует ощущение своей принадлежности к экспроприированной, ограбленной группе населения. Их переселение в городскую среду связано либо с утратой собственности в деревне, либо с отсутствием возможности сводить концы с концами, нерентабельностью хозяйствования на земле. В большинстве случаев сельский мигрант ощущает себя скорее жертвой сложившихся обстоятельств, чем свободным продавцом рабочей силы на рынке труда.

В-третьих, социальный статус «новых горожан» в структуре городского населения заведомо ставит их в оппозицию к остальным группам, более привилегированным, что обуславливает конфронтационный характер отношений, прежде всего, с работодателями и формирует ярко выраженные антибуржуазные настроения в их среде. Все это придает политической культуре данной социальной группы четко выраженные специфические черты. Мигранты начинают осознавать себя творцами материальных благ и ценностей, которых они в то же время лишены. Своими экспроприаторами они ощущают не только работодателей, но и общество в целом. Это заставляет их объединяться для защиты собственных интересов. Работники различных отраслей промышленного производства, которые раньше идентифицировали себя как представители определенного профессионального цеха, начинают осознавать себя представителями особого класса, *класса трудящихся-пролетариев*, эксплуатируемых современным им буржуазным обществом, но отчужденных от этого общества. Подавляющее число пролетарского населения по своему происхождению – это выходцы из крестьянской среды. Переселившись в город, они еще сохраняют сельское мировоззрение, а маргинальный статус мигранта заставляет их вести активную борьбу за прежние ценности, противопоставляя их городским, буржуазным ценностям. Так формируется особый тип политической субкультуры. Это противоречие позволяет объяснить распространение в XIX – первой половине XX века в странах, вступивших в индустриальную эпоху и переживающих урбанизацию, феномена бурного развития и популярности социалистических и коммунистических идей.

Итак, появление многочисленного маргинального слоя выходцев из деревни в городах становится существенным фактором нестабильности общества и ведет к расшатыванию его политической системы. Разрастание пригородов, предместий, трущоб, фавел, бидонвилей приводит к их неуправляемости и делает их опасными районами, очагами преступности, мятежей, восстаний и революций. Предпосылками к этому служат маргинальный статус вчерашних крестьян в городах, сочетание в их политической культуре настроений отверженности и избранности.

Омассовление общества: опыт научного анализа

Массовые миграции сельского населения в города становятся объектом внимания со стороны государства и предметом научного исследования. Первые теоретики массового общества Г. Тард, Г. Лебон, Х. Ортега-и-Гассет и др. акцентировали внимание на его иррациональности, непредсказуемости и неуправляемости. В то же время массовые скопления людей существовали всегда (военные кампании, ярмарки, карнавалы, масштабные стройки и пр.) и вели себя в соответствии с обстоятельствами. По-видимому, и массы, описанные Тардом и Лебоном, имеют свою логику, только она не понятна обыден-

ному сознанию коренного горожанина. Так, кажущаяся немотивированной агрессивность толпы пролетариев становится ясной, если учесть, что для города эти пролетарии не более чем ресурс, из которого нужно извлечь максимальную выгоду. Другая черта массы – коллективизм. Он чужд индивидуализму коренного горожанина, но отражает крестьянскую соборность. Наконец, политическая активность массы связана со специфической мотивацией крестьянского труда, ориентированного не на получение зарплаты или прибыли, а на конечный результат, т.е. обеспечение жизнедеятельности общины или семьи. Оказавшись в городе, где обеспечение жизнедеятельности зависит от множества факторов, в том числе и политических, вчерашние крестьяне стараются контролировать эти факторы. Сложность в том, что массовое общество, в отличие от традиционного, хаотично, дисперсно, раздроблено, в то же время его фрагменты не являются «*tabula rasa*» – они содержат в себе ценности, представления и опыт тех слоев, классов и сословий, к которым принадлежали горожане и их родители до омассовления. Поэтому невозможно объединить их, сплотить вокруг того или иного политического проекта, не учитывая их мировоззрения и не синтезируя осколков старой, разбитой картины мира в новом полотне. В одном случае основой такого синтеза становится религиозная традиция, в другом – крестьянское понятие о справедливости, в третьем – патриотизм, уязвленное национальное самолюбие, иногда – все в комплексе. В результате образуется своего рода мозаика, каждый элемент которой привлекает определенную группу людей, а все эти группы сливаются в единое целое, способное до поры до времени действовать сообща. Правда, всегда сохраняется опасность того, что в любой момент эта «мозаика» может рассыпаться по причине несовместимости предшествующего опыта и ценностей ее групп. Зато опыт совместных действий сплачивает ее тем сильнее, чем более тяжелые испытания приходится ей переносить.

Согласно исследованиям историка и психолога Б.Ф. Поршнева [2], занимавшегося изучением массовых социально-политических движений, формирование человеческого сознания носит коллективный характер. Прежде всего, формируется диада категорий «мы» - «они», и второе понятие в этой диаде первично. Под категорией «они» понимаются такие социальные группы, которые представляют угрозу для данного типа общества, соответственно, «мы» – это те, к кому индивид испытывает доверие и с кем ощущает близость. Это проявляется и в политической культуре сельских переселенцев. С появлением в городах значительных групп мигрантов отношения между ними и коренными городскими жителями быстро приобретают дихотомизм, т.е. становятся напряженными. Коренные горожане рассматривают пришельцев из деревни как чуждую им социальную группу. И наоборот, сельские мигранты, ощущая враждебность и пренебрежение со стороны горожан, дистанцируются по отношению к ним и пытаются противопоставить их ценностям свои. При этом если горожане обладают преимуществом лучшей ориентации в привычной для них городской среде, то у мигрантов появляется собственное преимущество: они занимаются коллективным трудом на крупных предприятиях, а это предполагает интенсивное общение и ощущение общей судьбы и значимости своей особой роли в обществе.

Чтобы управлять какой-либо социальной группой, необходимо знать ее ценности, и в этом заключается задача тех политических сил, которые претендуют на управление этими группами. Задача политической системы переходного общества – создание такого политического проекта, который отвечал бы основным потребностям масс переселенцев и внушал бы им доверие. Поэтому именно в индустриальную эпоху на первый план в политике выдвигаются такие личности, которые отвечают импульсам, исходящим от масс переселенцев.

Таким образом, в ходе адаптации сельских мигрантов в условиях индустриализации формируется и постепенно растет особый слой населения – промышленный проле-

тариат, отличительными чертами которого являются крестьянское происхождение и маргинальный статус в городе. Он отличается специфической политической субкультурой, сочетающей черты отверженности и мессианства. Именно эта группа сыграла решающую роль в политических катаклизмах XIX и XX веков и еще очень значима в XXI веке как в силу своих экономических и социальных функций, так и в силу своей маргинализованности, побуждающей ее активно бороться за повышение своего социального и политического статуса. Борьба пролетариата за свои права начиналась практически одновременно с индустриализацией. И хотя протекала она в разных странах по-разному, но определенные фазы ее характерны для всех индустриализирующихся стран.

Политическая культура сельских мигрантов

Проблема пролетарского мировоззрения в своем генезисе тесно связана с крестьянскими духовными ценностями. По словам Ф. Энгельса, крупное машинное производство порождает принципиально новый класс общества. По происхождению этот класс формируется из числа бывших ремесленников, частично из работников умственного труда и мелких торговцев, но главным образом – из раскрестьяненных землевладельцев, вынужденных ради пропитания уходить в города за заработками и лучшей жизнью.

Каждый из социальных слоев вливается в «наемную армию труда» со своими традициями и ценностями. Так, бывшие цеховики-ремесленники приходят, как правило, в промышленные отрасли, близкие им профессионально. Они привносят в производственный процесс на крупных предприятиях свою квалификацию, тайны и навыки ремесла. Де-классированные интеллигенты – бывшие чиновники и разорившиеся мелкие буржуа, оказавшись в рядах рабочего класса, способствуют росту его политического и культурного горизонта, приобщению части пролетариата к «культуре образованных» (к общекультурным ценностям). Не могут не повлиять на политическую культуру пролетариев и крестьяне – наиболее многочисленная среди формирующих новый класс групп. Правда, это влияние менее очевидно – в силу того, что в процессе адаптации мигранты из села сознательно пытаются изжить в себе сельские предрассудки и привычки. Оказавшись в новой для себя городской среде, переселенец из деревни прежде всего старается избавиться от внешних признаков крестьянского происхождения (иначе одевается, скрывает диалектные особенности речи и меняет стиль поведения), но избавиться от фундаментальных социокультурных атрибутов принадлежности к одной из базовых общественных групп сложнее, поскольку они усваиваются бессознательно и формируют сам тип личности, а не ее индивидуальные особенности. Такими фундаментальными основами крестьянской культуры являются:

- сакральное отношение к труду как предназначению человека, призванного преобразовывать свою природную среду обитания (противостоит городской потребительской установке);
- коллективизм или соборность, безусловный приоритет интересов общества перед индивидуальными интересами (противостоит городскому индивидуализму);
- комплексный и системный характер деятельности, обусловленный спецификой крестьянского труда (противостоит установке на узкую специализацию).

Как правило, эти фундаментальные установки осуществляются в сельскохозяйственной деятельности: они вплетены в традиционный уклад жизни, в систему образов, ритуалов, поддерживающих и обрамляющих этот уклад. Они осознаются только тогда, когда разрушается традиция, а бывший крестьянин оказывается в городе и сталкивается с совершенно иными правилами и нормами жизни. Формируемые этими установками качества личности, такие как трудолюбие, коллективизм, стремление к преодолению профессиональной ограниченности, свойственны пролетариату эпохи индустриализации, на что обращают внимание описывающие его теоретики (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин,

К. Каутский и пр.). Эти же качества высоко ценились и работодателями на предприятиях. И они же делают пролетариат самостоятельной политической силой, отражаются в его политической культуре, способствуют созданию нового политического проекта переустройства общества, вокруг которого консолидируются пролетарские массы города. Этот проект возникает в истории задолго до появления индустриального пролетариата, как правило, в ситуациях раскрестьянивания деревни как реакция на разрушение традиционного сельскохозяйственного уклада. Именно в такие периоды становятся популярными социалистические и коммунистические проекты переустройства общества – то в форме хилиастических милленаристских сект, то в форме литературных упражнений (Т. Мор, Т. Кампанелла), то в форме философских трактатов (Платон), и, наконец, в форме социальных проектов политиков-реформаторов (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин).

В заключение можно сделать вывод, что промышленный пролетариат как выразитель социалистических и коммунистических идей в XIX–XX в.в. по существу формируется из мигрантов – крестьян и несет в своем политическом сознании крестьянские ценности. По мере роста рабочего класса социалистические тенденции в его мировоззрении усиливаются и начинают проявляться в социальном и политическом поведении, которое носит ярко выраженный протестный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. К 2007 году число горожан превысит число сельских жителей. / Электронная версия бюллетеня Население и общество. – № 163–164. – [Электрон. ресурс]. – 1–15 августа 2004. – Режим доступа : <http://demoscope.ru/weekly/2004/0163/barom01.php>.
2. Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история. / Б.Ф. Поршнева. – М. : Наука, 1968. – 214 с.
3. Утопический социализм: Хрестоматия / Общ. ред. А.И. Володина. – М. : Политиздат, 1982. – С. 53–77, 82–100.
4. Шацкий, Е. Утопия и традиция: Пер. с польск. / Общ. ред. и послесл. В.А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1990. – 456 с.
5. Электронная энциклопедия «Кругосвет»: статьи «Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии», «Италия», «Франция». – 20.12. 2006 [Электрон. ресурс]. – Режим доступа : "<http://www.krugosvet.ru>."

Nazarenko L. Political and Socio-cultural Orientations of Rural Migrants and the Problem of Their Adaptation in town in Epoch of Industrialisation

World outlook aims of rural migrants to towns during the period of industrialization and urbanization of the society are analyzed in the article. Today the considerable part of modern world's countries transform to industrial development stage, which makes this problem of current importance. Socialistic ideologies arising in the period of society industrialization are typologically close to peasant world outlook. Therefore the management of modernized society demands the consideration of this fact.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.01.10

УДК 321.7:329.12 (100)

А.И. Клицунов

МИРОВЫЕ ВЫЗОВЫ И СОВРЕМЕННАЯ ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДЕМОКРАТИЯ

В статье изложены принципы либеральной демократии, дается краткий обзор основных современных вызовов и проблем, с которыми сталкивается либеральная демократия на рубеже тысячелетий. Автор считает, что демократическая система не может ориентироваться на слепое следование либеральной практике, а государство должно выработать эффективное противодействие, нейтрализующее негативные тенденции. Демократия обязана базироваться на традициях конкретной страны, формальных и неформальных ограничениях, которые способны обеспечить справедливость, солидарность и стабильность в обществе. Сделать это можно лишь в условиях сильной и эффективной государственной власти, основанной на понимании демократии как формы государственно-политического устройства, на признании народа в качестве источника и носителя верховной власти. Демократия искусственно не переносится из одного региона в другой, она может функционировать только с учетом исторических, политических и культурных традиций народа. Насаждение ценностей и принципов либеральной демократии оказывает разрушительное воздействие на общество и государство.

Введение

Либеральную демократию на Западе считают лучшей формой правления, представляют рациональным средством устойчивости и стабильности в обществе, в котором защищены гражданские и политические права человека. Вместе с тем в последнее время высказывается все больше сомнений в самоценности демократии, в её способности удержать общество от расколов и дисбаланса, защитить от терроризма, преступности и бедности. В условиях либеральной демократии происходит отказ от опыта предшествующих поколений, традиций и морали, политики беспринципно отстаивают собственную выгоду, подвержены коррупции. Политические лидеры уже не убеждают общество в своей правоте, а пытаются манипулировать им. Сегодня либеральная демократия способствует созданию условий, угрожающих стабильности общества, падению авторитета государственной власти, установлению контроля над человеком. С другой стороны, политические системы, основанные на ценностях, принципах либеральной демократии, открыты для вызовов и угроз.

Что же такое современная западная демократия? Большинство граждан об этом, пожалуй, не задумываются, считая, что «и так все ясно». Социологические исследования показывают, что под демократией понимают и «свободу выбора», и «равенство людей независимо от постов», и «такое состояние общества, когда наверху слушают, что говорят внизу», и «возможность делать то, что тебе нравится», и еще многое другое [1, с. 4]. Все это свидетельствует о том, что большинство людей хорошо знает лишь термин «демократия», не вникая, по сути, в его глубинное содержание.

Примечательный эпизод, касающийся понимания демократии, произошел в Ираке в апреле 2003 года, когда войска коалиции вступили на территорию страны. Один из жителей города Наджаф, являющегося вотчиной мусульман-шиитов, наблюдая за прохождением американских войск, приветственно махал им рукой. Завидев это, репортер «Нью-Йорк таймс» спросил его, что принесет освобождение страны от диктатуры Саддама Хусейна? Ответ состоял всего из нескольких слов: «Демократия,

Научный руководитель – Т.И. Адуло, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философской антропологии и философии культуры Института философии Национальной академии наук Беларуси

виски и ... секс» [2, с. 286]. К сожалению, для очень многих сегодня демократия ассоциируется со вседозволенностью, возможностью проявлять эгоистические наклонности независимо от традиций и условий страны. На протяжении второй половины XX века понятие демократии было связано с идеологией «холодной войны». Страны капиталистической системы демократию определяли в жестких терминах антикоммунизма, превращая в синоним «свободного мира». Государство, не входившее в социалистическую систему, сотрудничавшее с Западом, считалось демократическим. Социалистические страны, со своей стороны, претендовали на высшую, «развитую до конца» демократию, делая акцент на государственной форме собственности и противостоянии власти капитала.

После победы США в «холодной войне» закончился период дуалистического понимания демократии, ее стали отождествлять только с принципами либеральных прав и свобод. На Западе демократия подразумевает, в первую очередь, либеральную демократию, т.е. такую политическую систему, которой присущи не только проведение свободных и справедливых выборов, но также разделение ветвей власти и обеспечение базовых свобод: печати и слова, собраний и ассоциаций, вероисповедания и владения собственностью. Либеральная демократия исходит из признания индивида первичным источником власти, из его автономности как социального субъекта. Частная жизнь ценится больше, чем жизнь общественная, а право – выше, чем общественное благо и традиция. Государство не должно вмешиваться в процесс общения автономных индивидов и их добровольных ассоциаций.

Одним из элементов либерального общества является свобода самовыражения. Культурные традиции, отрицающие свободу самовыражения в каком-либо виде, не могут пользоваться толерантным отношением. «Толерантность не предполагает, что надо закрывать глаза на тех, кто попирает свободу самовыражения, ... она предполагает их подавление», – утверждает Джон Грей [3, с. 58].

В условиях либеральной демократии никто не должен нести ответственность за то, что он думает и говорит, какие идеологические взгляды разделяет. Вместе с тем с ранних лет граждане вовлечены в систему религиозных или политических организаций, клубов, ассоциаций, профессиональных союзов и прочих связей, представляющих эффективный инструмент социального и политического контроля. Тот, кто желает нормальной жизни, кто не хочет попасть в число маргиналов, должен разделять мораль и принципы западного общества, естественно воспринять предписываемый социальной средой образ мыслей и действий. В противном случае человек неминуемо столкнется с трудностями, которые могут вытолкнуть его на дно социума.

Общественные и политические лидеры Запады стремятся к воплощению в жизнь надежды на то, что люди утратят традиционные привязанности, свою самобытность и «солются» в единую цивилизацию, основанную на общечеловеческих ценностях и рациональной морали. Адепты концепции общечеловеческих ценностей не отвергают ценностных различий отдельных культур и народов, однако они утверждают, что эти различия несущественны по сравнению с единым общечеловеческим «ядром». Однако такая уверенность, идущая от эпохи Просвещения, в наши дни терпит крах.

Как личность человек формируется в конкретном культурном поле, в том обществе, в котором ему довелось родиться и жить. Сравнительное изучение разных культур показывает, что ценности передаются из поколения в поколение через обучение самыми разными способами. При этом отдельные ценности обладают изменчивостью и могут существенно видоизменяться даже в течение жизни одного поколения, но их совокупность обладает большой устойчивостью.

Эмманюэль Тодд утверждает, что различные антропологические системы по-разному реагируют на усиление демократического индивидуализма. Для некоторых систем, например, французской и англосакской, «ценность свободы является изначально-

ной, заложенной в базисе семьи, и здесь развитие истории лишь формализует ее, радикализует ее выражение». В других системах: русской, японской, китайской или арабской – «мощный подъем индивидуализма угрожает некоторым изначальным антропологическим ценностям... Хотя и в значительно размытом виде, ценности власти и общины, которые характеризовали в начале эти системы, остаются, полностью не уничтожаются» [4, с. 64–65].

Легитимность демократических институтов зависит от времени, условий и места, а не от принципа, обладающего всеобщей значимостью для всех народов. Критерием оценки любого режима служит то, обеспечивает ли этот режим мирное существование субъектов, позволяя в то же время различным сообществам сохранять собственные формы жизни внутри государства. Настоящая демократия представляет собой политический механизм, полезность которого зависит от его вклада в поддержание гражданского мира и обеспечение достойного материального и духовного уровня жизни населения.

Но у западной политической мысли и практики иное видение проблемы: поскольку достижение прибыли есть сущность демократии, любое правительство, осуществляющее антирыночную политику, ущемляющее гражданские и политические права человека, является антидемократическим независимо от той поддержки народа, на которую оно может рассчитывать. Если демократия оказывается несовместимой с принципами либерализма, то современные мировые элиты предлагают признать ее вредной оказывают политическое и экономическое давление с целью ускорить принятие либеральных норм, способствуя деятельности внутри страны оппозиционных групп. С другой стороны, если правительство стабильно наращивает либеральные права и свободы, несмотря на ограниченность демократических форм правления, то его не следует относить к «диктатурам».

Становится понятно, почему выборы в одних странах при многочисленных зафиксированных нарушениях признаются западными наблюдателями состоявшимися, а в других – незаконными; почему аресты и разгон демонстраций в одних странах – это наведение конституционного порядка, а в других – нарушение прав и свобод человека.

На Западе во второй половине XX века демократия и либеральные свободы оказались неразрывно переплетены. Однако на рубеже столетий эти два компонента, продолжая составлять основу западной политической модели, все больше расходятся друг с другом, а в некоторых случаях следует говорить об их противостоянии.

В общественном сознании Запада расширяется понимание данной проблемы. Сейчас американцы и европейцы с меньшим почтением относятся к политической системе, чем когда-либо в прошлом. Они невысокого мнения о своих политиках и политических институтах.

Выборы часто сопровождаются скандалами и политическими кризисами, а в результате приводят лишь к ограниченным изменениям в правящей элите. Коррупция и посредничество, отстаивание и лоббирование частных интересов, использование государственного положения в личных целях – все это привело к дискредитации в глазах общества всей политики, поэтому показатели явки избирателей на участки для голосования низкие. Участие в политических партиях претерпело еще больший упадок.

На первый взгляд, либеральная демократия с ее «системой коллективной безопасности» действительно препятствует преступникам и террористам. Однако на деле эта борьба не дает сколь-нибудь ощутимых результатов, наоборот, ситуация заметно ухудшается. За последние 30 лет преступность во всем мире возросла в 4 раза, а в самых «демократических» странах, например, в США – в 8 раз. Тревожным симптомом служит вовлечение детей в сферу преступного мира.

Серьезным вызовом современной демократии является международный терроризм. Силловые структуры западных государств не смогли противодействовать проведению терактов, число которых в последние годы увеличилось.

Либеральная демократия провозглашает принцип равенства возможностей. Однако социальный и исторический опыт западных стран многократно подтверждает, что фактического равенства возможностей не было и нет ни для отдельных людей, ни для многочисленных наций, ни для конкретных государств.

Вызовом либеральной демократии является поляризация современного мира, увеличение до непреодолимого уровня различий между населением так называемого «золотого миллиарда» и жителями стран «третьего мира».

В настоящее время более половины населения планеты (а это свыше 3 млрд. человек) страдает от недоедания. Анализ, осуществленный экспертами ООН, показал, что 1,2 млрд. жителей Земли подвержены различным видам болезней от постоянного голода. Три пятых населения развивающихся стран жиёт в условиях, не соответствующих минимальным социальным требованиям: при отсутствии пригодной для употребления питьевой воды, адекватных жилищных условий, нормального питания. Пять миллионов детей в современном мире умирают ежегодно от голода, а десятки миллионов не способны учиться и овладеть профессиями [5, с. 152–153].

Одна из самых серьезных угроз либеральной демократии исходит от отсутствия в современном мире социального и гражданского равенства. В наши дни обострилось противостояние богатства и бедности внутри самих государств, между национальными элитами и представителями низов этих стран. Высокообразованные, ориентированные на единые ценности, ведущие примерно одинаковый образ жизни национальные элиты будут разных стран иметь гораздо больше общего между собой, чем с населением собственной страны, имеющем совершенно иные психологию, навыки и материальное благосостояние. «Большие» деньги богатых в наше время изолируют их от общества гораздо сильнее, чем раньше. Функция денег как средства обращения из товарно-материальной среды стало распространится на любовь и дружбу; деньги играют вторую роль в политической борьбе, с помощью денег становится возможными приобретение и сохранение некоторых социальных благ.

Вызовы демократии коренятся в мощи транснациональных корпораций, которые опираются на западные государства и неподотчетны общественности. Расширение их власти ведет к глобализации мира, появлению на одном полюсе неслыханных богатств и привилегий на фоне роста на другом полюсе числа тех, кто обречен на тяжелый труд за низкую плату. Богатые страны консолидируются, в условиях истощения природных ресурсов «золотой миллиард» устанавливает контроль над стратегически важным сырьем, что обостряет противоречия богатых и бедных стран. Для представителей «третьего мира» это означает разрушение социальной стабильности общества, маргинализацию большинства населения, архаизацию хозяйственного уклада.

Известно, что природные ресурсы, в первую очередь, минерально-сырьевые, составляют основу существования человечества и в значительной мере определяют будущее мировой цивилизации. Разведанные запасы минерального сырья способны обеспечить растущие потребности человечества на весьма ограниченную историческую перспективу – от 20 до 60 лет. Поэтому прогнозируемый в XXI веке рост потребления в мире природно-сырьевых ресурсов вызывает очаги повышенного напряжения, зачастую переходящего в открытую агрессию со стороны экономически развитых стран. Такая политика ведет к дестабилизации мировой системы, является предпосылкой утверждения глобального хаоса.

Выступая главным инициатором искусственного повышения цен на нефть и создания столь же искусственного дефицита сырья на мировом рынке, администрация США генерирует военные конфликты, ведущие к глобальному хаосу.

Вызовом современной демократии, по мнению М. Хардта и А. Негри, следует считать глобальное состояние войны, которое стало реальностью современного мира. Из конфликта между отдельными государствами и народами война превращается в подобие гоббсовской «войны всех против всех». Она «обретает генерализированный характер, подавляя все проявления общественной жизни и навязывая свой собственный политический порядок» [6, с. 2]. Многие исследователи считают такое состояние глобальным по охвату и долговременным. Война с внешним противником сливается с борьбой с противником внутренним (террористами, преступниками, представителями «пятой колонны», маргинальными группами и др.), и потому существовавшие и прежде ограничения либеральных свобод значительно усиливаются в современном мире.

В качестве врага в этих войнах выступают не только национальные государства, политические сообщества или даже отдельные люди, но и определенные идеи, желание сохранить государственный суверенитет, выбор экономической и политической модели развития. При этом агрессия происходит под лозунгами справедливой войны за утверждение во всем мире либеральных свобод, прав человека, борьбы с терроризмом, устранения геноцида, противостояния экстремизму и фундаментализму.

Альтернативой государственной власти сегодня в условиях либеральной демократии становится саморегулируемое гражданское общество, основанное на территориальном и производственно-экономическом самоуправлении. При этом Центр выполняет лишь координационные функции, а выявлением и решением основных проблем, обеспечением жизнедеятельности региона занимаются местные власти и добровольные ассоциации граждан. Инициатива управления переходит к неформальной сетевой системе.

Реализация данной концепции связанная с проблемой эффективности управления: многоуровневые режимы могут создавать много центров, соперничающих между собой за право принимать решения, поэтому объективно возникает ситуация, когда граждане не могут оценить многочисленные центры власти. Неформальные сети трудно заставить быть ответственными, поскольку их сила состоит в том, что они могут видоизменяться вместе с изменяющимися условиями жизни. Неконституционные структуры делают трудной проблему идентификации ответственности за те решения, которые затрагивают жизнь людей. Новое управление не является решением проблемы распыления политической власти: для граждан становится не ясно, кто будет отвечать за принимаемые решения и каковы инструменты контроля за исполнением. Данная политика является составной частью трансформации общества в направлении новой, более тонкой формы авторитаризма.

Сегодня меняется не только система управления, но и состав привилегированного общественного слоя. А. Брад и Я. Зондерквист утверждают, что место «среднего класса» постепенно занимает новый социальный класс транснациональной элиты, враждебной прежнему миропорядку, генетически связанный с сообществом интеллектуалов. Речь идет не только об утверждении глобальных финансово-правовых технологий, но «о более широкой тенденции превращения операций со смыслом в основной источник мирового дохода». Общество испытывает потребность в экспертах, способных структурировать и систематизировать поток информации. Данная транснациональная интеллектуальная элита иначе, нежели предшествующая элита, воспринимает «понятия свободы, транснациональности, универсализма и культуры», у нее полностью отсутствуют традиционные ценности и моральные ограничения [7, с. 16].

Стоит задача сузить до минимума количество вариантов поведения человека и уверенно контролировать оставшиеся. Элиты в условиях либеральных демократий установили столь строгий контроль над личностью человека, какой при других политических системах был невозможен. Они эффективно используют новые средства массовой коммуникации и контроля над разумом, приводя общественное сознание в состояние неустойчивости, что лишает возможности граждан оказывать организованное сопро-

тивление. Попытки создать «всеобщий каталог», ввести личный электронный код, систематизировать персональную информацию неоднократно предпринимались в США и Европе.

В последнее время элиты активно атакуют ценности либеральной демократии, предлагая «прекратить разговоры о смутных и нереальных целях вроде прав человека, повышения жизненного уровня и демократизации» и «действовать с помощью непосредственных силовых концепций, не стесняя себя идеалистическими лозунгами», хотя такие лозунги хороши и даже обязательны в публичных речах политиков [8, с. 30].

Еще одним серьезным вызовом демократии является политика, проводимая единственной супердержавой современного мира; наша планета все чаще сталкивается с ситуацией, когда демократическим считается только то, что делается по образу и в соответствии с волей Соединенных Штатов.

Исключительность США логически приводит к тому, что Америка становится выше закона, она снимает с себя обязательства по многим международным соглашениям, касающийся защиты окружающей среды, прав человека, уголовного судопроизводства. Лидеры государства утверждают, что американские военные не должны подчиняться правилам, действующим в отношении других, в частности по таким вопросам, как упреждающие военные удары, контроль над вооружением и незаконное задержание людей. Американская исключительность приводит к использованию двойных стандартов.

Трагичность положения культуры в странах либеральной демократии состоит в том, что она вырождается, вытесняется другими способами воздействия на духовную и социальную жизнь. Для противодействия данной тенденции следует поддерживать идеологию государства, ориентированную на защиту национально-культурных ценностей, традиций, самосознания народа, государственного суверенитета.

Суверенитет государства, незыблемые устои народовластия гарантируются, во-первых, проведением независимой внутренней и внешней политики, способностью обеспечить безопасность своей страны; во-вторых, развитым производственным и научно-техническим потенциалом, эффективной моделью экономического развития, которая характеризуется сильной социально ориентированной направленностью государственной властью.

Демократия не переносится искусственно из одного региона в другой, она может функционировать только с учетом исторических, политических и культурных традиций народа. Не случайно в одних странах утверждается парламентская система, а в других – президентская или монархическая формы правления. Насаждение ценностей и принципов либеральной демократии оказывает разрушительное воздействие на общество и государство.

С другой стороны, политические системы, основанные на ценностях, принципах либеральной демократии, открыты для вызовов и угроз: терроризм, преступность, коррупция, утрата традиционных ценностей и культурных связей, поляризация внутри общества, между развитыми странами и странами «третьего мира», перманентное состояние «войны всех против всех» внутри общества, манипуляция сознанием граждан, падение авторитета государственной власти, переход инициативы управления к неформальной сетевой системе, эффективный контроль над человеком и т.д. Необходимо признать, что демократия в ее западном варианте так долговечна потому, что оказалась самым удобным средством для реализации эгоистических интересов и страстей человека, безграничной власти экономических и политических элит.

Заключение

Демократическая система не может и не должна ориентироваться на слепое копирование либеральной практики. Она обязана базироваться на традициях конкретной

страны, формальных и неформальных ограничениях, которые способны обеспечить справедливость, солидарность и стабильность в обществе. Сделать это можно лишь в условиях сильной и эффективной государственной власти, основанной на понимании демократии как формы государственно-политического устройства, на признании народа в качестве источника и носителя верховной власти. Иными словами, демократия – это такая форма организации политического сообщества, когда именно народу, а не отдельным лицам, группам или классам принадлежит учредительная роль в политическом обществе и только народ обладает правом принимать окончательные решения по любым вопросам государственной и общественной жизни. Нелиберальный режим, политическим институтам которого не хватает подотчетности обществу и который не гарантирует либеральных свобод, но гарантирует безопасность, защищает традиционные свободы граждан (право на труд, социальное обеспечение, медицинское обслуживание и т.д.), в большей степени соответствует универсальному принципу демократии, чем либеральные режимы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельников, А.П. Политология. Демократия как феномен политической культуры: Учебное пособие / А.П. Мельников, Т.И. Матюшкова. – Минск : Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2004. – 51 с.
2. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Ладомир, 2004. – 383 с.
3. Грей, Дж. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности / Дж. Грей. – М. : Праксис, 2003. – 366 с.
4. Тодд, Э. После империи: Pax Americana – начало конца : пер. с фр. / Э. Тодд. – М. : Международные отношения, 2004. – 231 с.
5. Уткин, А.И. Новый мировой порядок / А.И. Уткин. – М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. – 640 с.
6. Хардт, М. Множество: война и демократия в эпоху империи / М. Хардт, А. Негри / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Культурная революция, 2006. – 559 с.
7. Малишевский, Н.Н. Государственная информационная политика и средства массовой информации: пособие / Н.Н. Малишевский, Е.М. Ильина. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – 131 с.
8. Хомский, Н. Прибыль на людях / Н. Хомский. – М. : Праксис, 2002. – 256 с.

Klitsunou A.I. World Challenges and Modern liberal Democracy

The principles of liberal democracy are shown and a sort review of the main modern challenges and problems are given in the article. The author believes that a democratic system can't blindly follow the liberal practice, but the state should work out an effective counteraction neutralizing negative tendencies. The democracy is not simply carried from one region to the other; it can be built only taking into account national, historical, political, and cultural traditions.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.10

УДК 338.48

Т.И. Яковук

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТИКИ ПУТЕШЕСТВИЙ

В статье рассмотрен туризм как конфронтация с инаковостью, как социальное движение; международный массовый туризм как дилемма институализированной конфронтации с инаковостью.

Встречаясь с Иным, человек может воспринять его враждебно и объявить ему войну, может просто отгородиться и замкнуться в себе, может вступить в диалог. Путешествия предоставляют туристам практически неограниченные возможности знакомства с иными культурами, людьми, образом их жизни и мироощущения. Именно поэтому выезды за пределы своей страны являются значительными событиями в жизни человека, часто оставляющими неизгладимый след в памяти, меняющими его внутренний, эмоциональный мир, возможно, даже его предыдущие представления о мире и своем месте в нем. На всем протяжении развития международного туристического движения происходила эволюция этики конфронтации с инаковостью. В условиях массового международного туризма наиболее удобной и безболезненной формой конфронтации с инаковостью становится ее институализация организациями, обслуживающими туристическое движение.

Туризм как конфронтация с инаковостью

Каждое путешествие является расставанием с тем, что является самым важным элементом нашей идентичности – с «домом». Покидая место постоянного проживания, турист попадает в иную социальную среду, ходит по иным улицам, живет в иных домах, вступает в контакт с иными людьми, говорящими на ином, часто непонятном ему языке, по-иному решающими свои жизненные задачи. У этих людей могут быть иные религии, иные обычаи, традиции и обряды. Перемещаясь в пространстве, турист попадает в иные климатические условия, в которых присутствуют совсем иная флора и фауна. Любой турист, даже путешествующий в составе многочисленной организованной группы, в течение нескольких часов может переместиться из зимы с ее лютыми морозами и снегопадами в место, где ярко светит горячее солнце, на улицах растут цветы, а на пляжах отдыхающие загорают и купаются в теплом море. Человек на какое-то время в результате пространственной мобильности оказывается в другом «мире», в нашем, но одновременно совсем ином. Так происходит и в тех случаях, когда турист перемещается по своему континенту, даже по соседней стране, где природный, социальный и культурный пейзаж визуально близок и понятен, но, тем не менее, сразу же после пересечения государственной границы из окна туристического автобуса видны иные дороги и автострады, иные пейзажи и по-иному спланированные поля, иначе спланированные селения, города с иным освещением улиц и подсветкой архитектурных сооружений, по-иному оформленные витрины магазинов, входы в офисы и учреждения. И даже вездесущая глобализация все еще не успела сравнять и обезличить то, над чем тысячелетиями трудились локальные культуры.

В то же время путешествие может перенести, как мы уже упоминали, путешественника в другой мир, совершенно непохожий на тот, в котором он родился и жил. Так случается тогда, когда, например, белорус отправляется в Бомбей, китаец прибывает в Будапешт, а итальянец в Москву. Это не просто иной мир, это уже совершенной другой мир. Разница между «иным» и «совершенно другим» в данном случае в значительной мере определяется проблемой индивидуального ощущения, дефиниции, впечатлительности и культурной компетентности, опыта. Безусловно, что этот мир может быть гораздо ближе, понятнее и дружелюбнее по отношению к тому, кто много путешествовал, знает иностранные языки, «всю жизнь провел на колесах», нежели к туристу, впервые покинувшему родную деревню.

Культурные, языковые и социальные компетенции туриста, уровень его креативности, знакомства с литературой, искусством, историей, повышающие интерес к окружающему миру, расширяющие духовные горизонты личности, способствуют открытости по отношению и к иному, и к совершенно другому миру. Элементарное человеческое любопытство, неподдельный интерес к новизне, экзотике, необычности позволяют позитивно встречать инаковость и настраивают на диалог. В этом диалоге пересматриваются внутренние жизненные позиции, взгляд на мир и его закономерности, на место индивида в нем. Часто вслед за интересом и пересмотром ценностей наступает аккультурация, усвоение новых мировоззренческих и культурных стереотипов. За возвращением «домой» могут последовать «ремонт» и даже кардинальная «перестройка». Путешественники привозят не только впечатления, национальные сувениры, видеозаписи, фотографии, музыкальные диски и рецепты успевшей полюбить чужой кухни. Из путешествий привозят романтические воспоминания, новые контакты, иногда новую религию, если она оказывается сильнее той, которая владела душой человека ранее.

Но вглядывание в инаковость может пугать, настораживать, отталкивать. При этом иной мир не обязательно должен быть экзотичным, отдаленным в пространстве затерянным во времени. Так, иногда из уст туристов (чаще всего провинциальных, впервые оказавшихся в мире западной цивилизации и не различающих ее культурных центров в исторической перспективе) можно услышать негативные отзывы, например, о Венеции, дома которой кажутся им покосившимися, а каналы грязными и дурно пахнущими. При этом не учитывается ни возраст города-жемчужины, ни его островной характер, ни культурно-историческая и религиозная значимость, ни мраморная отделка и роспись дворцов, в том числе роскошного Дворца дождей, поражающего дворцовыми залами и капеллой дождей, роскошно обставленными и украшенными полотнами Тинторетто, Веронезе, Тьеполо. Разочарованного сердца путешественника не трогает даже великолепие постоянно многолюдной площади Святого Марка и украшенного византийскими мозаиками собора Святого Марка, хранящего мощи апостола. Туриста не увлекают красоты многочисленных венецианских набережных и мостов над каналами, пение гондольеров и роскошные сувениры на любой вкус, изготавливаемые художниками и ремесленниками прямо на глазах у туристов. Сравнение родного захудалого городка с Венецией оказывается не в пользу последней – разочарованный турист спешит в отель, где готовится к поездке в Рим, который оказывается уже гораздо более близким и понятным.

Отчуждение и неприязнь могут вызывать и местные жители, говорящие на ином языке, такие непохожие на тех, что годами живут рядом на соседней улице. Неинтересны их мужчины, непривлекательны женщины, неприветливы и лукавы продавцы и официанты, неаккуратны горничные, надменны гостиничные администраторы, не говорящие на родном языке туриста, невоспитанна молодежь, невкусен кофе, отвратителен шоколад. Обычаи кажутся устаревшими, традиции чопорными, стиль жизни непривлекательным, мода смешной и безвкусной. В таком случае выезд может даже показаться напрасным, и по дороге домой принимается решение больше в эту страну не приезжать и вообще следующий отпуск провести в родной стране.

Возможны также случаи, когда тот или иной город, та или иная достопримечательность по различным причинам не производят на туриста должного впечатления, но при новой встрече, возможно, в другую пору года, а также при поездке более длительной оказывается, что данный город действительно один из самых красивых на континенте, что в нем много достопримечательностей и музеев мирового уровня, оставляющих неизгладимое впечатление.

Нередки также случаи, когда много путешествующие люди попадают в страну, о которой давно мечтали и много слышали, но при встрече оказывается, что ее столица не так красива и богата, как те, с которыми туристу привелось познакомиться ранее, ее

знаменитые дворцы и замки менее роскошны, чем те, которые удалось посетить в родной стране. В этот момент также может присутствовать элемент разочарования. Но после возвращения домой оказывается, что наиболее часто вспоминается именно эта страна, что при планировании будущих путешествий хотелось бы обязательно включить ее посещение в маршрут.

Поиск обоснования для путешествия

Расставание человека с родным домом и его путешествие в другой мир на протяжении многих столетий являлось большой проблемой не только для самого путешественника, но и для более широкой социальной общности, к которой он принадлежал. Локальная общность подвергала путешествие моральной, как правило, негативной оценке. На протяжении многих веков моральную критику вызывал сам факт покидания дома, своих, семьи, прихода общества в целом. Это было вызвано тем, что путешествия ввиду отсутствия в то время пассажирских перевозок были длительными, социальные связи разрывались надолго, с путешествиями были связаны также серьезные риски для жизни и здоровья. Путешественник, подобно Одиссею, возвращался спустя лишь долгие годы. Если ему удавалось вернуться живым, то благодаря этому должна была оказаться в выигрыше не только семья, но и вся общность в целом¹. Отсюда отсутствие моральных сомнений в случае военных, грабительских, захватнических походов, которые, как предполагалось, должны были бы принести материальную пользу локальной общности. При этом со стороны локальной общности на протяжении столетий не подвергалось моральной оценке отношение путешественника к местным жителям. Так, французский семиотик Т. Тодоров, описывая открытие Америки Христофором Колумбом, отмечает, что тот не уделяет много внимания людям, являющимся лишь частью пейзажа, их описание располагается всегда в записках Колумба вперемежку с описанием птиц и деревьев. Для него естественна нагота индейцев, поскольку первооткрыватель не видит у них каких-либо элементов культуры, обычаев, ритуалов, религии. По мнению Колумба, человек начал носить одежду после того, как был изгнан из рая, и это является источником его культурной идентичности. Т. Тодоров характеризует Колумба как коллекционера редкостей, у которого отсутствует стремление понять инаковость [1, с. 42–43].

Расставание с локальной общностью вызывало неодобрение по целому ряду причин. Так, еще Платон, планируя свое «идеальное государство», подчеркивал, что выезжать за границу в нем смогут лишь лица, наделенные специальной миссией. Получившие разрешение на выезд, вернувшись из-за границы, должны бы были объяснить молодежи, что обычаи и законы в других странах хуже, чем те, которые определяют жизнь общества в «идеальном государстве».

Во всей средневековой Европе, переживавшей период бурного развития христианства, развивалось паломничество к местам, освященным деятельностью Иисуса Христа, святых апостолов и отцов Церкви. Исключительно паломничество в это время являлось достойным поводом для расставания с родным домом. Лишь оно одно не рассматривалось локальной общностью как своего рода измена, предательство. В Европе странствовали по следам проповедческой деятельности апостолов. Безусловно, в число важнейших центров паломничества входил Рим, город, освященный смертью св. Петра. Необходимо было также посетить располагавшийся на границе современной Турции и

¹ Мифы и легенды, всегда содержащие в себе зародыши правды, свидетельствуют о том, что уже в самые древние времена все странствия и путешествия являлись настолько важным делом, что подлежали опеке специальных богов.

Сирии город Антиохию, в котором останавливались апостолы, в том числе св. Петр, считавшийся первым епископом Антиохии, а также апостол Павел, после которого на протяжении нескольких сотен лет в городе хранились в качестве священных реликвий принадлежавшие ему предметы повседневного обихода, среди которых были стол и кресло. Определенная мода на реликвии вела к росту паломничества, получившего моральное одобрение локальной общности. При этом на протяжении всего средневековья и даже периода Нового времени существовала литература, направленная против путешествий, связывая их с угрозами для религиозной жизни путешественника, государственной валюты, политической стабильности².

Открытие Нового света и прогресс морской навигации способствовали дальнейшему развитию морских путешествий в XIV–XV вв., а расширение интересов путешественников привело, в свою очередь, к появлению в XV–XVII вв. познавательных путешествий, свидетельством чего стала мода на литературу о путешествиях и путешественниках. Эта литература, расширявшая познавательные горизонты, будившая воображение и эмоции, особенной популярностью пользовалась, у молодежи. На рубеже XVII–XVIII веков начинает формироваться серьезное отношение к познавательной значимости путешествий. Молодые путешественники перед расставанием с родиной изучали литературу, объяснявшую правила поведения в пути, знакомившую с особенностями общения с местным населением, рекомендовавшую вести подробные дневники, в которых содержались бы описания встречавшихся по пути мест, людей и ситуаций и которые могли бы быть полезны «дома». Это были первые этические кодексы путешествия.

Туризм как социальное движение

В конце XVII века появляются профессиональные экскурсоводы, постепенно распространяется обычай путешествий из островной Англии в континентальную Европу [2]. Во Франции, уже в те времена отличавшейся огромным потоком приезжавших на отдых путешественников, возникает понятие *турист*.

В середине XIX века появляется новая форма путешествия – *туризм* в его современном понимании. Технический прогресс, заявивший о себе появлением железнодорожного транспорта, пароходства, массовое строительство гостиниц, трактиров, ресторанов и кафе в значительной мере облегчили условия путешествий, снизили их стоимость, обеспечили доступность посещения разных стран и континентов. Первое бюро путешествий Томаса Кука, организовавшее в 1841 году массовый выезд путешественников в Америку, сама куковская концепция демократизации путешествий (снижение стоимости проезда, совершенствование транспортных средств и условий приема туристов) открыли новую эру в истории туристического движения, поскольку впервые в истории человечества стало возможным массовое перемещение людей. Организаторы туризма превратили путешествие в товар, выставленный на продажу, т.е. в туристический продукт.

С самого начала своего существования туризм являлся не только коммерческой деятельностью, но и общественным, гражданским движением. Согласно духу того времени ему сопутствовали две ценности: патриотизм и социальная справедливость. Во второй половине XIX – начале XX веков моральное измерение путешествию придавали идеи краеведения и социального туризма. Зарождающемуся национальному самосозна-

² В послевоенные десятилетия XX все без исключения тоталитарные государства отличались негативным отношением к поездкам за границу, поскольку даже поверхностное знакомство их граждан с иными, более развитыми в социокультурном, материальном и правовом смысле странами могло поколебать государственную идеологию и всю социальную систему в целом.

нию сопутствовал моральный постулат познания родной земли, культуры, жизни народа и особенно природы.

Растущее рабочее движение в странах Западной Европы осуществляло активную деятельность в поддержку права на отдых на лоне природы, социальный туризм. Это также способствовало росту туристического движения, постепенно терявшего элитарный характер и приобретавшего форму вполне доступного отдыха не только для высших слоев общества, но даже и для достаточно хорошо оплачивавшихся фабричных рабочих. Именно широкое участие в выездах в курортные местности английских рабочих легкой промышленности привело к изменению облика располагавшихся на побережье городов, их превращению в курортные зоны с хорошо налаженной индустрией семейного и молодежного отдыха на весь период отпускного времени, а также способствовало зарождению традиций проведения на морских курортах выходных и праздничных дней, например, очень популярных до настоящего времени рождественских каникул.

Социальную значимость туризма отмечают все основные документы, принятые в международном туристическом движении. Так, в Манильской декларации отмечается, что «современный туризм возник в связи с проведением социальной политики, приведшей к предоставлению трудящимся ежегодных оплачиваемых отпусков, что одновременно является признанием основного права человека на отдых и досуг. Он стал фактором социального равновесия, взаимопонимания между людьми и народами и развития личности. Кроме его хорошо известных экономических аспектов он приобрел культурный и духовный аспекты, которые должны быть поддержаны и защищены от негативных последствий, обусловленных экономическими факторами» [3, с. 477].

Международный массовый туризм как форма институализированной конфронтации с инаковостью

Начиная со второй половины XX века массовая культура все активнее стала извлекать себя в сфере проведения досуга, в том числе в сфере туризма как одной из наиболее привлекательных и доступных форм организации свободного времени людей. Причем, начиная с 50-х годов, прежде всего в США и странах Западной Европы, наблюдалось зарождение и становление тенденции роста массового международного, в том числе и межконтинентального, туристического движения. В связи с этим актуализировалась давняя проблема путешествий, связанная с конфронтацией с инаковостью.

В этих условиях международный туризм явился институализированной формой освоения чужого жизненного пространства. В прошлом путешественники, самостоятельно отправляясь в дальние страны, вынуждены были сами справляться с ситуациями, возникавшими при внедрении в чужое жизненное пространство. В эпоху массовых международных путешествий освоением инаковости занимаются такие высокоспециализированные институты, как бюро путешествий, гостиницы, перевозчики, пункты туристической информации. Задача этих институтов заключается в максимальном препарировании, переформатировании инаковости, существующей на иных географических широтах и в иной культурной среде с, целью ее реализации иностранным туристам в качестве привлекательного во всех отношениях туристического продукта. При этом коммерциализация инаковости, как правило, принимает две формы: либо нивелирования, цивилизации инаковости, либо, наоборот, ее гипертрофирования, выпячивания, превращения в экзотику как туристическую достопримечательность [4].

Институациальные способы редуцирования инаковости, минимализации того, что в чужом жизненном мире может мешать приезжему путешественнику, одним из первых описывал в 60-е годы прошлого столетия американский историк Д. Бурштайн в своем анализе *environmental bubble*. Наиболее популярной формой институализации инаковости является, например, использование туристами в тропических странах

транспортных средств, оборудованных кондиционерами, их проживание в стерильно чистых гостиничных номерах с круглосуточно работающими кондиционерами, наличие в гостиничных ресторанах европейской кухни с отдельно стоящими стойками, на которых в качестве экзотических блюд выставляются кулинарные чудеса местной кухни. В то же время туризм является также институализированным способом гиперболизации инаковости. Это, например, обслуживание туристов персоналом, одетым в национальные костюмы, дизайн гостиничных номеров в местном стиле, приглашение туристов к участию в традиционных праздниках и обрядах.

Основной целью массового туризма является посещение туристических достопримечательностей, реальных или даже искусственных, придуманных (Мак-Кэннелл), но обязательно привлекательных, с точки зрения иностранных туристов. Когда, отмечает Мак-Кэннелл, серьезно существующие реалии превращаются в развлечение, они перестают быть истинными, аутентичными, а основной целью организаторов туристического движения становится уменьшение рисков и рост денежной прибыли. В настоящее время все окружение человека можно сконструировать из истинных и выдуманных воспоминаний об инаковости. В качестве примера автор приводит японский «Малый мир», который в одинаковой степени является и тематическим парком, и живым этнологическим музеем. «Его организаторы приобрели целые города и веси в Греции, резерватах американских индейцев, Таиланда и т.д., после чего их перевезли вместе с жителями в парк, где повседневная жизнь и практические навыки их жителей были выставлены на показ туристам и этнологам» [5, с. 301].

Существенным элементом туризма является инсценировка локальных обычаев, традиций и обрядности. Традиционные обряды целенаправленно драматизируются, превращаются в яркие, запоминающиеся спектакли, формирующие социальные ритуалы памяти. К их числу можно отнести религиозные обряды или рыцарские турниры. Иной тип инициализации – это организованные карнавалы и фестивали. И, наконец, третья форма – это драмы, соединяющие туристов и исполнителей, например, участие туристов в испанских рыцарских турнирах.

Пребывание западных туристов в экзотических странах в институализированных условиях не дает истинного представления о жизни в данной стране. Тем более, что группа туристов передвигается по строго определенному маршруту, часто в охраняемом транспорте. Жизнь местных жителей можно наблюдать лишь из окна комфортабельного автобуса, а работу ремесленников в хорошо с режиссированных сценах, разворачивающихся, например, у входа в магазин, реализующий местную сувенирную продукцию. При этом реальная жизнь местного населения может быть настолько далекой от комфортной жизни туристов, что посещение, например, бедуинской деревни в Сахаре, наблюдение за повседневной жизнью бедуинов воспринимается как спектакль, подготовленный бойкими местными организаторами обслуживания туристического движения. И лишь после более длительного пребывания в деревне, наблюдения быта и образа жизни людей, посещения их домов становится ясно, что это реальная деревня с ее реальным укладом жизни, а позирующие за дополнительную плату жители после отъезда туристов останутся в тех же декорациях в ожидании следующей группы путешественников и что интерес туристов, подогреваемый организаторами туристического движения, является, возможно, единственным источником их существования.

Заключение

1. На протяжении всего развития туристического движения эволюционировала этика путешествий, одним из основных элементов которых было столкновение с инаковостью.

2. В условиях массового международного туризма наиболее удобной и безболезненной формой конфронтации с инаковостью становится ее институализация организациями, обслуживающими туристическое движение.

В данном аспекте оказывается, что интерес к стране во многом определяется не только ее историей, климатическими условиями и достопримечательностями, но и способностью турорганизаторов создавать туристический продукт, вводящий в дискурс чужого жизненного пространства, знакомящий с инаковостью и позволяющий вступить с ней в диалог, обеспечивается при этом безопасность туристов, что отнюдь немало важно на фоне растущих террористических угроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Todorov, T. *Podbój Ameryki. Problem innego* / T. Todorov. – Kraków : Aetheia, 1996.
2. Przeclawski, K. *Człowiek a turystyka. Zarys socjologii turystyki* / K. Przeclawski. – Kraków : Albis, 1996.
3. Манильская декларация по мировому туризму / под ред. А.П. Дуровича. – Минск, 2006.
4. Podemski, K. *Od zakazu opuszczania Domu do nakazu dialogu z innym. Ewolucja etyki podróżowania* / K. Podemski // *Turystyka i podróżowanie w aksjologicznej perspektywie*. – Poznań, 2007. – S. 37–49.
5. MacCannell, D. *Turysta. Nowa teoria klasy próżniaczej* / D. MacCannell. – Warszawa, 2005.

Yakovuk T.I. Evolution of the Ethics of Tourism

Facing the Different, an individual may apprehend it hostilely and even declare war against it; he may cut himself off it and retreat into himself or enter into a dialogue with it. Traveling gives tourists a practically unlimited possibility to get acquainted with other cultures, people, and their way of life and perception of the world. Therefore tourist trips turn into significant events in human life leaving an indelible mark in his memory and changing his internal, emotional world, and perhaps even his previous apprehension of the world and his place in it. All the time the development of international tourism was accompanied with the evolution of the ethics of the confrontation with the alienation. In the conditions of mass international tourism its institutionalization by the organizations servicing tourism became the most comfortable and painless form of the confrontation with the alienation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.01.10

УДК 316.3/4

Эдвард Ярмох

СЕМЬЯ КАК ЕСТЕСТВЕННАЯ СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

В статье обосновывается тезис, что семья, будучи одной из важнейших ценностей в обществе независимо от времени и места человеческой экзистенции, сама является необходимым условием и естественной средой формирования нравственных ценностей, первой и важной школой общественных добродетелей. Автор дает определение ценностей, рассматривает их дифференциацию исходя из природы и социального бытия человека. Анализируется центральная роль человеческого достоинства среди нравственных ценностей, как естественных, так и сверхъестественных (религиозных); всесторонне рассматривается роль семьи в формировании как знаний, так и убеждений, ориентаций и нравственного поведения детей с учетом изменений в институте семейно-брачных отношений в современном обществе.

Проблемы ценностей, ориентации и смысла жизни стали необыкновенно важным элементом продолжающейся многие годы этической дискуссии. В мире, в котором все подчинено постоянным изменениям, необходимы определенные ориентиры, позволяющие формировать нравственный фундамент социальной жизни. Часто говорят, что современность характеризуется глубоким моральным и духовным кризисом, вызванным распадом и отвержением традиций и понятий, еще недавно считавшихся незыблемыми. Любой человек имеет собственную систему ценностей, иерархию нравственных норм и правил, почерпнутых как из общества, так и из личного опыта.

Религиозная мораль исходит из того считающегося непреложным факта, что существуют твердые конкретные этические нормы и императивы, которые содержатся в десяти заповедях, определяющих основу нравственной жизни многих людей. Это предписания и запреты, неизменные в своей сути, сопряженные с такими постоянными ценностями, как любовь, семья, охрана жизни, благо, красота, истина и справедливость. Их главной целью является защита достоинства человека.

Политический и социально-экономический кризис, а также его негативные последствия больше всего сказались на семье, которая является первой и важнейшей средой формирования ценностей. Именно она дает образцы поведения. Семья поэтому является для человечества одной из самых важных ценностей. Она рассматривается как сокровище Церкви [1] и всего человеческого сообщества изначально, независимо от времени и места существования человека. Семья – это измерение каждой человеческой жизни: судьба каждого человека неразрывно связана с семьей; с нею связана и жизнь общества, поскольку она является его основным элементом – его основной клеточкой. Будучи наименьшим сообществом, семья в соединении с другими семьями, создает большие сообщества – общество и государство. В семье рождаются граждане, и в ней они находят первую школу тех общественных добродетелей, которые определяют собою жизнь и развитие самого общества [2].

Человек имеет возможность осознавать собственные поступки, может понимать то, что делает. Он способен программировать свое поведение, определять его цель и предвидеть последствия. Он может также решать, какую позицию занять относительно себя, людей и Бога. Человек при этом способен манипулировать своим сознанием и так ошибочно пользоваться своей свободой, что может оказаться в мире вымысла. Поэтому не каждое поведение человека имеет одинаковую ценность. И тип поведения ведет к развитию и счастью, к зарождению и упрощению любви к Богу, к самому себе и к другим людям, другое же – к ненависти, эгоизму или агрессии. Поэтому необходим анализ человеческого поведения в его моральном измерении.

Ценность является одной из основных философских категорий. Она особенно важна в этике, антропологии, религии, теологии, психологии, социологии, а также в праве. Дефиниция понятия «ценность» довольно трудна. Сам термин взят из экономической терминологии. Раньше это понятие функционировало под названием «благо», особенно в теологии и философии. Классическая философия отделила общие ценности (в области абсолютной действительности) от ценностей партикулярных (в области относительной действительности). В «Малом этическом словаре» «ценность» определяется как основная категория аксиологии, означающая все то, что является ценным, достойным желания и выбора, что составляет конечную цель людских устремлений. Иногда «ценность» определяется как то, что имеет значение для человека и придает смысл его начинаниям [3, с. 280].

Понятие ценности может быть отнесено к идее, личностям, вещам, к разнообразным ситуациям или явлениям, а также к их определенным свойствам. Такое понятие может существовать самостоятельно, а может входить и в более широкую систему иерархии ценностей.

Ценности в зависимости от области, к которой они относятся, можно подразделить на морально-этические, религиозные, этические, культурные и другие. В зависимости от общности выделяют общечеловеческие, национальные и локальные ценности. Говорят также о ценностях низших и высших, материальных и духовных, что обычно связано с построением иерархий ценностей [4, с. 66].

С социологической точки зрения, ценности относятся к основному, центральному и общему пониманию целей и определяющих линий ориентации в жизни в пределах семьи, малых социальных групп, коллектива, культуры и человечества в целом.

Существует мнение, что в основе смысла жизни лежат нормы, а не ценности. Но нельзя разработать ни одной нормы без принятия определенной ценности. Поэтому ценности выполняют ряд социальных функций, вытекающих из потребностей индивида и социума. Человек, теряющий веру в конкретные ценности, теряет одновременно и смысл своей жизни. Он чувствует себя ненужным и чужим, ведь смысл его жизни только и осуществляется посредством ценностей, к которым он обращается, на которые ориентируется и которым служит [5, с. 67–68].

Отвечая на вопрос, чем являются ценности, примем за исходные пункты их рассмотрения как субъективный акт хотения, желания, предпочтения, так и объективные свойства и качества предметов. Согласно субъективистской установке, исследование ценностей сводится к анализу потребностей, желаний или предпочтений предмета; согласно же объективистскому подходу, оно заключается в установлении соответствующих свойств и качеств предметов.

Исходя из этого можно определить ценность как цели и блага, которые служат человеку в какой-то его сфере жизни. Таким образом, можно выделить ценности, относящиеся к сферам жизнедеятельности человека телесной (физическое здоровье), психической (психическое здоровье), моральной (святость, умиротворенность совести), общественной (любовь, общественная справедливость, мир), религиозной или духовной (сверхъестественная вера, надежда и любовь).

Духовные ценности можно определить как самые главные цели и блага, которые делают возможным развитие человека на основе того, что в его жизни является самым важным и специфически человеческим. Это – любовь, истина, ответственность, свобода.

Существует тесная связь между этическими и духовными ценностями. Этические нормы указывают на конкретные правила поведения человека и выражаются через систему запретов (например, десять заповедей), а также через систему положительных предписаний (две заповеди о любви, Нагорная проповедь Иисуса). Духовные же ценно-

сти указывают на подлинный смысл моральных правил, а также на критерии их выработки с учетом природы человека и истинного смысла его индивидуальной жизни. Они делают возможным установление соответствующей иерархии между разными жизненными благами и целями, которые человек принимает за ценностные.

Существенным содержанием переживания нравственной ценности является познавательный и эмоциональный элемент [6, с. 91]. Речь идет о том, что переживание моральных ценностей включает в себя следующие элементы: познание ценности, стремление к ее реализации и соответствующие чувства, связанные как с актами разума, так и воли. Человек, переживая моральные ценности, осознает, что не является их творцом, что он только открывает их как идеальные образцы поведения.

В социальном учении Церкви весьма важное место занимают основные ценности. Они являются необходимыми для развития человека и общества; более того, они создают нормативное поле поведения, в котором объединены все силы общества для реализации общего блага. Речь идет не об исполнении желаний отдельных индивидов, поскольку эти желания разные и меняющиеся. Речь идет о ценностях, без которых не может жить ни один человек и которые являются предметом заботы и стараний людей независимо от их способностей, интересов, предпочтений. Основные ценности по своей сути являются христианскими, они имеют всеобщее и непреходящее значение. Церковь, защищает эти ценности, являющиеся выражением признания достоинства человека и представляющие собою основу общественной жизни. Данная мысль была развита, в частности, в учении Иоанна Павла II. По его мнению, достоинство человеческой личности должно пониматься в двух измерениях – естественном и сверхъестественном. Естественное достоинство имеет свой источник в человеке как образе Бога, поскольку человеческая личность имеет сознание, свободную волю и совесть. Сверхъестественное же достоинство вытекает из факта Воплощения и Искупления. Истину человеческого достоинства, о которой говорит Иоанн Павел II, можно понять только в свете христологической концепции, поскольку «ключом к пониманию той великой и основной действительности, каковой является человек, есть Христос» [7, с. 21].

Человек без Христа не поймет, кем он является, не осмыслит присущего ему достоинство. Более глубокое понимание факта достоинства человеческой личности вытекает из уяснения той истины, что мотивом и целью Воплощения Сына Божьего был именно человек. Поэтому через Христа и в Нем «человек получил полное осознание своего достоинства, своей возвышенности, трансцендентной ценности, самой человечности, смысла своего существования» [8].

Анализ достоинства человека, скоррелированный с ценностями как в естественном, так и сверхъестественном измерении, приводит к следующим выводам: во-первых, достоинство присуще каждой человеческой личности и не зависит от ее расы, происхождения, индивидуальных свойств; во-вторых, достоинство (особенно в сверхъестественном измерении) является ценностью, объединяющей всех людей и лежащей в фундаменте любого существа. Поэтому достоинство личности является основой не только создания общественных связей, но и фундаментом существования человека как субъекта всех общественных структур, связанных с групповыми нормами (ценностями).

Здесь уместно остановиться на понимании ценностей в наследии К. Войтылы. Он познакомился с феноменологией, изучая этические работы Макса Шелера. Из трудов этого философа К. Войтыла выбрал прежде всего те, которые были посвящены личности и моральным ценностям. М. Шелер применял интуитивный (непосредственный и вместе с тем общий) подход к пониманию действительности, которое может быть как интеллектуальным, так и эмоциональным. Отсюда возникает деление действительности на две сферы – вещи и ценности. Эпистемологическим предметом является сфера видимых вещей, т.е. сфера бытия как совокупности природных элементов и

тех образований, которые созданы человеческим трудом и разумом. Сфера ценностей не видима, часто интеллектуально не познаваема. Ее познание осуществляется посредством эмоционального переживания. Следовательно, по мнению М. Шелера, ценности можно постигать лишь при помощи чувств.

В соответствии с феноменологическим методом К. Войтыла в научном познании также исходил из опыта. М. Шелер же не отличал ценностей от переживаний: он считал, что ценности проявляются в переживании, а эмоции для него были важнее разума.

Следующей проблемой на пути изучения феноменологии М. Шелера было затухание в ней роли совести и ограничение до минимума ответственности личности. Макс Шелер рассматривал этические ценности как ценности исключительно личные. Сущностью этического переживания являлось эмоциональное переживание этих ценностей, а не практическое отношение личности к ним.

К. Войтыла, заняв критическую позицию относительно М. Шелера, утверждал, что этическая система немецкого философа отходит от христианской концепции там, где личность трактуется не как субстанциальная основа действий, а лишь как единство разных психических актов [9, с. 118].

Критически переосмыслив феноменологическую философию Шелера, и в первую очередь, его концепцию ценностей, а также используя идею И. Канта о доминанте обязанностей личности, К. Войтыла, будучи краковским епископом и преподавателем Люблинского католического университета, разработал цикл академических лекций под названием «Акт и этическое переживание» [10, с. 33]. При рассмотрении деятельностного и психического он опирался и на некоторые положения учения Фомы Аквинского. К. Войтыла исходил из того, что концепция этического акта должна быть основана на всеобщем опыте. Однако это переживание имеет своеобразную особенность: оно простое и несводимо к другим переживаниям [11, с. 22].

В более поздний период К. Войтыла развивал концепцию этического совершенствования (на основе Евангелия, взглядов св. Иоанна Крестителя), а также тесно связанную с ней философию действия. Ключевое положение К. Войтылы в концепции ценностей – это связь свободы и истины, осуществляющаяся в человеческих поступках, в его деятельности и опыте.

Семья, как и другие формы совместной социальной жизни, претерпевает такие процессы, выяснение которых требует не только соответствующего научного анализа, но и постоянной проверки выдвинутых тезисов, касающихся сложной и динамичной реальности современной социальной жизни. Как пишет Я. Марианский, «современный человек сталкивается с разными системами ценностей и норм. Воспринимает он обычно те элементы, которые соответствуют его личной аксиологической иерархии» [12, с. 11]. В частности в польской гуманитарной науке семье как первичной группе приписывается высшая и приоритетная ценность, поскольку она является наиважнейшей воспитательной и социализирующей средой. Она является местом религиозно-моральной социализации, воздействует и является опорой индивидуумов и способствует общности поколений.

Семья как оформленная группа существует со времен возникновения социальной жизни, является привлекательной формой сосуществования в любой эпохе и имеет место во всех известных обществах. Хотя некоторые исследователи говорят о кризисе семейно-брачных отношений, семья является интеллектуальной связкой в обществе, представляя собой его наименьшую, начальную клеточку. Она коллектив, скрепленный узами супружества, родственности и преемственности поколений. Главные роли в этом первичном социальном коллективе играют мать и отец.

Семья гарантирует человеку чувство безопасности, в ней зарождаются основные ценности. Индивид здесь находит свою опору и психическую поддержку. Для ребенка

она является первой и естественной средой воспитания, которая формирует личность наиболее прочным и глубоким образом. Прочным, поскольку влияние родителей носит постоянный и систематический характер начиная от рождения ребенка и до его совершеннолетия; глубоким, ибо воздействие родительской среды основано на кровных связях, соединяющих родителей с детьми и детей с остальными членами семьи. Именно в семье ребенок подчинен всестороннему социализационно-воспитательному процессу, обусловленному в значительной мере передачей ценностей от поколения к поколению. Посредством удовлетворения психофизических потребностей появляются чувства, установки, отношение к другим людям, к миру ценностей, к системе норм и образцов поведения, благодаря чему формируется личность ребенка [13, с. 216].

Ребенок отождествляет себя с родителями или с одним из них. Родители, не способные снискать авторитет у детей, не могут как следует и передавать им правильные нормы поведения, поэтому авторитет является весьма важным элементом в процессе воспитания. Семья, в которой господствуют чувства взаимной любви, уважения к себе и к другим, является оптимальной, и она может передать своим детям правильные нормы и образцы поведения [14, с. 108].

Эмоциональные позиции между родителями и детьми играют важную роль в формировании моральных норм. На осознание ребенком его собственной ценности влияет позитивное поведение родителей, атмосфера безопасности и разумность предъявляемых к нему требований. Все это воздействует на формирование у ребенка положительного в социальном плане поведения и способствует правильному формированию его личности. Пример родителей закрепляется в психике ребенка, превращается в привычку, становится способом его собственного поведения, что укрепляет семейную связь [15, с. 62].

Каждая семья создает собственную систему ценностей, охватывающую как низшие, утилитарные ценности, так и высшие, определяющие смысл жизни. Эта система ценностей является общей для супругов, а впоследствии и для детей. Однако не все ценности, которые признает отдельный индивид, входят в общую систему ценностей, ибо они характеризуются динамизмом, подвержены изменениям и переосмыслению.

Особенностью восприятия ценностей ребенком является то, что он их усваивает без внешних поощрений или наказаний. Это процесс интериоризации: ценности понимаются не как чуждые и навязанные, а как свои, имеющее значение сами по себе. Данный процесс возникает в подростковом возрасте. Здесь ребенок начинает познавать смысл ценностей, видеть социальное основание их соблюдения. В это время происходит замена внешнего контроля самоконтролем. Поступкам, соответствующим ценностям, начинает сопутствовать внутреннее убеждение в их правильности. Одновременно индивид может стать участником создания собственных норм поведения, служащих для реализации принятых им ценностей. Когда молодой человек вступает в зрелый возраст, он стремится верифицировать достоверность системы ценностей, полученной от родителей и окружения. Взросление – это время контролирования собственной иерархии ценностей. Часто это выглядит как попытка посмотреть на мир через призму собственной системы моральных правил.

Индивидуализация нашего поведения обусловлена многими причинами. Одной из них является желание найти собственный путь в жизни – путь, который бы наполнил нашу жизнь смыслом. В поиске этого пути мы используем весь арсенал возможностей, которые представляет нам среда. Раньше возможностей было меньше, теперь человек стремится ко многим жизненным благам, и часто это ведет к стрессу и фрустрации личности. Постмодернистский человек хочет максимально использовать жизнь, живет днем настоящим, без плана, часто не задумываясь о будущем. Согласно постмодернистской философии, каждый человек волен делать все, что хочет, поскольку каж-

дый может иметь свою собственную правду и свое собственное представление о моральном благе, ведь, с точки зрения этой философии, не существует никаких абсолютных критериев нравственности ни познавательных, ни этических, ни эстетических [16, с. 549]. Ставя под вопрос эти ценности, постмодернизм ведет к утрате стабильности и уверенности. Наступает дестабилизация общепринятой морали [17, с. 1038].

Человек выражает свой индивидуализм через дифференцированное отношение к ценностям, через образ жизни, когда на первом месте стоят личные потребности, личная свобода, самоопределение или самореализация. Индивидуалист чувствует себя хорошо только тогда, когда он ответственен лишь перед самим собой. Межличностные отношения становятся хрупкими, они подчинены принципу баланса выгоды и потерь [18, с. 50–51]. Направленность на собственное «Я», на собственные достижения и одновременно состояние одиночества часто вызывают чувство бессмысленности, своего рода экзистенциальной изоляции. Ведь если строя свою жизнь согласно лишь собственному выбору, то, во-первых, никто мне в этом не может помочь, а во-вторых, если поможет, то это уже не будет моим решением, моим выбором. Буду ли я доволен? Речь идет не только об индивидуальных выборах, освобождающих нас от старых исторических форм, но и о новых зависимостях, которые появляются вместе с цивилизационным развитием. Например, возьмем вопросы, связанные с рынком труда, страхованием, банками и т.п. Здесь мы должны принимать твердые решения, последствия которых не всегда можно спрогнозировать, а это значит, что нам присуща явная или неявная неуверенность.

Современная техника, наука убеждают человека в том, что его судьбу определяет сознательный выбор. Молодежи, настроенной потребительски, говорят, что их образ жизни, является не Божьим даром, а делом их собственных рук. Одновременно психологи и социологи подчеркивают, что углубляющийся индивидуализм ведет к исключению современного человека из контактов с другими людьми. «Мы» – это уже фактически не «мы» как организованное единство, а «мы» как механическая совокупность «я». Общество распадается, так как растет страх перед другими людьми, перед их индивидуализмом.

Все очевиднее наблюдается отсутствие моральных связей. Раньше образцом были отец и мать, дети брали с них пример и знали, что делать. Сегодня эти образцы «стали размытыми до невиданной ранее степени» [19, с. 101].

Это хорошо заметно, если посмотреть на большинство моделей того, что современники называют «семьей». В результате выделилось огромное пространство межличностных отношений, которое остается исключенным из моральной регуляции в качестве «морально нейтрального» [20, с. 67]. Эта нейтральность переходит в равнодушные, вытекающее из крайней индивидуализации и разрушения межчеловеческих связей. Равнодушие проявляется в отсутствии интереса к жизни и взглядам других людей, в нежелании высказывать свои мысли по каким-то проблемам, поскольку это, в общем, никого не касается.

Следует сказать, что индивидуализация, имеет свои негативные и позитивные стороны. Позитивным является возрастающая независимость, свобода, автономия индивида. Негативное – это, прежде всего, упадок традиционных общественных связей, коммуникаций, отмирание традиции как таковой.

Индивидуализация заметна также и в религиозной жизни. Человек часто смотрит на проблему и ее моральную оценку не через призму установлений религии, а через свое собственное «я». «Я» определяет, что является моральным; возникает своеобразная «приватизация» образцов и позиций, абсолютизируется субъективное в них.

Анализируя семью как начальную клеточку социальной жизни, особенно в аспекте религиозно-моральных ценностей, мы касаемся реальности, правильное понимание которой требует принятия должного парадокса семьи: постоянства и вместе с тем

изменчивости ее места в социальной структуре. С одной стороны, семья в области легитимации религиозных и моральных ценностей продолжает играть свою роль в отношении индивидуумов и обществ, с другой же, динамика процессов отделения моральных образцов от установлений, их создающих, подтверждающих, все чаще обнаруживает неэффективность и недостаточность мотивации действий семьи в этой области. Как замечает Я. Марианский, «в традиционных обществах религия пользовалась огромным авторитетом, посредством ее ежедневно внедрялся в жизнь определенный порядок ценностей и норм, который был своеобразным социальным императивом. Религия представляла собою своеобразный охранительный зонт, прикрывающий почти все области индивидуальной и общественной жизни. Она придавала общественной жизни значение и смысл, играла важную интерпретационную роль в отношении явлений, доступных нашему опыту. Моральные ценности принадлежали к бесспорности коллективной жизни. Много секторов индивидуальной и культурной жизни было интерпретировано религиозным способом. В традиционных обществах люди принимали то, что религия давала с помощью Церкви... Религиозность и моральность не являлись отдельными сферами жизни, обе были включены во весь спектр общественной жизни. Более того, они являлись наибольшим гарантом монолитного и разумного, воспринимаемого в качестве законного общественного порядка». Поэтому религиозные функции семьи были непосредственно включены в религиозно-социальную систему, там они находили свое подтверждение и свой источник. Такой религиозно-социальной сплав определял прочную модель семьи как установления, формирующего социальные и религиозные образцы для ее отдельных членов, что уже не характерно для современной семьи и что обязывает нас по-новому посмотреть на форму и содержание передаваемых ценностей.

Моральное развитие ребенка требует того, чтобы ребенок научился брать на себя ответственность за свои поступки. Оно требует от воспитанника постоянного усилия и преодоления преград на пути к достижению подлинной свободы. Как показывает опыт, трудности, которые возникают в процессе морального развития и с которыми сталкивается ребенок, могут быть преодолены лишь при активной помощи воспитателей.

Дети и молодежь имеют право на усвоение нравственных ценностей на основе правильно сформированной совести, на принятие этих ценностей посредством личного выбора, а также на доскональное познание Бога и любовь к Нему. В сказанном содержится характеристика естественного нравственного воспитания, которое в качестве всеобщего права человеческой личности присуще каждому человеку. Нравственное воспитание в ходе естественного развития человеческой личности заключается, прежде всего, в правильном формировании совести, в оценке моральных норм, в личном их выборе и принятии их в качестве своих, что связано с религиозной мотивацией, которая обуславливает всё более полное познание Бога и ближних.

Нравственное воспитание, в котором естественный и христианский аспекты тесно взаимосвязаны, будучи включенным в общий процесс развития детей, является обязанностью родителей [21]. Христианская семья, обогащенная любовью и обязанностями, вытекающими из таинства брака, должна воспитывать детей исходя из принципов, основанных на вере и любви к Богу. Поэтому в христианской семье нравственное воспитание детей и молодежи обычно тесно связано с религиозно-общественным воспитанием.

Нравственное воспитание является по своей сути длительным процессом, в котором на основе адаптации воспитанника к нормам социальной жизни, т.е. к моральной среде общества, происходит постепенное формирование понятий добра и зла [22], принятие добра как ценности, а зла как «антиценности». Формирование же совести воспитанника посредством нравственных ценностей обуславливает появление у него обязанности уважительного отношения к этическим нормам и позволяет выбирать те из них, которые, как наиболее высокие, становятся идеалом его жизни и способствуют само-

реализации. Духовные ценности и моральные нормы защищают человека от ошибочных поступков и несправедливости и одновременно указывают ему оптимальный путь развития.

Нравственное воспитание, осуществляемое родителями, помогает ребенку упорядочить ценности наиболее объективно, в соответствии с природой человека и иерархией ценностей добра и зла. Оно помогает правильно применять общие принципы в конкретных ситуациях и руководствоваться в жизни высшими моральными мотивами. Церковь рассматривает супружество и семью как начальную ячейку общества. Семья в христианской религии – это свидетельство любви и верности, колыбель ценностей; это своего рода дар, который позволяет радоваться супружеской любви и быть образцом для детей. Жизнь в семье – это также воспитание детей, передача им основных норм и ценностей. И важно здесь не конформистское отношение к жизни, а понимание ее с позиций истинных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jan Paweł II. List do Rodzin / Jan Paweł II. – Częstochowa, 1994. – S. 23.
2. Jan Paweł II. Adhortacja Apostolska Familiaris Consortio / Jan Paweł II. – Watykan, 1981. – S. 42.
3. Mały słownik etyczny / red. S. Jedynek. – Bydgoszcz, 1999.
4. Michalik, M. Sfera uczuć / M. Michalik. – Warszawa, 1977.
5. Gałdowa, A. Etyka i moralność / A. Gałdowa ; pod red. J. Pawlicy i B. Puszczewicz. – Warszawa, 1990.
6. Dybuła, K. Wartości moralne i szczęście / K. Dybuła // Człowiek i świat ; pod red. K. Dąbrowskiego. – Kraków, 1972.
7. Jan Paweł II. Przemówienie podczas Mszy św. na Placu Zwycięstwa w Warszawie / Jan Paweł II // Nauczanie społeczne. Pielgrzymka do Polski 1979. – Warszawa, 1982. – T. 1.
8. Jan Paweł II. Encyklika Redemptor hominis / Jan Paweł II. – Watykan, 1979. – S. 11.
9. Wojtyła, K. Ocena możliwości zbudowania etyki chrześcijańskiej przy założeniach systemu Maxa Schelera / K. Wojtyła. – Lublin, 1959.
10. Jaroń, J. W kręgu myśli etycznej kard. Karola Wojtyły oraz katolickiej koncepcji bioetyki biznesu w Polsce / J. Jaroń // Człowiek darem i tajemnicą w nauczaniu Jana Pawła II / E. Jarmoch, J. Jaroń, H. Piliś. – Siedlce, 1999.
11. Wojtyła, K. Wykłady lubelskie / K. Wojtyła ; red. T. Styczeń. – Lublin, 1986.
12. Mariański, J. Sekularyzacja i desekularyzacja w nowoczesnym świecie / J. Mariański. – Lublin, 2006.
13. Skrzypniak, R. Rodzina – mała ojczyzna wychowawcza / R. Skrzypniak // Roczniki Socjologii Rodziny ; red. Z. Tyszka. – Tom X. – Warszawa, 1998.
14. Pielkova, J. Jak im pomóc / J. Pielkova. – Warszawa. – 1992.
15. Maciaszkowa, J. Z teorii i praktyki pedagogiki opiekuńczej / J. Maciaszkowa. – Warszawa, 1993.
16. Wielgus, S. Chryścijanin wobec współczesnych wyzwań ideowych / S. Wielgus // Miesięcznik Pastorski Płocki. – Płock, 2001.
17. Luhmann, N. Die Gesellschaft der Gesellschaft / N. Luhmann. – Frankfurt am Main, 1997.
18. Buttiglione, R. Rodzina – centralną kwestią naszych czasów / R. Buttiglione // Ethos. – № 14. – 2000. – S. 3.
19. Bauman, Z. Zacieranie twarzy. O społecznym zawiadywaniu dystansem moralnym / Z. Bauman // Więź. – № 33. – 1990.

-
20. Mariański, J. Między sekularyzacją a ewangelizacją / J. Mariański. – Lublin, 2003.
21. Deklaracja o Wychowaniu Chrześcijańskim Soboru Watykańskiego II. – Rzym, 1965.
22. См.: Nabert, J. Essai sur le mal / J. Nabert. – Paris, 1955. S. 65; Lorentz, K. Das sogenannte Böse / K. Lorentz. – Wien, 1964; Olejnik, S. Eudajmonizm. Studium nad podstawami etyki / S. Olejnik. – Lublin, 1958; Krąpiec, A. Dlaczego zło? Rozważania filozoficzne / A. Krąpiec. – Kraków, 1962.

Edward Jarmoh. Family as Natural Environment where Moral Values are Formed

In the article it is proved that family as one of the most important values in society irrespective of the time and place of human existence is in itself a necessary condition and a natural environment for the formation of moral values, the primary and a most important school of social virtues. The author defines these virtues and differentiates them taking into account human nature as well as social conditions. Among all the virtues both natural and supernatural (religious) the central role is played in the author's opinion by human dignity. The author analyses in detail the role of the family in the formation of children's knowledge and convictions, beliefs and patterns of their moral behaviour taking into consideration the changes in the institute of matrimonial relations in modern society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.02.10

УДК 316.74:2

О.Ю. Бреская, Н.В. Санюк

ВНУТРИ ПУБЛИЧНОГО СОБЫТИЯ: ПЕРСПЕКТИВА С ВЫСТАВКИ-ЯРМАРКИ «БРЕСТ ПРАВОСЛАВНЫЙ»

В статье предпринимается попытка концептуализировать категорию «публичное событие» через понятия «социальной и символической границы», а также акцентируется внимание на изучении феномена границы в современной социологической традиции. Процесс образования границ социальными субъектами рассматривается в тесном взаимодействии с процессом групповой идентификации. Для более глубокого понимания характера формируемых символических границ в статье предлагается рассматривать взаимодействие разных типов групповых идентичностей внутри публичного события, среди которых основное внимание уделяется ситуационной и лонгитюдной идентичностям. Понятие лонгитюдной идентичности вводится автором статьи для описания продолжительных самореференций социальных субъектов, которые выступают участниками публичного события. В качестве примера приводится анализ формирования символических границ участниками выставки-ярмарки «Брест Православный», имеющими лонгитюдные идентичности «прихожанин» – «не прихожанин», которые сочетаются с ситуационными идентичностями на выставке «посетитель» – «выступающий» – «организатор».

Введение

Путешествуя по летним улицам Бреста, среди городских вывесок и указателей Вы можете встретить словосочетание на постере: «Выставка-ярмарка Брест Православный». А вот и ярмарка. Кто-то выходит из здания с покупками, разговаривает возле выставочных стендов, часть посетителей разглядывает с любопытством книги и диски, некоторые ожидают собеседников или покупателей, кто-то спешит послушать лекцию. Что означает такое словосочетание «Выставка-ярмарка Брест Православный»? Со стороны, после недолгого наблюдения, социолог кратко ответит, что это событие в социальном и публичном пространствах для коммуникации религиозных и нерелигиозных групп и акторов; место встречи религиозных, культурных и социальных идентичностей. Религиозная традиция здесь переплетается со светскостью; процесс приобретение продукции совмещается с общением на интересующие Вас темы; получение информации о Православной Церкви и христианской культуре благодаря презентациям и мастер-классам сопровождается визуальным многообразием выставки-ярмарки. Это своего рода одновременная презентация Православной Церкви и ее репрезентация внутри современного белорусского общества. Такое внешнее наблюдение дает общее представление и выстраивает контекст восприятия этого события. Кто же находится внутри этого публичного события? Какие группы можно встретить на выставке-ярмарке? Как они представляют Церковь и какие типы групповых границ и идентичностей можно здесь обнаружить?

Публичное событие в городском пространстве: в поиске социологических индикаторов для описания

Публичное событие: праздник, фестиваль, выставка-ярмарка – локализованы в социальном и публичном пространствах. Публичное событие может носить и случайный характер, но в данной статье речь идет о заранее спланированном и подготовленном событии. Для социального пространства такое событие – это место взаимодействия групп, идентичностей, статусов; для публичного городского пространства – это значимое взаимодействие городских сообществ, локализованное в физическом городском пространстве. Такое событие производит и аккумулирует идентичности – ситуационные (ограниченные временем и пространством события) и лонгитюдные (про-

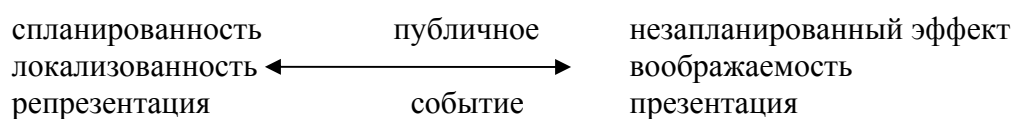
должительные для участников, от англ. *longitude* – долгота, длина). Взаимодействие ситуационных и лонгитюдных идентичностей акторов порождает разнообразные типы конфигураций идентичностей внутри события, что впоследствии оказывает влияние на процесс дальнейшей идентификации участников. Поскольку идентичность – это явление, связанное с приписыванием и классификацией [1] кого-то с определенной группой и ценностями, то центральным вопросом при исследовании идентичности в рамках события является обнаружение таких групп, сообществ, ценностей и норм, с которыми могут себя соотносить индивидуальные или коллективные участники. Публичное событие – это парадоксальный феномен с перспективы идентичности и социальных границ групп, оно функционирует как социальный и публичный «перекресток». Определяя специфические черты публичного события, можно обнаружить индикаторы для его социологического анализа.

1. Публичное событие, с одной стороны, является результатом подготовки определенных институтов, групп, сообществ с постоянной идентичностью, но, с другой стороны, социальным местом, где производятся новые, иногда незапланированные образы, идентичности и социальные границы групп.

2. В публичном событии концентрируются фактические (связанные с территориальной и временной локализацией события) и воображаемые (существующие до и после окончания события) черты. Например, тот факт, что участники события знают время его начала и окончания, рутинизирует и рационализирует событие несмотря на его ограниченный во времени характер.

3. Публичное событие существует как социальное место репрезентации и презентации групп. Репрезентация указывает на *связь* действий участников публичного события с определенными традициями, ценностями, символами, которые эти участники представляют во время его проведения. Презентация же актуализирует эту связь, указывает на «сейчас», на текущий момент осуществления этой деятельности участников. В событии концентрируются, согласовываются, производятся и воспроизводятся идентичности, символы, нормы и традиции групп и институтов.

4. Как динамическое явление публичное событие позволяет обнаруживать социальные границы городских групп и сообществ через изучение идентичностей участников, что проясняет значение самого события.

Благодаря тому что публичное событие – это заранее подготовленная деятельность людей, его анализ позволяет глубже рассматривать феномен коллективности, определять индикаторы социальных границ групп во взаимосвязи с групповыми идентичностями, при том что такие границы в публичном событии не всегда очевидны. Р. Йенкинс утверждает, что коллективные границы и групповые идентичности – это явления, которые необходимо изучать в их взаимодействии.

Для Барта «существование» коллективной границы – в смысле ее локального значения – всегда остается предметом обнаружения, делом уважения к наблюдаемым реалиям в любом локальном мире (ко всему, в чем они могут быть Другими и в чем их сложно понять или перевести). Наличие или необходимость социальных границ не могут быть ни изобретены заранее, ни предопределены. Даже там, где они предполагаются в качестве существующих, далеко не просто понять «где» и «что» означает каждая конкретная социальная граница. Социальная граница может быть обнаружена во взаимодействии между людьми, которые идентифицируют себя в качестве различ-

ных, и в принципе может наличествовать в месте или любом контексте. Идентификация – это не просто материал, полученный из «культурного образования», который ассоциируется с какой-либо особенной идентичностью, предполагающей устоявшиеся критерии членства. Идентичность, главным образом, раскрывает процесс образования социальных границ, а не сами границы: последнее – предмет идентификации [2].

Исследование выставки-ярмарки как события, локализованного в городском пространстве, позволяет социологу обнаружить социальные границы религиозных групп; понять, как такие группы конструируют само событие, а также проанализировать социальные практики групп во взаимосвязи с идентификацией участников события. Анализ публичных событий, в том числе религиозных или осуществляемых религиозными группами, требует особого определения самой группы. Религиозная группа нас интересует здесь не столько с позиции социальных ролей и последствий, когда она воспринимается как определенная ассоциация, сообщество верующих, объединенных ценностями. В контексте изучения публичного события религиозная группа может восприниматься как участник, формирующий символические границы в публичном пространстве, основанные на степени связи уровня коллективной религиозной идентичности ее членов с характером репрезентации системы норм, ценностей, традиций в социальном пространстве.

Баундари-теория

Для социальных исследователей, как справедливо подчеркивают Мишель Ламонт (*Michele Lamont*) и Вираг Мольнар (*Virag Molnar*) в статье «Изучение баундари-границ* в социальных науках» [3], возобновление интереса к пограничным состояниям является продолжением классических подходов Дюркгейма, выделившего категории «профанного» и «сакрального», К. Маркса, разделившего общество на антагонистические классы, М. Вебера, рассматривавшего этические ценности во взаимосвязи с экономическими. Баундари-граница в социологии переходит в границу не только между культурами, историями, но и границами символического характера (П. Бурдьё). В своей статье М. Ламонт и В. Мольнар пытаются развести понятия социальной и символической границы на основе анализа «*boundary*-тематики» в социальной теории последних десятилетий XX века.

Одна общая тема, которая объединяющая литературу о баундари-границах, – это поиск понимания роли символических источников (концептуальных различий, интерпретативных стратегий, культурных традиций) в создании, поддержании, оспаривании и распаде институционализированных социальных различий (классовых, гендерных, расовых, территориальных неравенствах). Чтобы прояснить для себя этот процесс, полезно будет прояснить различие между символическими и социальными баундари-границами.

Символические баундари-границы – это концептуальные различия, производимые социальными акторами для определения целей, практик, людей и даже времени и пространства. Это инструменты, благодаря которым индивиды и группы борются и приходят к определениям реальности. Исследование их позволяет нам опреде-

*Термин «*boundary*» переводится с английского языка как черта, линия, граница и применяется для разграничения явлений по большей части ментального, культурного, социального характера в отличие от понятия «*border*», носящего территориальный и политический оттенок. Изучению социальных и символических границ отводится значительное место в современной западной социологии религии. См. статьи: Barker, Eileen. «We've got to draw the line somewhere: an exploration of boundaries that define locations of religious identity», *Social compass*. – 53(2), 2006. – С. 201–213; Davie, Grace. *Borders, Boundaries and Frontiers in the Study of Religion: A Sociological Response*, *Social Compass*. – 53(2), 2006. – С. 243–249.

лять динамическое измерение социальных отношений, поскольку группы соревнуются в производстве, распределении и институционализации альтернативных систем и принципов классификаций. Символические границы также разделяют людей и производят чувства идентичности и группового членства [4]. Они существенные медиаторы, благодаря которым люди приобретают статусы и монополизируют ресурсы.

Социальные баундари-границы – это институционализированные формы социальных различий, возникающие при неравном доступе к неравному распределению ресурсов (материальных и нематериальных) и социальных возможностей. Они также проявляются в устойчивых паттернах общностей, как, например, в браке или товариществе. Только если символические баундари-границы общепризнанны, социальные баундари могут приобретать организационный характер и управлять социальным взаимодействием в нужном направлении. Более того, только тогда эти границы (социальные) и становятся по-настоящему социальными баундари-границами, когда они переходят, например, в опознаваемые образцы социального исключения или классовой или расовой сегрегации [5]. Но и символические, и социальные баундари-границы должны рассматриваться как равно реальные: первые существуют на intersubъективном уровне, в то время как вторые проявляют себя как группирование индивидов. На уровне причины символические границы могут быть рассмотрены как необходимые, но недостаточные условия для существования социальных границ [6].

Можно отметить, что баундари-границы, как символические, так и социальные, в статье Ламонт и Мольнар концептуализируются как категории обозначения динамики социальных процессов. В первую очередь, это вопросы социальной стратификации, границ социальных общностей, границ профессиональных корпораций. Символические границы связаны с социальными таким образом, что первые часто служат для усиления, нормативного закрепления вторых, а также для их рефреймирования. У Пьера Бурдьё мы находим аналогичный подход к пониманию генезиса социального порядка.

«С помощью конструктивизма я хочу показать, что существует социальный генезис, с одной стороны, схем восприятия, мышления и действия, которые являются составными частями того, что я называю габитусом, а с другой стороны, – социальных структур и, в частности, того, что я называю полями или группами, и что обычно называют социальными классами» [7].

Социальное представляет собой результат взаимодействия между символическими, ментальными и наличными, институциональными, функционирующими структурами. Данное замечание П. Бурдьё соотносится с теорией дуальности структуры Энтони Гидденса и может приниматься в качестве принципа описания социального пространства и его акторов. Момент продуцирования действия является одновременно моментом его воспроизводства в контексте повседневной социальной жизнедеятельности – моментом конструирования определенной социальной практики – как части отношений общества... Структура не существует независимо от знаний деятеля относительно того, что они делают в процессе повседневной деятельности [8].

Если у Бурдьё знание актора – как конструировать и действовать в социальном уже «заложены» в самой структуре, они даны актору, входящему в то или иное поле заранее в качестве доксы, то, согласно Гидденсу, актер черпает такое знание и производит его благодаря постоянной собственной работе по согласованию бессознательного (рекурсивного) и рефлексивного контроля своей деятельности. Такое пограничное состояние, образуемое разного рода социально-символическими грани-

цами, имеет чисто социологическое измерение, оно выстраивается как дуальность зафиксированного (например, статусного, структурного) и рефлексивного порядков.

Социальные границы и групповые идентичности на выставке-ярмарке

Динамические процессы образования социальных границ проявляются наиболее рельефно во время публичных событий. Выставка-ярмарка как форма социальной деятельности Православной Церкви появилась сравнительно недавно в социальном ландшафте Беларуси. Первая выставка-ярмарка состоялась в 2003 г., к концу 2007 года общее количество таких ярмарок составило двадцать две. По географическому критерию локализация выставок-ярмарок в Беларуси распределяется следующим образом:

Таблица 1 – Количество выставок-ярмарок и их локализация в Беларуси

	Минск	Брест	Гомель	Орша	Пинск
2003 г.	Рождественская, Вербная, Покровская				
2004 г.	3				
2005 г.	3	1			
2006 г.	3	1	1	1	
2007 г.	3		1	1	1

Результаты поискового исследования, проведенного авторами в 2006 году на международной выставке-ярмарке «Брест Православный», интересны не только в силу новизны социальной репрезентации Церкви в конкретно-исторических условиях в социальном ландшафте Беларуси. Цель кейс-стади – осуществить анализ процесса, *кто* и *как* представляет Церковь в данном событии, какие *качественные* характеристики репрезентации [9] мы можем обнаружить. Также важно получить ответ на вопрос о том, стоит ли за этой репрезентацией конкретный субъект (приход, община) и каковы социальные границы этого социального субъекта. Как социальные границы религиозных общин связаны с выстраиваемыми границами публичного события, как идентичность участников влияет на характер такого конструирования.

Православная выставка-ярмарка работала в Бресте по 10 часов на протяжении 10 дней. Из 28 опрошенных участников выставки-ярмарки «Брест Православный» было 6 «организаторов» (сотрудников «ЭКСПО-Сервиса»), 11 «выступающих» (представляющих различную продукцию и информацию) и 11 «посетителей». Такая типология: «организатор», «выступающий», «посетитель» – появилась в процессе включенного наблюдения за ярмаркой. Разделение всех участников на три данных категории помогает, во-первых, разобраться с вопросами кто кого представляет и как представляет, во-вторых, помогает понять, насколько самоидентификация респондентов во время ярмарки реально связана со статусами внутри церковных границ (приходов как организационных единиц БПЦ и религиозных общин как социальных границ). Опросный лист состоял из 20 вопросов по большей части открытого и полукрытого характера. Самоидентификация респондентов по конфессиональному признаку была следующей: православными назвали себя 27 из 28 респондентов. Данные в диаграмме 1 показывают, что членами приходов Белорусской Православной Церкви являются 91% «выступающих», 50% «организаторов» и 45% «посетителей». «Не членами приходов» назвали себя 36% «посетителей» выставки, 33% «организаторов» и только 9% – «выступающих».

Таблица 2 – Статус на ярмарке во взаимосвязи с членством в приходе. Доли внутри групп

	Член прихода, %	Не член прихода, %	Не принадлежу к Православной Церкви, %	Количество респондентов	Вместе по данной категории, %
Организатор	66,7	33,3	0	6	100
Выступающий	91,0	9,0	0	11	100
Посетитель	54,55	36,36	9,09	11	100

Исходя из полученных ответов, можно заключить, что наименее включенной в приходские структуры оказалась группа «посетителей», тех людей, на кого направлено данное событие, а самой включенной в церковную структуру является группа «выступающих», и одновременно в этой группе самый низкий показатель по «не членству» в приходах. Объяснение такому факту не сложно найти. В п. 5 Положения о выставке-ярмарке [10] указывается, что принять участие в таком событии могут религиозные организации БПЦ. Те же, кто не имеет отношения к структуре БПЦ, могут участвовать после получения разрешения у правящего архиерея своей епархии. Такое положение, объясняющее практически полную взаимосвязь позиций «выступающий» – «член прихода», подтверждается также и самоидентификацией «выступающих». Это помогает интерпретировать полученные данные по интересующим нас вопросам взаимосвязи социальных границ групп и публичного события, характеру репрезентации и степени идентичности участников. Ответы на следующий вопрос были даны респондентами, которые идентифицировали себя в качестве прихожан (4 респондента из 6 организаторов, 10 – из 11 выступающих, 6 из 11 посетителей, всего 20 респондентов). Респонденты могли давать несколько вариантов ответов, поэтому сумма ответов превышает 100%.

Таблица 3 – Почему Вы считаете себя членом прихода? Доли внутри групп

	Организатор, %	Выступающий, %	Посетитель, %	Все вместе, %
Постоянно хожу в Церковь	25	30	50	105
Интересуюсь делами прихода	25	20	33,33	78,33
Активно участвую в жизни прихода	25	50	16,67	91,67
Это круг моего общения, я живу жизнью прихода	0	30	0	30
Благодаря вере (дети крещеные и верующие), потребность ходить в Церковь, потребность души	25	10	50	85
Не думаю об этом	25	0	0	25

Данные в таблице 3 свидетельствуют о различиях в обосновании критериев своей идентификации прихожанами. Ответы на этот полуоткрытый вопрос (первые три позиции были заданы) указывают на тот факт, что приход как структурное подразделение БПЦ и его социальная граница не всегда тождественен группе людей, обладающих осознанно-репрезентационной диспозицией. На вопрос «Что бы Вы могли делать, но не делаете в приходе» прихожане ответили следующим образом: «я максимально занят в приходе» (5%), «я мог бы участвовать в богослужении, петь в хоре, помогать в монастыре, оказывать физическую помощь, выпускать газету, вести переписку, работать с детьми, ходить в больницу, организовывать благотворительную помощь» (45%), «у меня нет времени на деятельность в приходе» (20%), «я ничего не могу делать, не думал(а)» (50%).

Чтобы представить социальные границы приходов, основываясь не только на критерии самоидентификации прихожан, но и через религиозные практики, нам потребовалось задать вопрос о приходской активности респондентов.

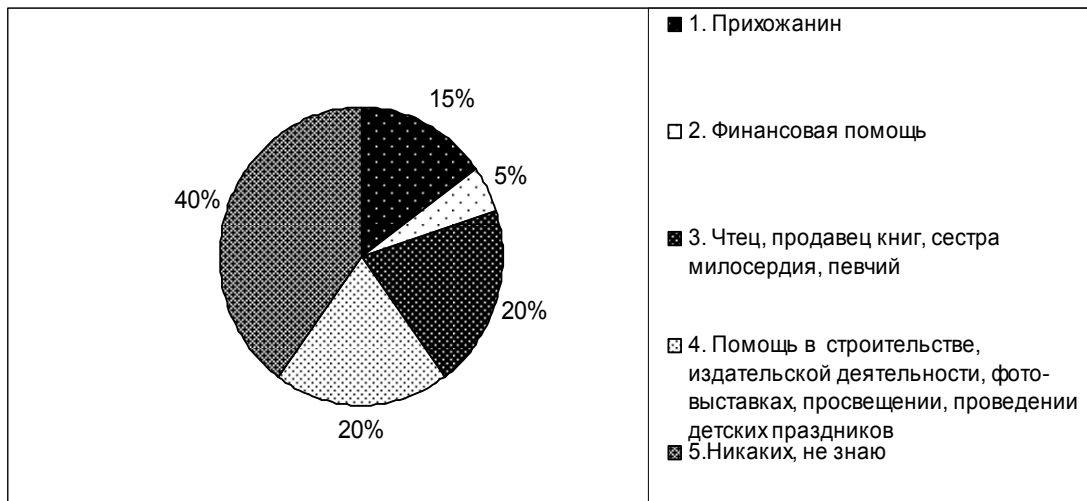

Диаграмма 1 – Функции в приходе. Ответы группы прихожан

Вопрос был открытого типа. Пятая часть прихожан (20%) связана с приходской жизнью профессиональными интересами (позиция 4) и функциональной деятельностью (позиция 3). Практически половина прихожан (позиция 5 + позиция 1) не имеет четких функций. Демонстрирует ли нам цифра 55% низкий уровень включенности прихожан в социальные границы Церкви или помогает понять, что социальный статус «член прихода» не имеет четких социальных форм? Для респондентов «быть прихожанином» не подразумевает конкретных социальных ролей и обязанностей внутри прихода. С одной стороны, данный факт может быть интерпретирован в рамках теории функциональной дифференциации Н. Лумана, который объясняет, что все сферы современной жизни существуют автономно друг от друга, а каждая функциональная структура (например, приход) не может выполнять функции другой [11]. Значит, только те, кто профессионально или функционально вовлечен в церковные структуры, имеют четкие статусы внутри Церкви. По этой причине сложно анализировать понятие идентичности через отождествление респондентом себя с приходом. С другой стороны, посещение богослужений, участие в событиях религиозной общины, молитва – эти аспекты религиозной жизни не рассматриваются респондентами в качестве функций и обязанностей, поскольку такая деятельность носит скорее символическое измерение, чем материальное.

Внутри приходов, которые представляют собой организационные границы Церкви и которые можно охарактеризовать в социологическом измерении как группы

смешанного типа (между первичной и вторичной группой), одновременно существуют и более тесные межличностные связи. Такую первичную группу с тесными межличностными связями можно назвать ядром прихода, или общиной [12]. 85% респондентов (17 человек) из группы «члены прихода» ответили утвердительно на вопрос: «имеется ли община в вашем приходе?», 10% (2 человека) затруднились ответить, 1 респондент ответил: «у нас есть верующие».

Таблица 4 – Членство в общине прихожан (в годах)

От 1 до 5 лет	От 6 до 10 лет	Более 10 лет	Не являюсь членом общины
20%	30%	5%	45%

Данные в таблице 4 демонстрирует различные уровни включенности прихожан в церковную общину. Такое разделение на приход и общину неоднозначно, поскольку идеальным вариантом является ситуация, когда приход и является самой общиной. Однако в реальности мы сталкиваемся с таким делением: приход и община внутри него. Полученные данные свидетельствуют о том, что только немногим больше половины прихожан считают себя принадлежащими к общине. Два критерия типологии, которые связаны не только с самоидентификацией, но и с объективно наблюдаемым поведением: участием в таинствах Церкви (воцерковленностью [13]), а также участием в жизни общины – позволяют увидеть социальные границы Церкви, способствуют лучшему пониманию характера идентичности разных статусных групп на ярмарке.

Таблица 5 – Членство в общине во взаимосвязи с периодом воцерковленности

Длительность (в годах)	Воцерковленность, %	Членство в общине, %
До 5 лет	10	20
От 6 до 10 лет	45	30
От 11 до 17 лет	20	0
От 18 и более	15	5
Не воцерковлен/не член общины	5	45
Затрудняюсь ответить	5	0

Группу «члены прихода» можно описать как воцерковленную: 90% прихожан ответили, что участвуют в таинствах Церкви, 55% считают себя принадлежащими к церковной общине (таблица 4). Временной период от 6 до 10 лет согласуется с общей ситуацией в регионе, когда в 90-х гг. либерализация религиозной сферы привнесла реальную свободу для верующих осуществлять религиозные практики.

Символические границы на выставке-ярмарке

Как меняется представление о характере направленности такого публичного события, как выставка-ярмарка, в зависимости от статусов и идентичностей участников?

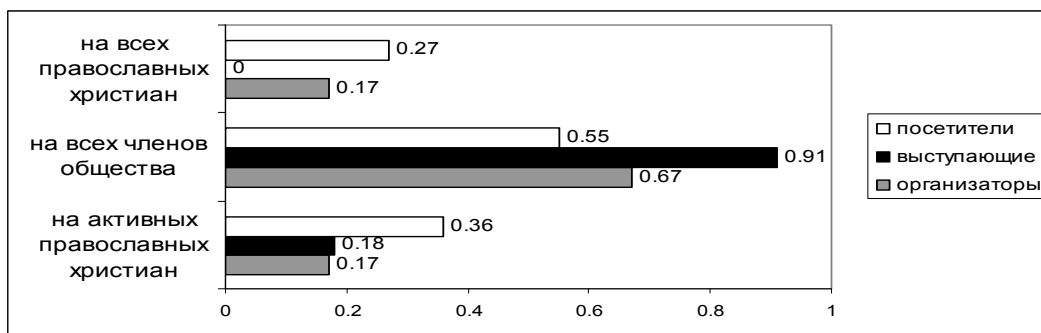

Диаграмма 2 – Направленность данной формы социальной репрезентации Церкви. Доли внутри групп

Ответы в сумме дают более 100%, поскольку респонденты могли выбрать несколько положений. Выступающие, «организаторы и посетители» считают, что выставка-ярмарка работает для всех членов общества. В тоже время «посетители» отмечают, что такая форма деятельности Церкви во многом направлена исключительно на активных православных христиан – 36%, что в два раза превышает значения ответов «организаторов» и «выступающих» (17% и 18% соответственно). Можно сделать вывод о том, что ожидания участников во многом различны относительно видения социальных границ этого события. Более открытым взглядом обладают «выступающие» и «организаторы». «Как видится направленность такой формы социальной деятельности Церкви, как выставка-ярмарка, «изнутри» и «снаружи» организационных границ Церкви?»

Ответы на этот вопрос во взаимосвязи с идентичностью «член прихода/не-член прихода» демонстрируют, как видится это событие изнутри и снаружи религиозной идентичности.

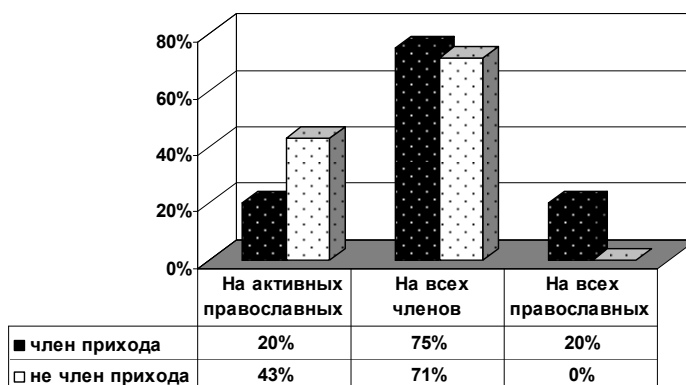

Диаграмма 3 – Направленность данной формы социальной репрезентации Церкви. Доли внутри групп

Интересно, что группа «не члены приходов» рассматривают выставку как форму, направленную либо на всех членов общества, либо на активных христиан. Отсюда напрашивается вывод, что православные христиане, представляя Церковь на персональном уровне, видят ее социальные границы более открытыми в сравнении с той категорией людей, которые не представляют ее социальные границы на данном мероприятии.

Результаты, представленные в таблице 6, показывают, насколько совпадает видение задач и целей ярмарки для ее участников. Первые четыре варианта ответов были сформулированы для респондентов, остальные пять респонденты предложили сами в

ходе опроса. Ответы в сумме дают более 100%, поскольку респонденты выбирали и предлагали несколько вариантов одновременно.

Таблица 6 – Цели выставки-ярмарки «Брест православный». Доли внутри групп

Цель выставки-ярмарки	«Члены прихода», %	«Не члены прихода», %	«Организаторы», %	«Выступающие», %	«Посетители», %
Познакомить неправославных с деятельностью Церкви	45	29	50	45,5	27,3
Представить христианскую культуру современному обществу	75	71	83,3	72,7	72,7
Нахождение новых форм взаимодействия общества и Церкви	30	71	33,3	36,4	45,5
Найти коллег для сотрудничества в экономической сфере для Церкви	25	43	66,7	27,3	9,1
Миссионерство, просвещение, проповедь Христа	35	29	33,3	45,5	18,2
Создать атмосферу праздника	10	0	0	18,2	0
Изменить стереотипы	5	14	0	18,2	0
Экономическая выгода	0	14	0	9,1	0
Общение	5	14	17	0	9,1

Все группы участников данного события считают, что главной целью такой ярмарки является, в первую очередь, представление христианской культуры современному обществу. По некоторым позициям ответы групп «члены прихода» и «не члены прихода» значительно различаются. Для «прихожан», «организаторов» и «выступающих» это публичное событие в большей степени возможность «Познакомить неправославных с деятельностью Церкви». Для «посетителей» (45,5%) и «не членов приходов» (71%) это событие – лучшая возможность «нахождения новых форм взаимодействия общества и Церкви» в сравнении с группой, которая представляет социальные границы Церкви (30%).

Выставка-ярмарка – это праздник, возможность изменить стереотипы о Церкви» (так считает 18% «выступающих»), и «определенная экономическая выгода для организаций, представляющих продукцию» (9%). Скорее всего, эту категорию участников можно назвать своеобразной экспертной группой, поскольку во многом именно «выступающие» наблюдают за выставкой еще и со стороны. Именно эта группа профессионально работает на ярмарке и проводит на ней больше времени, чем другие.

Для «организаторов» на втором месте стоит задача поиска коллег для сотрудничества (67%), на третьем – знакомство неправославных с деятельностью Православной Церкви (50%), на четвертом – нахождение новых форм взаимодействия Церкви и общества и миссионерство (33%).

Для «посетителей» на втором месте – поиск новых форм (45%), на третьем – знакомство не православных с деятельностью Церкви (27%). Интересно отметить, что последний показатель в этой группе в два раза ниже, чем у «выступающих» и «органи-

заторов». Можно сделать вывод, что христианская культура для этой группы существует словно бы отдельно от деятельности Церкви, они не наблюдают ее «присутствия» в культуре.

В качестве важных форм церковной жизни и деятельности, которые необходимо развивать Церкви в современном белорусском обществе, респонденты выделили самостоятельно следующие виды:

Таблица 7 – Формы Церковной деятельности. Доли внутри групп

	«Организатор», %	«Выступающий», %	«Посетитель», %	«Член прихода», %	«Не член прихода», %
Просвещение, взаимодействие с институтом образования, паломничество, более доступная информация о Церкви	16,7	27,3	36,4	25	42,9
Проведение ярмарок, концертов, выставок	16,7	27,3	18,2	20	28,6
Взаимодействие в области здравоохранения, с силовыми структурами, тюремной системой	0	9,1	9,1	5	14,3
Введение специального предмета в школе	16,7	18,2	0	10	14,3
Организация юношеских лагерей, отдыха молодежи, грамотная молодежная политика	16,7	9,1	18,2	15	14,3
Благотворительность, милосердие, патронаж, работа с инвалидами, в детских домах	16,7	18,2	9,1	20	0
Общение, диалог, беседа, совместные просмотры фильмов	33,3	27,3	18,2	30	0
Не знаю, на местах решают священники	33,3	9,1	9,1	10	28,6

Можно отметить, что ответы на этот открытый вопрос выявляют потребность в более активном присутствии Церкви в социальной сфере Беларуси по всем позициям и для всех групп, особенно в области образования, развлечения и коммуникации. Группы «не члены прихода» и «посетители» демонстрируют при этом большую заинтересованность по первым четырем позициям, чем группа «прихожан» (например, 42,9% «не членов приходов» против 25% «прихожан» указывают на необходимость присутствия Церкви в образовательной и информационной сферах).

Таблица 8 – Необходимые качества христианина в современном обществе. Доли внутри групп

Качества	«Органи- заторы», %»	«Высту- пающие», %»	«По- сети- тели», %»	«Член прихо- да», %»	«Не член прихода», %»	«Все вме- сте», %»
Профессиональный, добросовестный	16,7	45,5	9,1	30	14,3	115,6
Миссионер	33,3	45,5	18,2	45	0	142
Социально активный	33,3	27,3	45,5	35	42,9	184
Открытый к контакту	66,7	81,8	9,1	65	71	293,6
Обладающий личны- ми этическими качест- вами	50	18,2	9,1	25	14,3	116,6
Чуткий, гуманный, понимающий, мило- сердный, любящий ближних	50	54,5	45,5	55	42,9	247,9
Имеющий представ- ление о смысле хри- стианства	0	18,2	0	10	0	28,2
Живущий учением Христа	16,7	9,1	9,1	10	0	44,9
Совершающий нрав- ственные поступки	0	0	18,2	0	14,3	32,5
Обладающий широ- ким кругозором, со- временный, общи- тельный	0	9,1	9,1	10	0	28,2

Ответы в таблице 8 иллюстрируют, что респонденты, идентифицирующие себя с разными группами, неоднозначно понимают роль и место христианина в современном обществе. Первые четыре позиции ответов были заданы, остальные предложены респондентами самостоятельно. Сумма ответов превышает 100%, так как участники выставки предлагали и выбирали несколько позиций. В качестве наиболее важных черт современного христианина респонденты выделили «открытость к контакту», «ответственность», «гуманность», «чуткость», «милосердие», «социальную активность». «Быть профессионалом» – черта, необходимая человеку в современном дифференцированном обществе, видится важной чертой христианина в группе «выступающих» (45,5%) и прихожан (30%) и менее значимой для «организаторов» (17%) и «не членов приходов» (14,3%). Миссионерские черты необходимы современному христианину по мнению «прихожан» (45%), и не важны для «не членов приходов» (0%).

В таблице 9 ответы наиболее ярко демонстрируют, что думают участники ярмарки о характере социальных границ Церкви. Должна ли Церковь создавать альтернативное социальное пространство: собственные школы, медицинские и благотворительные учреждения и иные социальные структуры. 55% членов приходов считают, что Церковь не должна создавать такие структуры, и 35%, что должна. «Не члены приходов» ответили «должна» – 71% и «не должна» – 14%. Таким образом, те, кто представляют социальные границы Церкви на ярмарке, видят этот институт органичной частью

современного общества в большей степени, чем группа, идентифицирующая себя как «не члены прихода».

Таблица 9 – Должна ли Православная Церковь создавать альтернативное пространство в социальном пространстве Беларуси?

	«Органи- заторы», %»	«Высту- пающие», %»	«Посети- тели», %»	«Члены прихода», %»	«Не члены прихода», %»
Должна	17	36	73	35	71
Не должна	50	55	27	55	14
Должна + необходимо использовать то, чего у Церкви нет	33	9	0	10	14

Приведенные данные поискового исследования указывают на «существование коллективных границ» в рамках публичных событий, носящих как социальный, так и символический характер. Они проявляются в качестве организационных границ, границ первичных групп и границ интерпретаций и концептуальных различий. Эти границы одновременно опираются на уже существующие коллективные идентичности с одной стороны, и производятся в рамках события благодаря взаимодействию лонгитюдной идентичности («член/не член прихода, общины») с ситуационной («посетитель» или «выступающий на выставке»). Символические границы обнаруживаются именно во взаимодействии людей и групп с разными идентичностями.

Так, в исследовании обнаруживается существование линии разделения и взаимодействия между группами «члены прихода» и «не члены прихода», обозначаемой как различие в их видении целей и направленности самого события – выставки-ярмарки, а также в целом форм социального действия Церкви в обществе. Неожиданный характер многих ответов при сравнении двух групп свидетельствует, что выставка-ярмарка является, действительно, нестабильной зоной «встречи» идентичностей и репрезентаций участников этого события, где формируются новые образы друг друга и стираются стереотипы, возникают новые представления. Идентичности респондентов публичного события выступают в качестве конструкта, который позволяет обнаруживать, выстраивать и анализировать социальные и символические границы публичного события и самих религиозных структур, с которыми себя отождествляют участники.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Jenkins, R. *Social Identity* / R. Jenkins. – New York : Routledge, 2004. – С. 18–20.
2. Jenkins, R. *Social Identity* / Jenkins R. – New York : Routledge, 2004. – С. 102.
3. Lamont, Michele, Molnar, Virag. *The Study of Boundaries in the Social Sciences* / M. Lamont, V. Molnar // *Annual Review of Sociology*. – № 28. – 2002. – С. 167–195.
4. Epstein, C.F. *Tinker-bells and pinups: the construction and reconstruction of gender boundaries at work* // Michele Lamont and Marcel Fournier. *Cultivating Differences: Symbolic Boundaries and the Making of Inequality*. – Chicago : Univ. Chicago Press, 1992. – С. 232–256.
5. Massey, D. *American Apartheid: Segregation and the Making of the Underclass* / D. Massey, N.A. Massey. – Cambridge : MA : Harvard Univ. Press, 1993; Stinchcombe, A.L. *Sugar Island Slavery in the Age of Enlightenment. The Political Economy of the Caribbean World*. Princeton / A.L. Stinchcombe. – NJ : Princeton Univ. Press, 1995; Logan, J. R.

Immigrant access to white suburbs: a multiregion comparison. Soc. Forces / J.R. Logan, R.D. Alba, S.Y. Leung. – № 74. – 1996. – С. 851–881.

6. Lamont, Michele. The Study of Boundaries in the Social Sciences / M. Lamont, V. Molnar // Annual Review of Sociology. – № 28. – 2002. – С. 168–169.

7. Бурдые, П. Начала. Choses dites / П. Бурдые // Социальное пространство и символическая власть. – М., 1994 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://socnet.narod.ru/library/authors/Plyin/hrest/burde.htm>.

8. Гидденс, Э. Устроения общества / Э. Гидденс. – М. : Академический проект, 2005. – С. 71.

9. Радионова, С.А. Новейший философский словарь / С.А. Радионова. – Минск : Книжный дом, 2003. – С. 826–828.

10. Положение о Структурном подразделении Белорусской Православной Церкви «Оргкомитет духовно-просветительских выставок-ярмарок «Беларусь Православная», 24.10.2005 / [Электронный ресурс] / Сайт Белорусского Экзархата. – Режим доступа : <http://www.church.by/resource/Dir0009/Dir0048/Page1065.html>.

11. Луман, Н. Дифференциация / Н. Луман. – М. : Логос, 2006. – С. 133.

12. Подробнее о социологических характеристиках членов православной общины см.: Breskaya, Olga. Orthodox Church and Personal Identity in Belarus: Methodological questions and case-study results / Olga Breskaya // Church and religious life in post-communist societies. – Edit. by Edit Revay, Miklos Tomka. – Budapest : Piliscsaba, 2007. – С. 315–329; Бреская, О.Ю. Роль Православной Церкви в процессе социализации в период трансформации (на материалах Республики Беларусь) : дисс. ... канд. социол. наук / О.Ю. Бреская. – М., 2004.

13. Чеснокова, В.Ф. Тесным путем: процесс воцерковления населения России в конце XX века / В.Ф. Чеснокова. – М. : Академический Проект, 2005.

Breskaya O.Y., Sanuk N.V. Inside the Public Event: Perspective from the Exhibition-fair «Orthodox Brest»

The conceptualization of the term “public event” with the help of such notions as “social and symbolic boundaries” is realized within this article, along with the accent of pivotal place of boundary studies in contemporary sociology. The process of boundary formation by the social actors is considered in close relation to the group identification process. For the deeper understanding of the process of symbolic boundaries genesis the examining of the interaction between different types of group identities is realized within the public events. The author focuses on the phenomena of situational and longitudinal identities. The concept of longitudinal identity is being introduced by the author of the article to describe long and repetitive self-references to their groups by the social actors, who participate in the public events. As an example, the analysis of symbolic boundaries, built by the participants of the exhibition-fair “Orthodox Brest” is presented. The formation of the boundaries is examined by longitudinal (“parishioner” – “non-parishioner”) and situational (“visitor”, “presenter”, “organizer”) identities.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.10

УДК 316.3/4

Анджей В. Свидерский

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ КАК ПОТЕНЦИАЛ И СРЕДА ФОРМИРОВАНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЧЕЛОВЕКА

В статье рассматриваются характеристики и функции семьи как особой социальной группы. Главная функция семьи – генеративная: семья увеличивается не столько за счет привлечения новых членов извне, сколько за счет рождения детей, что обеспечивает биологическую непрерывность развития общества. Автор исследует сформировавшиеся на протяжении столетий христианские ценности супружества и семьи, показывает, что в христианской религии супружеству придается смысл таинства и делается акцент на духовный аспект семейного коллектива; анализирует социальное измерение функционирования семьи. Обосновывается первостепенная значимость в христианских учениях человеческого достоинства как критерия нравственности теоретических идей и социальной практики. Подлинная христианская семья рассматривается как ведущий фактор формирования собственно человеческого в человеке, она учит человека не только добродетели жить с другими, но и жить для блага других. Автор показывает, что в семье, где христианские ценности не стали убеждениями и нормами поведения, могут возникать деструктивное поведение и наиболее опасное явление – агрессия и насилие.

Два течения христианской теологической, литургической и аскетической традиции и две модели культуры, которые хотя и разные, но не противоположные и прямо взаимодополняются и обогащаются
Иоанн Павел II

Введение

Семья – это первичная социальная группа, состоящая из супругов, детей и родственников. Она существует во всех обществах и эпохах и выполняет такие важные функции, как воспроизводящая, социальная, экзистенциальная и культурная, а также является специфической воспитательной средой не только для детей и молодежи, но и для взрослых. Семья – фундамент социальных идеалов детей [1]. Обычно ее называют начальной социальной клеточкой и по аналогии ее можно сравнить с живым организмом [2, с. 114]. Ее важность для общества обусловлена двумя обстоятельствами: 1) она является единственной генеративной группой, которая растет не посредством принятия членов извне, а путем рождения детей, что обеспечивает биологическую непрерывность общества; 2) она является важнейшей, основанной на праве формой передачи культурного наследия человеку как в ранний период его жизни, так и в более поздний. Семья – это не сумма индивидов, а их органическая связь [3, с. 5–29].

Христианская идеология супружества и семьи разрабатывалась на протяжении многих веков и своими корнями уходит в учение Христа [4]. Доработанная и обогащенная новыми ценностями, она гласит, что семья является естественным коллективом, основанным на неразрывной супружеской связи, которой Христос придавал смысл таинства. Тем самым семья является духовным коллективом, поставляющим обществу и Церкви новых членов, и занимает особое место в правовом и социальном порядке.

Генезис христианской концепции супружества и семьи следует искать в книгах Ветхого Завета. Полное же свое развитие она получила в учении Христа. Примером этого могут быть Его деяния в Кане Галилейской: рождение дочери Яира, благословение малых детей, воскрешение сына вдовы и др.

В учениях апостолов также уделяется внимание роли семьи [5, с. 138]. Св. Павел, выступая против упадка супружеской нравственности, указывает на модель супружеских и семейных отношений, в которых главная роль отводится мужу. Мужу жена должна подчиняться, но она им должна быть и любима. Дети должны быть послушны своим родителям, хорошо воспитанными в духе десяти заповедей.

В христианской мысли подчеркивается, что семья представляет собою единство любви и жизни. На этих принципах основывается общественная жизнь человека в разных, весьма широких измерениях. В христианской концепции супружества и семьи уже долгое время существенное значение придается структуре, роли, позиции, разделению власти в семье. Ведь это изначально была семья многодетная, патриархальная, состоящая из многих поколений; семья, выполнявшая много функций. Часто основой ее существования было собственное рабочее место – сельское хозяйство, ремесленная мастерская или торговля. Наиболее высоко ценилась роль отца, мужа. Ему в принципе были подчинены все остальные члены семьи. Роль матери сводилась, главным образом, к рождению детей и «поддержанию домашнего очага» (сфера ухода и опеки). Одновременно предполагалось и ее подчинение, послушание мужу и отцу.

На страже такой концепции супружества и семьи стояли некоторые религиозные санкции. Нарушение этих предписаний влекло за собой определенные последствия как в религиозной области (отказ в отпущении грехов, в религиозно обряде, обременение совести), так и в светской жизни (лишение наследства, изгнание из семейного дома).

В этой концепции, выработанной, главным образом, в Церкви западных регионов Европейского Союза, небольшое значение придавалось супружеской любви. Этические нормы, регулирующие сексуальное поведение человека, подавались в негативной форме. Это не способствовало их проявлению и не вело к углублению супружеских и семейных связей.

Преобразование христианской мысли [6, с. 17–21] в отношении семьи на современном этапе, как показывают документы [7], теперь уже очевидно. В этом документе дано изложение позиции Церкви в области функционирования супружества и семьи в современном обществе. Подчеркивается правомочная обязанность семьи в деле религиозного воспитания детей с учетом права родителей выбирать направление воспитания с целью полного раскрытия личностных возможностей детей, при этом пользуясь соответствующими, гарантированными государством, социальными условиями и правовыми положениями. Эта концепция включает в себя особую заботу о надлежащем положении женщины в обществе и семье. Одновременно в ней признается равенство мужчины и женщины как партнеров, достойных одинакового уважения и чести. В то же время обращается внимание на комплементарность полов, а также физиологическое и психическое различие супругов, из чего проистекает их способность выполнять различные семейные и внесемейные роли. При этом внесемейные роли женщины должны всегда рассматриваться с позиций преимущественно ее особенностей как жены и матери, ибо ее первейшей обязанностью женщины является материнство. Включая женщину в профессиональную жизнь, необходимо всегда иметь в виду то, чтобы она в своей производственной деятельности находила такие условия, которые бы не ограничивали ее естественных потребностей быть женой и матерью. Независимо от производственной работы и карьеры семья является для нее основной сферой деятельности. Ее присутствие в домашней среде незаменимо.

Христианскую концепцию супружества и семьи обогатило и учение Второго Ватиканского собора. Там говорится, что семья основывается на человеческой природе и ей присуща святость, вытекающая из сакраментального характера супружества. Апостольское призвание семьи состоит в том, что родители должны быть, прежде всего, первыми вестниками веры для своих детей, ибо они имеют обязанность и право их ре-

лигиозного воспитания, воспитания, в том числе на личном примере, добропорядочной жизни и молитвы.

Начиная со Средневековья структура семьи и ее внутренняя организация в Европе формировались под сильным влиянием развивавшегося христианства, что отражают провозглашенные католической и православной церквями идеалы: любовь, жертвенность, служение родителей семье.

Семья охватывала своим влиянием многие стороны жизни ее членов. В семье особое место занимал самый старший из ее членов – глава семьи. Он объединял всех остальных вокруг домашнего хозяйства, где он был управляющим и господином. Многодетная средневековая семья увеличивала пользу для государства и для себя самой. Кроме бесплатной рабочей силы, дети свои, производительным трудом прибавляли семье богатство. Этот фактор существенным образом ограничивал свободный выбор кандидатов для супружества, а также их «свободную» и «непринужденную» волю к заключению брака с этим, а не иным лицом.

Другой тип семьи распространился в Европе в конце Средневековья; он был связан с процессом возникновения и развития городов. Тогдашнюю городскую семью отличали от рассмотренной выше изменившиеся условия жизни и связанное с этим производство продукции, а также обмен товаров (т.е. ремесло, торговля). Семейная жизнь была здесь весьма суровой, ведь понятие бережливости рассматривалось как важнейшая семейная добродетель, и в этом доминирующую роль играл отец.

В конце XVIII века начался период индустриализации и урбанизации. Семья дальше подвергалась процессу больших изменений, который заключал в себе смену ролей отдельных ее членов, особенно мужа и жены. Теряя черты семьи патриархальной (расширенной), она преобразовалась в семью супружеского типа – сводилась к родителям и, как правило, двум детям. Новые реальности повседневной жизни вели к утере понятия «главы семьи» и прежнего уклада взаимозависимости между членами семьи. Повысилась роль жены [8], дети получили в семье большую самостоятельность. Заметим, что этот процесс длится по сей день.

Христианство определяет способность развития человека вне этических и культурных границ его среды [9, с. 398–416]. Оно вносит новый порядок в социальную жизнь, создает новые организации и структуры семейной жизни, возвращает истинное значение ценностям, заброшенным и игнорированным «в греческое и римское время». Оно устраняет прежние обычаи, практику и наслоения, которые находятся в противоречии с провозглашаемой христианством нравственностью, поднимает тем самым социальный статус супружества, придает ему сакральный характер и через таинство искупления примиряет с Богом. Христианство, как в православной, так и в католической религии, акцентирует внимание на свободной воле обоих потенциальных супругов, которые сознательно и добровольно вступают в семейный союз на всю жизнь перед Богом миром, присутствующими свидетелями. Права и обязанности супругов трактуются как равные. Наивысшей ценностью для семьи является ребенок. Родители и православного, и католического вероисповедания обязаны воспитывать его в христианской культуре. Особую роль и статус в христианской семье получила женщина как мать и воспитательница. Ее миссия связана с величием и достоинством Божьей Матери, материнство которой является примером для каждой христианской жены и матери.

Семья – это институт, который определяет социальное членство каждого новорожденного ребенка, связи его родства, способ наследования собственности. Она включает новорожденного дитя в область культуры группы, к которой принадлежат его родители, и в культуру всего общества; обеспечивает материальную и другую помощь детям, беременным женщинам, кормящим и воспитывающим детей; играет основную роль в развитии и воспитании молодого поколения. Это специфическая воспитательная

среда не только для детей, но и для взрослых. С точки зрения своего социального статуса, семья [10] как в процессе своего возникновения, так и пребывания, подчинена более широкой социальной группе. Ведущее к ней супружество всегда воспринимается как изменение жизненной ситуации индивидов и должно быть формально зафиксированным и признанным. Это признание происходит путем церемонии публичного бракосочетания. Ее смысл сводится к общественному одобрению отношений, которые возникают между молодоженами, а в перспективе – между их детьми и родителями.

На каждый супружеский союз определенное влияние оказывают различные социальные группы посредством формальных правовых норм, религиозных установок, бытующих обычаев и общественного мнения. Эти факторы регулируют поведение супругов. Качество отношений, существующих между мужем и женой, весьма важно для семьи, поскольку оно определяет ее действенность. От доброжелательной атмосферы в семье, взаимного уважения, сотрудничества, помощи будет зависеть ее правильное функционирование и прочность.

Супружество и семья, вне зависимости от культурной и религиозной обусловленности, принадлежит сегодня к первостепенным ценностям. Благодаря им человек может реализовать свое призвание и предназначение, обогатить свой внутренний мир, поскольку воспитывается в любви и для любви, может осознать задания, доверенные ему Творцом.

Супружество (и основанная на нем семья) наблюдается в разных культурах как всеобщий и основной социальный институт [11, с. 64–114], охватывающий каждого человека, переходящий сферу бренности и являющийся связующим элементом между земной и неземной реальностью. Он часто называется домашней церковью со всеми ее вселенскими очертаниями.

Семья является социальной группой, наиболее подверженной внутренним трудностям, спорам и насилию. Насилие может появиться как в отношениях между супругами, так и между родителями и детьми, или братьями и сестрами. Наиболее опасными по своим последствиям является насилие по отношению к детям, поскольку весьма часто дети в будущем воспроизводят его в своей взрослой жизни.

Это неверно, что насилие имеет место только в патологических семьях, оно случается также и в т.н. «порядочных домах». Родители в круговерти повседневности дел отдаляются друг от друга и от своих детей, перестают замечать их реальные потребности. К сожалению, вид заплаканного, грустного ребенка не является редкостью и часто является следствием насилия в семье.

Причины применения насилия по отношению к ребенку различны. Они могут заключаться в самих детях, например, «дети нежелательные», с психическими и физическими особенностями, иногда очень тяжелыми. Однако повсеместно и чаще всего причины кроются в самих родителях. К ним можно отнести неопытность, молодой возраст, недостаток знания и умения в области воспитания, пережитое насилие и обиды со стороны родителей в собственном детстве, низкий уровень образования, безработица, болезненные зависимости, психические заболевания. Другая группа причин – это социальная изоляция семьи, супружеские неурядицы, завышенные требования к ребенку. Третирирование мужем жены обычно также приводит к глумлению над ребенком.

Соединение всех этих причин увеличивает риск возникновения агрессивного поведения и даже преступного отношения родителей к детям. Повсеместно наблюдаемые виды насилия – это насилие физическое, психическое (эмоциональное) и сексуальное.

Физическое насилие – это такое насилие над ребенком, которое вызывает у него значительную физическую боль, безотносительно к тому, остались ли на его теле следы или нет. Дети, испытавшие физическое насилие, часто становятся пациентами больницы. Поломаные конечности, треснутые кости, выбитые зубы, наружные и даже внут-

рение повреждения родители обычно объясняют падением или нечаянным ударом о мебель. Физическими последствиями битья детей могут быть увечья, разные болезни, вызванные повреждением внутренних органов или повреждением мозга. Последствием физического и морального третирования ребенка являются утрата им чувства безопасности, враждебное отношение к родителям и другим людям, а также заниженная самооценка, неприятие себя, чувство потерянности, обиды и вины, трудности в установлении контактов с окружением. Дети – жертвы физического насилия – находятся в состоянии депрессии и страха, являются эгоцентричными, зависимыми или агрессивными и легкозбудимыми, склонны к автодеструкции. У них наблюдаются нарушение памяти и концентрации внимания. Последствия перенесенного в детстве насилия могут сказаться много лет спустя: такие личности долго сохраняют чувство униженного достоинства и имеют низкую самооценку, что влечет за собой зависимость и применение физического насилия во взрослой жизни, в том числе и по отношению к своим детям.

Психическое или моральное насилие, как пишет И. Руднянский, «относится к ситуациям, выходящим за рамки основных нравственных норм» [12]. Это умышленное разрушение или значительное понижение возможности правильного развития ребенка, начинающееся с постоянной ругани, раздражения, эмоционального отвержения и заканчивающееся чрезмерными требованиями, не соответствующими возможностям ребенка. Иначе говоря, это всякое вербальное досаждение ребенку без применения физической силы, что является «моральным терзанием». И хотя оно не оставляет следов на теле, ребенок получает огромное опустошение в эмоциональной, познавательной и биохевиоральной сферах. Результаты такого рода действий весьма близки к психическим последствиям избиения детей. Изоляция детей, запрет на установление свойственных для их возраста социальных контактов, принуждение к одиночеству, изоляция, запрет на игры с ровесниками ведет к тому, что дети, став взрослыми, будут испытывать трудность в налаживании эмоциональных контактов с другими людьми и со своими собственными детьми. Постоянная критика со стороны родителей, игнорирование ими возможностей ребенка вызывает у него чувство неполноценности. Ребенок в результате ощущает себя психически зависимым от родителей.

Жертвы психического насилия страдают депрессией, неврозом, изолируют себя от окружения или отпугивают его особенностями своего характера, негативными ожиданиями от контактов с другими. Частыми последствиями причиненного в детстве «морального терзания» являются копирование ребенком поведения родителей, а также следование такому поведению во взрослой жизни. Чаще всего поведение такого человека во взрослой жизни – это повторение, копирование или адаптация собственного опыта семейной жизни.

Сексуальное использование ребенка является наиболее отвратительной и опасной (с точки зрения последствий) формой насилия. Это втягивание ребенка в сферу сексуальной активности, несоответствующей его возрастному развитию, в сферу действий, которых ребенок не понимает, не в состоянии принять и которые нарушают одновременно его правовые и социальные нормы. Ребенок рассматривается как сексуальный объект, которым взрослые пользуются в целях удовлетворения собственных, отклоняющихся от нормы потребностей. Формы сексуального насилия весьма различны – от подглядывания до изнасилования. К последствиям этого типа насилия относятся физические травмы; однако более обширен список психических травм: эротизация ребенка, нарушение его сна, фобии, страхи, неврозы, депрессия. Жертвы сексуального насилия проявляют агрессию, автодеструкцию, предпринимают попытки самоубийства или же, наоборот, испытывают подавленность, стремятся к уединению. Как и в случае других видов насилия, такие дети имеют проблемы в школе, убегают из дому, часто стано-

вятся преступниками, им присущи низкая самооценка, чувство вины и обиды, часто у них возникают проблемы с психикой.

Акты насилия в семье являются бесспорным фактом, хотя многие из нас не могут поверить, что кто-нибудь способен так обижать ребенка. Ситуация тем более драматична, что обидчиком является не чужой, случайный человек, а родитель – объект любви ребенка. Такое положение включает в себе то, что (в отличие от существования вещей, предметов) «достоинство бытия личностью» требует признания себя другими «личностями». Человек как личность является самодетерминирующимся субъектом, а это обуславливает то, что он одновременно является субъектом всех полномочий и обязанностей и ему полагается уважение, а что следует из этого, то не может пониматься ни как товар, ни как предмет манипуляции [13, с. 103].

Утверждение личности, находящейся в согласии со свободой и законом любви, порождает морально справедливые, благие поступки [14, с. 4–5]. «Отсюда нравственное добро и зло определяются в терминах безусловного долга признавать достоинство (ценность) личностей и безусловного долга не отрицать достоинства (ценности) личностей».

Такие общественные науки, как психология, социология или педагогика, утверждают, что семья социализирует потомство. Классическая философская антропология добавляет, что семья является гарантом сохранения человеческой ценности. Как заметил Иоанн Павел II, человек «обязан семье самим фактом быть человеком» [15]. Это утверждение не должно удивлять, ведь семейное воспитание формирует человеческую личность, учит человека налаживать отношения с другими людьми, прививает человеку основные ценности и нормы. Словом, это благодаря, в первую очередь, семье человек становится существом социальным и нравственным, а следовательно, таким, которое способно отделить добро от зла, сознательно отвечая за свои действия.

Семья способствует надлежащему формированию человеческой субъективности. «Здоровая» семейная атмосфера усиливает чувство собственной ценности, а также ценности другого человека. Это происходит потому, что формирование чувства человеческой ценности и достоинства осуществляется у человека через его отношение с другими личностями [16, с. 15–113].

По мнению Адольфа Э. Шолтыска, достоинство, понимаемое как ценность человеческой личности, направлено на совершенствование этой личности, что естественным образом и происходит в семье. Нравственное воспитание, имеющее здесь место, предполагает:

- образование человеческой субъективности,
- ее закрепление в нравственном поле,
- формирование духовной стороны личности,
- становление свободы, связанной с моральной ответственностью [17, с. 249].

Естественно, эти элементы нравственного воспитания личности могут быть реализованы только в надлежащей семейной атмосфере. На этом основании следует сказать, что семьи ущербные ведут к деструкции человека, негативно влияют на его психическое и моральное состояние, что не является фактором, интегрирующим общество.

Ни одна из вышеизложенных форм насилия или психической, структурной агрессии не осуществляется по отдельности. Они сопутствуют друг другу, взаимодополняются и тем самым усиливают деструкцию социального потенциала. Последствия насилия могут иметь непосредственный характер, а могут проявляться позже. Развитие и нормальное функционирование личности не согласуется с насилием, поскольку пассивное подчинение чужому контролю исключает самостоятельность, деформирует личность и понимание ею мира, ведет к приученной беспомощности и неспособности распорядиться собою.

Заклученне

Проанализировав нравственную проблему насилия в семье, мы утверждаем, что все виды семейного насилия следует считать ненормальными, отклоняющимися от нравственного поведения, т.е. девиантными. Нашу позицию можно свести к двум выводам:

1. Как раньше уже отмечалось, широко понимаемая персоналистическая этика, которая развилась на основе классической философии, считает поступок нравственно благим тогда, когда он «исходит из уважения достоинства личности». Необоснованное насилие (в том числе и в семье) нарушает эту повсеместно принятую норму, поскольку оно покушается на благо человека, и его следует рассматривать как нравственное зло.

2. Согласно современным исследованиям, семья является естественной воспитательной средой, формирующей человека как личность во многих ее измерениях, представляет собою основу для образования всех социальных структур. Насилие разрушает правильные семейные отношения, а это, в свою очередь, ведет к тому, что индивид впоследствии будет иметь большие трудности в налаживании отношений с другими людьми и в выполнении надлежащей родительской роли. В более широкой перспективе насилие в семье деструктивно влияет не только на формирование человеческой личности, но и ведет к дезинтеграции общества. Это является, несомненно, морально ущербным и нежелательным.

Семья – это союз лиц, подчиненных любви, а также общим благам и целям. Каждый человек по своей природе нуждается в партнере, который бы принял его любовь. Каждая семья имеет обязанность, вытекающую из установления Творца, создавать истинное общество лиц, основанное на любви, служить жизни и участвовать в евангелической миссии Церкви. Посредством этого семья способствует развитию общества, в котором человек является субъектом и действительным сыном Бога.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Rembowski, J. Rodzina jako system powiazań / J. Rembowski // Rodzina i dziecko. Red. M. Ziemska. – Warszawa, 1986; Świdorski, A.W. Wybrane aspekty psychoedukacji współczesnej rodziny / A.W. Świdorski // Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Suwalsko-Mazurskiej im. Papieża Jana Pawła II. – № 7. – Suwałki, 2003. – S. 141–151.
2. Braun-Gałkowska, M. Rozmowy o życiu i miłości / M. Braun-Gałkowska. – Warszawa, 1986.
3. Wprowadzenie do systemowego rozumienia rodziny. Wydanie II. Red. B. de Barbaro. – Kraków, 1999.
4. См.: Kiernikowski, Z. Dwoje jednym ciałem w Chrystusie. O chrześcijańskim małżeństwie i rodzinie jako sakramencie zbawienia / Z. Kiernikowski. – Warszawa, 2003. – S. 14–27; Świeżawski, S. Wstęp do kwestii 88 / S. Świeżawski // Tomasz z Akwinu. Traktat o człowieku. Summa teologiczna. 1, s. 75–89. – Poznań, 1956.
5. Haring, B. Małżeństwo w dobie obecnej / B. Haring. – Poznań, 1966.
6. Jan Paweł II. WARTOŚCI CHRZEŚCIJAŃSKIE DUCHOWYM FUNDAMENTEM EUROPY! Przemówienie Papieża do uczestników Europejskiego Kongresu Naukowego nt. «Ku konstytucji europejskiej» // Unia Europejska Geneza – rozwój – perspektywy, pod red. J.M. Dołęgi. Wyd. Wszechnicy Mazurskiej Acta Universitatis Masuriensis. Seria EPISTEME. № 25. – Olecko, 2002.
7. См.: PAPIESKA RADA «IUSTITIA ET PAX». PROGRAM SPOŁECZNY. Wybór tekstów MAGISTERIUM KOŚCIOŁA. – Kraków, 2000.
8. Adamski, F. Rodzina: wymiar społeczno-kulturowy / F. Adamski. – Kraków, 2002.

См.: Jarmoch, E. Kryzys norm i wartości rodziny polskiej w dobie przemian systemowych / E. Jarmoch // VERITAS UNA SED DOCTRINA MULTIPLEX, księga pamiątkowa ku czci prof. J. Jaronia. Red. nauk. M. Ciszek, W. Słomski. – Siedlce, 2003. – S. 267–278; Ciszek, M., Świdorski, A.W., Rodzina społeczną, potencjałem dla teorii i praktyki pedagogicznej. Niektóre bioetyczne aspekty / M. Ciszek, A.W. Świdorski // Pedagog – jednej czy wielu dróg? Część 1. Pedagog w teorii. Red. nauk. T. Zacharuk. – Siedlce, 2005. – S.109 – 117.

9. Ukaszyk, R., Bieńkowski, L., Gryglewicz, F. (red.). Encyklopedia katolicka. Tom III / R. Ukaszyk, L. Bieńkowski, F. Gryglewicz (red.). – Lublin, 1985.

10. См.: Kryczko, P. (red.). Rodzina w zmieniającym się społeczeństwie. – Lublin, 1997. – S. 65–119; Tyszka, Z. Rodzina współczesna / Z. Tyszka // M. Ziemska. Rodzina współczesna. – Warszawa, 2001; Głaz, S., Grzeszek, K., Wiśniewska, I. Rodzina. Biologiczne i psychiczne podstawy jej funkcjonowania / S. Głaz, K. Grzeszek, I. Wiśniewska. – Kraków, 1996.

11. См.: Adamski, F. Socjologia małżeństwa i rodziny. Wprowadzenie / F. Adamski. – Warszawa, 1982; Laskowski, J. Małżeństwo i rodzina / J. Laskowski. – Warszawa, 1979.

12. Rudniański, I. Klasyfikacja, źródła i ocena przemocy w stosunkach międzyludzkich / I. Rudniański // Hołtyst, B. Przemoc w życiu codziennym. – Warszawa, 1997.

13. Szostek, A. Pogadanki z etyki / A. Szostek. – Częstochowa, 1998. – 103 s.; см. также Bartnik, Cz.S. Personalizm. Wyd. II, poprawione / Cz. St. Bartnik. – Warszawa, 2000.

14. Por. K. Wojtyła. Notatki na marginesie konstytucji Gaudium et spes. – „Ateneum Kapłańskie”. – 1970. – T. 74. – S.4–5.

15. Kowalczyk, St. Wolność naturą i prawem człowieka. Indywidualny i społeczny wymiar człowieka / St. Kowalczyk. – Sandomierz, 2000.

16. См.: Grzesica, J. Ochrona środowiska naturalnego człowieka. Problem teologiczno-moralny / J. Grzesica. – Katowice, 1983. – S. 115; Świdorski, A.W. Przemoc jako zagrożenie w dążeniu do wolności człowieka. Implikacje psychospołeczne / A.W. Świdorski // Bezpieczeństwo i wolność jako kategorie kulturowe i społeczne. Red. J. Dębowski. – Siedlce, 2004; Łukomski, J. Próba zbudowania chrześcijańskiej etyki środowiska naturalnego / J. Łukomski. – Kielce, 2000; Semen, Y. Seksualność według Jana Pawła II. [Przełożyli Z. Denkowska, J. Urbaniak] / Y. Semen. – Poznań, 2008; Hankała, A. Przemoc jako przejaw patologizacja więzi międzyludzkich / A. Hankała. – Warszawa, 1997.

17. List do rodzin, Ojca Świętego Jana Pawła II z okazji Roku Rodziny 1994. Częstochowa, 2004. – S. 15–113.

18. Szoltysek, A.E. Filozofia wychowania / A.E. Szoltysek. – Toruń, 1998. – S. 249.

Sviderski Andzej V. A Christian Family as a Potential and as Environment for the Formation of Human Moral Values

The article deals with the characteristics and functions of a family as a special social group with a specific generative function: a family grows not by incorporating new members from outside but by giving birth to children and that guarantees the continuity in the society's development.

The author analyses Christian values of marriage and family formed during the centuries; he shows that in Christianity marriage has most sacramental character with a heavy emphasis on the spiritual unity of the family members; he also analyses social aspects of family's functions. Human dignity is described by the author as the foremost feature in Christian beliefs which serves as moral criterion both for theoretical doctrines and social practices. A true Christian family is viewed as a leading factor in the formation of human qualities in a human being; it teaches a man not only to treat other people in a human way but it teaches him to live for others. The author shows that destructive behaviour as well as aggression and violence are likely to appear in the families where Christian values haven't yet become the convictions as well as the norms of behaviour of its members.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.03.10

УДК 316.7

С.А. Мудров

ХРИСТИАНСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ПРАВОСЛАВНЫЙ И КАТОЛИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Европейская интеграция затрагивает не только политическую и экономическую сферы, но и духовную. В этой связи христиане оказываются перед необходимостью дать оценку интеграционным процессам, особенно в периоды, когда интеграция проходит свои знаковые отметки. В статье анализируется отношение католических и православных церквей к европейской интеграции. Отмечается, что в Католической Церкви сосуществуют несколько точек зрения; можно говорить о формировании «еврофракций» – евроэнтузиасты, еврореалисты и евроскептики. В Греческой Православной Церкви преобладает прагматичный подход к интеграции. Наиболее жесткой критике подвергает Евросоюз Русская Православная Церковь. Тем не менее ни одна из конфессий не отказывается от сотрудничества с органами управления ЕС с целью защиты христианских ценностей и недопущения ущемления прав верующих.

Ключевые слова: церковь, католицизм, православие, Европейский Союз, европейская интеграция.

Введение

Специалисты, изучающие Европейский Союз и феномен европейской интеграции, обычно обращают внимание на такие моменты, как введение евро, вступление в ЕС новых членов, эффективность общей сельскохозяйственной и рыбной политики, дальнейшая централизация Евросоюза. Другими словами, описание «европейского строительства» замыкается политико-экономическим пространством. Духовно-нравственные и религиозные идеи отодвигаются на второй план, а иногда объявляются «неуместными» и вовсе игнорируются.

Такого рода подход нельзя не считать односторонним. Его ущербность явно подчеркивается тем фактом, что христианское сообщество «единой Европы» проявляет к проблемам европейской интеграции все больший интерес. Обсуждается и анализируется как история интеграции, так и современные тенденции развития Европейского Союза. Особое внимание Церквей к «европейскому строительству» было приковано в 2003–2007 гг., когда формировался текст Конституционного соглашения ЕС и происходило самое масштабное за всю историю укрупнение Евросоюза.

Невзирая на то, что христианские церкви уже не первый год оценивают и комментируют развитие ЕС, можно заметить, что анализу церковного осмысления европейской интеграции уделяется недостаточно внимания. Среди русскоязычных исследований наиболее компетентными являются работы епископа Илариона Алфеева, доктора богословских наук, руководителя представительства Московского патриархата при европейских международных организациях [1]. В англоязычном мире известно имя британца Алана Франклина, автора книги «Европейский Союз: последняя мировая империя» [2], а также американских ученых Брента Нельсена и Джеймса Гута, опубликовавших ряд статей, в которых анализируется отношение к европейской интеграции верующих различных конфессий [3]. Шведский исследователь Магнус Хагеви известен благодаря своему материалу о церковном восприятии ЕС в Швеции [4]. Существуют также статьи и книги о роли Церквей в европейской интеграции, опубликованные другими скандинавскими исследователями. Эти материалы не переведены ни на русский, ни на английский языки, а потому

Научный руководитель – И.В. Котляров, доктор социологических наук, профессор, директор института социологии Национальной академии наук Беларуси

знакомство с ними остается затруднительным. Также закрыта для широкой общественности магистерская диссертация Дерека Форда из Английского Политехнического университета, поскольку она не публиковалась как официальный документ и не рассылалась в библиотеки. В диссертации Форда было проанализировано отношение к европейской интеграции в церквях Великобритании (в период с 1967 по 1997 гг.) [5].

Таким образом, принимая во внимание ограниченное число научных работ, посвященных отношению христианских церквей к ЕС, мы вправе говорить о дефиците вторичных источников и об отсутствии четко сформулированных выводов в исследуемой области. Более информативными являются официальные документы церквей, посвященные вопросам европейской интеграции. Кроме того, ряд ценных сведений был получен нами в Брюсселе в результате интервью с представителями церквей при европейских международных организациях. Материалы, собранные таким образом, были положены в основу настоящей статьи, анализирующей отношение католиков и православных к европейской интеграции и различным аспектам деятельности Европейского Союза.

Католики и европейская интеграция

Формально католицизм остается доминирующей религией в ЕС (и вплоть до вступления в Евросоюз в 2007 году Румынии и Болгарии это доминирование ощущалось достаточно сильно). Тем не менее католики (вопреки мнению некоторых протестантов – таких как Иэн Пэйзли из Северной Ирландии) далеки от того, чтобы позиционировать себя в качестве явных поводырей или «серых кардиналов» европейской интеграции. *«В интеграционном проекте есть своя логика, обогащенная христианским вдохновением множества участников, – подчеркивал Нель Тренор, Генеральный секретарь Комиссии епископских конференций Европейских Сообществ (КОМЕСЕ). – Но даже те католики, которые проявляли интерес к интеграционным проектам в начале 40-х годов, говорили о принципах subsidiarity, мира и справедливости. Полагаю, что они рассуждали во внеконфессиональных категориях. Речь вовсе не шла, скажем, о почитании или непочитании святых... Вряд ли Роберт Шуман считал, что те фундаментальные принципы, на которых должно основываться Сообщество, не будут разделяться христианами других конфессий»* [6].

Самое, пожалуй, парадоксальное в католическом восприятии ЕС – это кардинальные расхождения во мнениях, наблюдаемые внутри самой РКЦ. Это тем более удивительно, что Католическая Церковь остается централизованной структурой, в которой Ватикан и Римский понтифик играют главенствующую роль. Тем не менее, «нестыковки» во мнениях прослеживаются на самом высоком уровне. Так, при анализе документа Синода епископов РКЦ *«Иисус Христос, живой в Своей Церкви, – источник надежды для Европы»* складывается довольно мрачное представление о Европе – теряющей веру, превращающейся в пустынно-секулярное пространство. В документе констатируется, что люди ведут себя так, как *«если бы Бог не существовал»*. Синод также предупреждает, что *«до настоящего времени унификация Европы следует преимущественно по экономическому пути, а судьба социальных и культурных элементов не определена. Роль Церквей в этом отношении не ясна, но есть серьезный риск того, что их значение будет сведено до минимума в рамках различных социально-благотворительных программ. Ситуация будет еще более усугублена в том случае, если, помимо маргинализации позиции Церкви, приоритет будет отдан социологической интерпретации роли верующих в новой европейской ситуации»* [7].

Таково мнение одной стороны. С другой стороны, Папа Римский, понимая и, вероятно, разделяя опасения авторов документа, практически всегда позиционировал себя в качестве сторонника объединенной Европы. Напомню, что Иоанн Павел II призы-

вал своих соотечественников-поляков поддержать вступление Польши в Европейский Союз на референдуме в июне 2003 года [8]. Джерри О`Хэнлон в статье «Европа и Римско-католическая церковь» утверждает, что Понтифик явно ценил европейский проект, так как видел в нем *«подтверждение трансцендентного достоинства личности, ценности свободы, демократии, конституционного государства и различие между политической жизнью и религией»* [9]. Нель Тренор проявляет еще больший оптимизм, утверждая, что немалым достижением было включение в текст Конституции ЕС ссылки на религиозное наследие Европы и упоминание об «особом вкладе церквей» [10]. В пикку Тренору его соотечественник – священник из Ирландии – рассуждает в гораздо более пессимистичном духе: *«Вначале Брюссель отберет у нас независимость, затем навяжет аборт, эвтаназию и гомосексуальные «союзы». Все эти вещи, как вы знаете, уже являются частью законодательства в определенных странах Европы. И все это будет навязываться как воплощение европейского стремления к «равенству и справедливости»* [11].

Радикальная противоположность мнений в отношении ЕС заставляет предположить, что в Римско-католической церкви сосуществуют три «европейские» фракции:

- евроэнтузиасты, безоговорочно поддерживающие интеграцию;
- еврореалисты, видящие в интеграции как позитивные, так и негативные стороны;
- евроскептики, полагающие, что членство в ЕС приносит странам больше вреда, чем пользы.

Конечно, такого рода деление условно и не дает оснований представлять «фракции» как четко очерченные, структурированные группы. Ни один из традиционно мыслящих католиков, даже из числа поддерживающих интеграцию, не станет оправдывать аборт, или же защищать, в рамках поощряемого Брюсселем «равноправия полов», рукоположение женщин в священник сан. Тем не менее, есть все основания предполагать, что фракция «евроэнтузиастов» является в РКЦ наиболее многочисленной и влиятельной. Американские исследователи Нельсен и Гут пишут о существовании некой «подсознательной» симпатии католиков к европейскому проекту, связанной, по их мнению, с многовековой привязанностью Римской Церкви к наднациональным структурам, в которых отдельные этнические общности и государства подчиняются единому центру [12].

Судя по всему, Католическая Церковь находится сейчас в несколько двусмысленном положении. С одной стороны, никто не может отрицать вклад ревностных католиков в создание Евросоюза, особенно на начальных этапах интеграции. С другой стороны, растущий секуляризм все более и более отодвигает Ватикан на второй и даже третий план в ходе европейского строительства. Руководство Римской Церкви старается сохранять «официальный» оптимизм, используя имеющиеся рычаги влияния для изменения ситуации в свою пользу. Речь, в частности, идет о воздействии на решения, принимаемые в ЕС, государств, где сильно влияние католицизма (Польша и Ирландия). Один из примеров – желание Польши добиваться включения ссылки на христианское наследие Европы в обновленный текст Конституции ЕС. Позиция Варшавы на сей счет не могла оформиться без участия Римского Престола.

Тем не менее, официальный и зачастую вынужденный оптимизм Ватикана сталкивается не только с секулярными настроениями в коридорах Еврокомиссии, но и с пессимизмом части католических кругов. Вместе с тем, занять позицию полного евроскептицизма католикам вряд ли возможно. Слишком плотно Церковь вплетена в процесс интеграции, и выхода из него, похоже, уже нет. Критикуя отдельные аспекты евроинтеграции, Ватикан оставляет себе некоторое пространство для маневра, в целом следуя генеральной линии поддержки «великого европейского проекта», занятой «Святым Престолом» с самого начала.

Православные и европейская интеграция

Православные христиане в Европейском Союзе являются религиозным меньшинством. Но их численность не так незначительна, как четыре года назад, когда Греция была единственной православной страной ЕС. Расширение Евросоюза в мае 2004 г. привело в европейскую семью: 1) православный Кипр; 2) Латвию и Эстонию, в которых ощутимо присутствие Московского патриархата; 3) Чехию и Словакию с автокефальной Православной Церковью Чешских земель и Словакии; 4) Польшу с автокефальной Польской Православной Церковью. Присоединение в 2007 г. к Евросоюзу Болгарии и Румынии увеличило число стран с доминирующим православным населением до четырех. Сейчас голос православия слышен в коридорах Брюсселя громче и отчетливее.

Церковь Греции о Евросоюзе

Среди православных церквей стран-членов ЕС наиболее детально вопросы отношения к интеграции разработаны в Элладской Церкви. Греция, к слову, является одним из «старых» членов ЕС: она присоединилась к Европейскому Союзу в 1981 году. По мнению многих экспертов, страна в целом экономически выиграла от членства в Евросоюзе. Благодаря щедрым дотациям из Брюсселя греки смогли существенно повысить уровень жизни. «Евробарометр» (социологическая служба Еврокомиссии) свидетельствует, что на протяжении многих лет в Греции сохраняется позитивное отношение к Европейскому Союзу и интеграции.

Впрочем, это отнюдь не означает, что подданные Афин смотрят на интеграцию однобоко и подобострастно. В Греции понимают, что евроинтеграция – это двусторонний процесс, оборотная сторона которого становится заметна с течением времени. Элладская Православная Церковь, чутко улавливающая нюансы европейского строительства, говорит об этом уже не первый год. Анализ документов, представленных Церковью на суд широкой общественности, позволяет утверждать, что Афины церковные далеко не так оптимистичны, как Афины политические. Полагаю, что мы имеем право говорить о значительной доле критики, генерируемой действиями Брюсселя, неприемлемыми для Церкви.

В качестве иллюстрации приведем цитату из документа «Священный Синод Церкви Греции о будущем Европы»: *«Европа не может и не должна забывать, что ее духовные основания находятся в Евангелии Христовом. Факт этот неоспорим, он был признаваем многие столетия, так что нет смысла утверждать его снова и снова. Но знания этого факта недостаточно. Европа должна относиться к нему с уважением. В этой связи слабование европейской политической элиты в принятии истории своей цивилизации, попытка не допустить основоположника цивилизации в текст Конституции, представляет собой опасный регресс»* [13]. О Конституции единой Европы (лишенной ссылки на Бога и христианские ценности) Церковь высказалась еще более жестко: *«...с точки зрения духовности и культуры, это не Конституция Европейского Союза, а подтверждение политического упадка Европы»* [14].

Тем не менее Церковь, указывая на негативные черты европейского строительства, утверждает, что в развитии ЕС есть и позитивные стороны. Достаточно прочитать отдельные высказывания архиепископа Афинского и всея Эллады Христодула, чтобы убедиться в том, что греки не стремятся описывать Евросоюз исключительно в темных тонах. *«Величайшая цель мира и развития в нашей истории – это Европейский Союз»*, – отметил архиепископ [15]. Развивая далее свою мысль, он подчеркнул, что Греция впервые в своей истории добровольно поступилась частью суверенитета. Для чего? Для сохранения мира и стабильности, для предотвращения глобальных конфликтов, ярким примером которых явились в XX веке две мировые войны. *«Для Церкви, – говорил архиепи-*

скоп Афинский и всея Эллады, – Европейский Союз это не только экономическое и политическое сотрудничество определенных государств, это даже не межгосударственное сообщество с определенными экономическими и политическими целями. Если бы то, что упомянуто выше, являлось Европой, то у Церкви не было бы никакой причины все это защищать, поскольку Церковь не занимается политикой. Для Церкви Европа – это духовный образ христианства, поскольку христианство вобрало как римское наследие, так и греческое образование, преподавая их как в средние века, так и в последующее время. Вот почему поддержка Европейского Союза для Церкви – это не политический акт, но духовная ответственность. И эта ответственность заключается в том, чтобы защитить образ жизни, как это делает духовник, дабы этот стиль жизни не опустился бы до уровня простых политико-экономических событий» [16].

Судя по всему, в Элладской Церкви, как и в Римско-католической, уживаются несколько точек зрения на Европейский Союз, хотя говорить о формировании «еврофракций» преждевременно. Более того, православные, в отличие от католиков, в целом более критичны по отношению к ЕС. Впрочем, как отметил епископ Афанасий Хатзопулос, глава Представительства Церкви Греции при Европейском Союзе, «Церкви не собираются повторять то, что говорят политики, и их критику не следует воспринимать как неконструктивную... Скорее, речь должна идти о конструктивном вкладе в диалог, об определенном видении Европы» [17]. В Афинах осознают, что процесс европейской интеграции необратим, а потому задача Церкви – стараться не допустить его превращения в орудие антихристианских сил. Политика церковного прагматизма, проводимая Церковью Греции, вполне закономерно вытекает из оценки развития ЕС, предложенной епископом Афанасием. Глава Представительства в Брюсселе отметил, что в Европе «схлестываются» многие силы, порой идущие в разных направлениях. «В настоящее время, – подчеркнул епископ, – никто не может навязать свое мнение другим». Таким образом, из множества различных мнений формируется тот путь, по которому движется Европейский Союз [18].

Русская Православная Церковь о Евросоюзе

Существует несколько причин, по которым РПЦ не остается в стороне от процесса европейской интеграции. Главная из них – присутствие на территории ЕС значительного количества приходов Московского патриархата. Не стоит забывать, что РПЦ не является сугубо национальной церковью, ибо среди ее прихожан немало представителей нерусской национальности (белорусы, украинцы, англичане, итальянцы, французы и т.д.). В этой связи пастырская забота Церкви простирается далеко за пределы Государства Российского.

В июле 2002 года Священный Синод принял решение о создании в Брюсселе Постоянного представительства РПЦ при европейских международных организациях. В письме, направленном по этому случаю президенту Европейской Комиссии Романо Проди, Святейший Патриарх Алексий II отметил, что «Русская Православная Церковь стремится внести созидательный вклад в развитие духовных, нравственных и мировоззренческих основ сотрудничества между народами Европы через своих верующих, населяющих различные страны, а также посредством прямого диалога Священноначалия Московского Патриархата с европейскими межправительственными институтами... Вхождение государств Центральной и Восточной Европы в Европейский Союз и интенсификация контактов между странами континента создают проблему сохранения и развития уклада жизни традиционно православных народов. Русская Православная Церковь готова сотрудничать с органами ЕС в сфере выработки ценностного измерения единой Европы...» [19].

Сам Романо Проди, глава Еврокомиссии в 1999–2004 гг., не отрицал растущего влияния РПЦ на пространстве Евросоюза. В одном из писем митрополиту Кириллу, председателю Отдела внешних церковных связей Московского патриархата, высокопоставленный чиновник ЕС подчеркнул: *«Европа – это континент, в котором совместно проживают многочисленные этнические группы. Каждая из них имеет свой облик, свой язык и культуру. Все они находятся в постоянном взаимодействии. У нас есть важнейшая задача: бороться за дальнейшее развитие этих составляющих, чтобы они не потеряли присущие им черты. Вот почему я считаю культурный и духовный вклад Русской Православной Церкви, которая глубоко укоренена во многих областях Европы и сопредельных стран, необходимым и своевременным. Я считаю этот вклад наиболее ценным. РПЦ имеет полное право содействовать воплощению «европейского проекта»: это обусловлено его историей, его христианскими традициями и настоящим... Я убежден в том, что сотрудничество с Православной Церковью необходимо новой Европе»* [20].

Каким же образом Русская Церковь могла бы сотрудничать с ЕС, «содействуя воплощению европейского проекта»? Вряд ли можно вести разговор об изменении экономических или политических механизмов интеграции: они были установлены задолго до признания Еврокомиссией возможности диалога с РПЦ и не будут меняться по просьбе Москвы. Тем не менее, как было отмечено в письме Патриарха, Церковь готова делиться своим мнением по поводу философских оснований права и прочих вопросов морального и нравственного характера, возникающих по ходу развития «великого европейского проекта».

Но готов ли Европейский Союз принимать даже эти советы к сведению, тем более следовать им? Фразы, облеченные дипломатической мягкостью и размытостью, – это одно, а реальное сотрудничество – другое. Для Брюсселя мнение Московского патриархата – это не более чем слабый голос, который можно не услышать. Тем более, Московский патриархат, в отличие от Болгарской, Греческой, Кипрской и Румынской церквей, не имеет в Брюсселе своих лоббистских структур (будь то «национальные» еврокомиссары или депутаты Европарламента). В условиях, когда Церкви надо работать на опережение, чтобы не допустить принятия дискриминирующих ее законов, отсутствие реальной поддержки со стороны политического истеблишмента особенно ощутимо.

Анализ выступлений иерархов Московского патриархата позволяет заметить: в Русской Церкви полагают, что некая духовная составляющая европейской интеграции, если она и существовала в прошлом, в настоящее время находится под угрозой исчезновения. Епископ Иларион Алфеев (руководитель Представительства РПЦ при европейских международных организациях) утверждает, что процессы, происходящие в Европе, *«во многом напоминают то, что происходило в Советском Союзе. Воинствующий секуляризм [Евросоюза – С.М.] оказывается столь же опасен для религии, как и воинствующий атеизм. И тот и другой стремятся выдворить религию за пределы общественно-политической сферы, загнать ее в гетто, свести к «частному благочестию»* [21].

В свою очередь митрополит Кирилл, выступая на конференции «Дать душу Европе», подчеркнул: *«...стремительно происходит размывание христианской идентичности Европы. Европа лишается тех черт, которые ей придало христианство [...]. Европа лишается своей души»* [22].

Означает ли это, что «почти лишенная своей христианской души» Европа превратила ЕС в радикальный антирелигиозный проект? Такое мнение тоже существует. Пресс-секретарь Союза православных граждан Кирилл Фролов заявил, что Конституция без ссылки на христианское наследие Европы *«придала строящемуся европейскому*

государству воинствующий секулярный, по сути, антихристианский характер» [23]. Но мнение Фролова нельзя приравнять к мнению священноначалия. Более того, на официальном уровне столь однозначно негативный образ ЕС разделяется далеко не всеми. Как отмечает священник Антоний Ильин, секретарь Представительства РПЦ в Брюсселе, в 2006 году Русской Церкви удалось внести в текст Рамочной стратегии по недискриминации понятие «распределительной справедливости», дающее возможность прочтения и толкования «прав меньшинств» с учетом позиции церкви [24]. Епископ Иларион, при всей критике интеграции, признает, что в ЕС сосуществуют разносторонние – как религиозные, так и антирелигиозные силы – причем на европейскую политику пытается влиять каждая из них [25].

Конечно, в целом критика ЕС со стороны Московского патриархата достаточно жесткая (еще более жесткая, чем в Церкви Греции, как отметил епископ Афанасий Хатзопулос) [26]. Но факт того, что РПЦ не отказывается от сотрудничества с официальными органами ЕС, пытается влиять на законотворческий процесс и отстаивать христианские ценности, подчеркивает, что Церковь не считает все аспекты интеграции аморальными и необратимо антихристианскими. Критика со стороны Московского патриархата направлена на оздоровление, а не на уничтожение, хотя, на наш взгляд, чрезмерно мрачные прогнозы отельных православных публицистов создают впечатление безнадежности и формируют у православной общественности образ ЕС, несколько далекий от реальности.

Заключение

Развитие Европейского Союза, тенденции хода европейской интеграции не остаются без внимания христианских церквей. Католики и православные, выражая свои мнения по различным вопросам «европейского строительства», формируют христианский взгляд на европейскую интеграцию. В Католической Церкви прослеживается сосуществование трех «еврофракций»: евроэнтузиастов, еврореалистов и евроскептиков, каждая из которых вносит свой вклад в принятие решений, призванных отражать мнение всей Церкви. Православная Церковь Греции, отличаясь большей однородностью, чем Римско-католическая Церковь, утверждает в качестве ведущего прагматичный подход к европейской интеграции, отказываясь от ее однозначного одобрения или осуждения, хотя явно выраженная неоднозначность в оценках присутствует и здесь. Самая жесткая критика Евросоюза заметна в Русской Православной Церкви, но даже эта критика не исключает и не отвергает сотрудничества с органами управления ЕС. Но сотрудничество церквей с Евросоюзом направлено, главным образом, на защиту христианских ценностей и того образа жизни, который соответствует морально-нравственным концепциям православия и католицизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: <http://bishop.hilarion.orthodoxia.org>.
2. Franklin, Alan. EU: the Final World Empire/A.Franklin. – Fleet: Banner Publishing Ltd. – 2004.
3. Nelsen, B., Guth, J. and Fraser, Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union/B.Nelsen, J.Guth and Ch.Fraser // European Union Politics. – 2001. – Vol. 2(2).
4. Hagevi, Magnus. Religiosity and Swedish Opinion on the European Union/Magnus Hagevi // Journal for the Scientific Study of Religion. – 2002. – Vol. 41. – No.4.
5. Ford, Derek. An analysis of the response by the Christian UK Churches to the involvement of Britain in the European institutions 1967–1997 /Derek Ford // Unpublished MA Thesis. – Anglia Polytechnic University. – 1999.

6. Интервью автора с Н.Тренором. Брюссель. 22.01.2007.
7. Jesus Christ, alive in His Church, the Source of Hope for Europe [Electronic Resource] / Synod of Bishops. – 1999. – Mode of access : http://www.vatican.va/roman_curia/synod/documents/rc_synod_doc_19071999_europe-instrlabor_en.html. – Date of access : 03.09.2007.
8. Мудров, С. Польша и Европейский Союз: возможный потенциал польского евроскептицизма / С. Мудров // Неман. – 2006. – № 1. – С.140.
9. O’Hanlon, Jerry. Europe and the Roman Catholic Church/ Jerry O’Hanlon//The Future of Europe, ed. – 2006. – Jesuit Centre for Faith and Justice. – P. 58.
10. Интервью автора с Н.Тренором. Брюссель. 22.01.2007.
11. Anderson, Mary. Ungodly Ways: The Dark Side of the European Union [Electronic Resource] / Mary Anderson. – 2003. – Mode of access : <http://www.orthodoxytoday.org/articles2/AndersonEurope.php>. – Date of access : 03.09.2007.
12. Nelsen, B., Guth, J. and Fraser, Ch. Does Religion Matter? Christianity and Public Support for the European Union / B.Nelsen, J.Guth and Ch.Fraser // European Union Politics. – 2001. – Vol. 2(2). – P. 201.
13. The Holy Synod of the Church of Greece on the Future of Europe [Electronic resource] / Church of Greece. – 2003. – Mode of access : http://www.ecclesia.gr/English/EnHolySynod/messages/europe_declaration.html. – Date of access : 03.09.2007.
14. Ibid
15. Christodoulos. Peace and development [Electronic resource]/ Christodoulos. – 1998. – Mode of access : <http://www.ecclesia.gr/english/archbishop/speeches/EnAthens98.html>. – Date of access : 03.09.2007.
16. Christodoulos. The Word and Role of Orthodoxy in the European Union [Electronic resource] / Christodoulos. – 2000. – Mode of access : http://www.ecclesia.gr/English/EnArchbishop/EnSpeeches/role_of_orthodoxy.html. – Date of access : 03.09.2007.
17. Интервью автора с епископом Афанасием Хатзопулосом. Брюссель. 25.01.2007.
18. Там же.
19. Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Русская Церковь и объединяющаяся Европа: перспективы взаимодействия [Электронный ресурс] / Иларион (Алфеев). – 2002. – Режим доступа: http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_7_15. – Дата доступа : 03.09.2007.
20. Prodi, Romano. Letter from the President of European Commission to head of the Department of External Church Relations of Moscow Patriarchate [Electronic resource] / R. Prodi. – 2002. – Mode of access : <http://orthodoxeurope.org/page/4/26.aspx>. – Date of access : 04.09.2007.
21. Иларион (Алфеев), епископ Венский и Австрийский. Русская Церковь и объединяющаяся Европа: перспективы взаимодействия [Электронный ресурс] / Иларион (Алфеев). – 2002. – Режим доступа : http://bishop.hilarion.orthodoxia.org/1_3_7_15. – Дата доступа : 04.09.2007.
22. Кирилл (Гундяев), митрополит Смоленский и Калининградский. Вступительное слово на европейской встрече по христианской культуре «Дать душу Европе» [Электронный ресурс]/ Кирилл (Гундяев). – 2006. – Режим доступа : <http://www.interfax-religion.ru/?act=documents&div=396>. – Дата доступа : 04.09.2007.

23. Фролов, К. Французская трещина для ЕС – шанс для Восточнохристианской цивилизации [Электронный ресурс] / К. Фролов. – 2005. – Режим доступа : <http://www.zaistinu.ru/articles/?aid=479>. – Дата доступа : 04.09.2007.

24. Интервью автора с А. Ильиным. Брюссель 26.01.2007.

25. Вопрос автора епископу Илариону Алфееву (задан по электронной почте 05.03.2007).

26. Интервью автора с епископом Афанасием Хатзопулосом. Брюссель 25.01.2007.

Mudrov S.A. Christian Rethinking of European Integration: Orthodox and Catholic Perspectives

European integration is not only about politics and economics, but also about religion. Therefore Christians need to assess the integration processes, especially in the periods when the integration passes through its key stages. This article analyses attitudes of Catholic and Orthodox Churches towards European integration. It states that different viewpoints coexist within the Catholic Church; it is possible to say that the appropriate “eurofactions” were formed—of euroenthusiasts, eurorealists and eurosceptics. Pragmatic attitudes towards integration are peculiar to the Orthodox Church of Greece. The most severe criticism of the European Union comes from the Russian Orthodox Church. Nevertheless, none of the confessions refuses from the cooperation with EU institutions—with the aim of defending Christian values.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.02.09

УДК 393.3

Б. Брунс, Ю. Миггельбринг

ВОСТОЧНАЯ ГРАНИЦА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Эта статья была написана в процессе работы над научным исследованием на тему «География в границах европейского союза», осуществлявшегося на базе Института географии имени Лейбница в Лейпциге (Германия) в сотрудничестве с отделом регионального развития и планирования. Над проектом работали: доктор Беттина Брунс (dr Bettina Bruns), доктор Юдит Миггельбринг (dr Judith Miggelbring), доктор Сабине Цильмер (dr Sabine Zillmer), дипломированный культуролог Хельга Цихнер (Helga Zichner), дипломированный географ Кристин Мюллер (Kristine Müller), а также Андреас Вуст (Dipl.-Pol. Andreas Wust). Авторы статьи акцентируют внимание на проблемах трансграничного сотрудничества, особенно между странами Европейского Союза, расположенными на восточной границе этой структуры, и государствами, которые не входят в эту организацию.

Введение

Внешняя граница Европейского Союза (ЕС) подвергается постоянным изменениям. По меньшей мере, сейчас наблюдаются три процесса. Во-первых, смещение внешней границы благодаря расширению ЕС за счет заключения Шенгенского соглашения с такими странами, как Румыния, Болгария и Польша. Во-вторых, приграничная политика благодаря Шенгенскому соглашению постепенно стала составной частью общей политики стран ЕС, и соответствующая регламентация трансграничных отношений приобрела форму двусторонних контактов между национальными государствами. И в-третьих, изменилась сама граница, преимущественно под влиянием такого фактора, как нелегальная иммиграция, что требует мер по предотвращению опасности организованной преступности и терроризма. Сюда же относится вопрос иммиграции квалифицированных рабочих и служащих [8]. Таким образом, усиление внутреннего объединения союза государств сопровождается возрастающей строгостью пограничного режима, что отражается на контактах жителей сопредельных государств в нарастающей степени.

Вследствие этого соответствующие национальные границы, которые сегодня находятся в восточной части ЕС, за минувшие годы также претерпели частичные изменения (рисунок 1).

С постепенным увеличением Шенгенского пространства Европейский Союз ускоряет гомогенизацию своей внешней границы, что связано с установлением единой системы контроля и наблюдения. Она всё более развивается по принципу «smart border» (англ.: интенсивная граница) [1, p. 95], на которой одновременно осуществляется так называемое «включение» и «исключение», например: процесс становления границы как «security barrier» (англ.: барьер безопасности), продвижение такой либеральной функции как «efficient economic bridge» (англ.: эффективный экономический мост) [1, p. 96]. Такое положение повлияло на деятельность множества людей, для которых пересечение государственной границы важно не только для сохранения своей экономической деятельности, но также часто является гарантией получения средств к существованию. Это, преимущественно, относится к предпринимательской деятельности, которая осуществляется мелкими торговцами в приграничных регионах. В данной статье выделяются, прежде всего, приграничные связи таких стран, как Финляндия и Россия, Польша, Беларусь, Польша и Украина, Румыния и Украина. Основное внимание было уделено анализу экономической деятельности, которая сопряжена с потребностью перемещения из одной страны в другую на различных участках внешней границы Европей-

ского союза. Для характеристики обозначенных процессов в статье использованы эмпирические данные, полученные в результате изучения трансграничных перемещений.

Исследование началось весной 2008 года на польско-белорусской границе практически сразу после того, как с 21 декабря 2007 года Польша официально стала полноправным членом Шенгенского союза.

Очевидно, что субъекты различных видов экономической деятельности должны реагировать на те изменения, которые произошли в отношении пассажирского движения и торговых операций, и свою хозяйственную деятельность, касающуюся перемещений через границу, необходимо в изменившихся условиях организовывать по-новому.

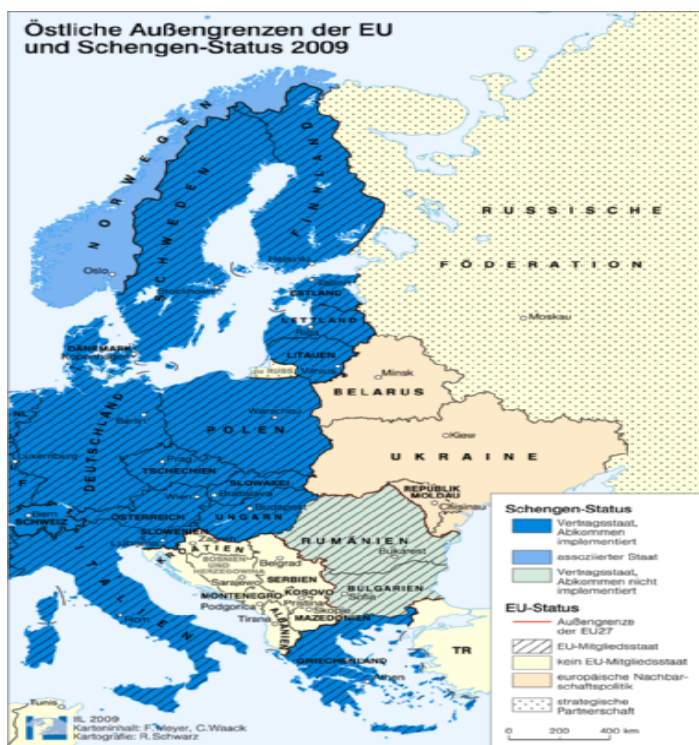

Рисунок 1 – Восточная внешняя граница ЕС и территория стран Шенгенского соглашения с изменениями от 21 декабря 2007 года

Один из наиболее важных вопросов исследования был сформулирован в следующем варианте: «Как отреагировали субъекты трансграничной деятельности – предприниматели и мелкие торговцы – на изменения пограничного режима в своей деятельности и какие из этих изменений стали наиболее существенными?» Этот вопрос изучался посредством групповой дискуссии, наблюдений и экспериментальных интервью.

При исследовании повседневной практики пересечения границы ставилась задача изучения непосредственной эффективности внешней границы ЕС, потому что конкретное её «значение», которое граница имеет в отношении различных форм деятельности, обнаруживается лишь только в процессе её непосредственного «использования». Под «использованием» подразумевается следующее: при пересечении границы субъекты трансграничной деятельности попадают под воздействие государственных функциональных институтов (например, таможня и пограничная служба), которые несут ответственность за соблюдение пограничного режима и правил пограничного контроля. В связи с частыми изменениями условий пересечения границы снова и снова возникают новые требования относительно торговли. Под «использованием» понимается также и то, что субъекты хозяйствования должны решить, как часто, с какими товарами и т.д.

они будут пересекать границу и какие решения примут, чтобы занятие этим бизнесом было рентабельным. Пересечение границы относится при этом к комплексной экономической деятельности, которая, в соответствии с теми изменениями, что происходят в сфере международных отношений, вновь и вновь должна становиться по-новому организованной и договорной.

Таким образом, на основании представлений авторов статьи о важных изменениях режима функционирования внешней границы ЕС более подробно проанализируем примеры из увиденной нами действительности, например, в отношении пересечения границы субъектами экономической деятельности.

Границы европейского проекта

Европейский союз, прежде всего как межгосударственный, развивающийся и общественно значимый проект, содействует свободному переходу общей границы для всех граждан стран-участниц Шенгенского пространства и, в том числе, способствует свободным торговым отношениям и отношениям в сфере услуг. Одновременно должны быть предотвращены нежелательные и бесконтрольные переходы границ, в особенности стихийная иммиграция [2]. Постоянный перенос внешней границы (например, в результате вхождения в ЕС Румынии и Болгарии) и распространение Шенгенского договора на новые государства (например, на территорию Польши) предполагают к тому же постоянные изменения в деятельности и качестве функционирования самих границ, что приводит к изменениям пограничного режима с важными экономическими и социальными последствиями для приграничных регионов. Следует отметить, что территория нынешней восточной внешней границы ЕС до 1991 года проходила по линии отношений с Советским Союзом и с того времени уже неоднократно подвергалась модификациям под влиянием изменений принципов деятельности пограничного режима.

То, что границы после распада СССР стали более проницаемы, привело к последующим ограничениям возможностей въезда в страны ЕС вследствие действия Шенгенского соглашения, которое проявляется, прежде всего, в увеличении оплат за визы. Если ранее одноразовая виза в Польшу после её вхождения в ЕС стоила для белорусов в пределах 6 долларов, то после подписания Польшей Шенгенского соглашения цена на польскую национальную визу поднялась до 30 долларов, а стоимость шенгенской визы для граждан Беларуси составила 60 долларов.

В таком случае, какие значимые эффекты внешней границы ЕС проявились и проявляются в повседневной деятельности, насколько важными они могут быть для качества пространственно сформированного «социологического факта» [7, с. 23], если эта деятельность раскрывается не на основе чистого анализа, который имеет отношение к геополитическому анализу, структуре, символизации и существенно содействуют формированию и засвидетельствованию пограничного режима [5, с. 261]?

Более того, проявляется необходимость приближения к границе как к социально производимому пространству, которое создаётся конкретным процессом договорённостей. Здесь учитываются возможные элементы неопределённости, которые возникают, когда в ходе пересечения границы встречаются один за другим путешественники и представители пограничного режима в рамках непосредственного социального взаимодействия, и при этом происходит индивидуальное преобразование (изменение) пограничных распоряжений. На этот аспект следует обратить особое внимание. Речь идёт о том, чтобы показать, как супранациональное стремление к гомогенизации со стороны ЕС воздействует на экономическую практику пограничного перехода и как субъекты экономической деятельности приспособляются к изменяющимся условиям. При этом рамки экономической практики перехода границы формируются не только основанными на нормах ЕС механизмами регулирования, но и на национальными законами. Разу-

меется, если бы на этом месте учитывался исключительно пограничный режим ЕС, то желаемая супранациональная гомогенизация пограничного режима могла бы выглядеть более понятно.

Пограничный режим и субъекты экономической деятельности

В процессе эмпирических исследований на четырёх пограничных участках восточной внешней границы ЕС подробно исследовались те усилия и способы, которые требуются для пересечения границы от мелких торговцев и предпринимателей. Они выражали различную реакцию на определённые типовые требования, которые выступали в качестве регуляторов пограничного режима ЕС. Ниже на примере нескольких важнейших требований фиксируется внимание на следующих аспектах, которые связаны с пересечением внешней границы Европейского Союза:

- выдача визы ЕС;
- ограничение импорта в ЕС;
- несоблюдение пограничного режима.

Чтобы въехать в ЕС из третьих стран, существует условие в виде легитимной визы. В ходе гомогенизации пограничного режима ЕС Шенгенское соглашение является действительным для всех стран-участниц, за исключением Румынии и Болгарии. При этом для Румынии и Болгарии решается вопрос об относительно унифицированном положении по пошлинам для оформления как для шенгенской, так и национальной визы. Для граждан тех государств, с которыми были заключены договора об облегченных условияхна въезд, шенгенская виза стоит 35 евро, а граждане стран, с которыми не было двухсторонних соглашений, как, например Беларусь, за шенгенскую визу платят 60 евро. Оплата за одну такую визу в несколько раз выше, чем оплата, которая действовала прежде при открытии национальной визы в страны ЕС. Ситуация такова, что визовое обязательство при въезде в страну ЕС, а также в страну Шенгенского соглашения связано с высокой оплатой для жителей других стран. Как это повлияло на возможности экономической деятельности и пересечение границы субъектами хозяйствования? Какова была реакция на эти новации со стороны мелких торговцев и предпринимателей?

Изначально бросается в глаза всеобщее недовольство визовым обязательством и бюрократическими действиями чиновников при выдаче виз, для получения которых требуются больших временные затраты. Вот что рассказали два украинских коммерсанта:

Антон: Чтобы получить визу, нужно ехать в Черновцы за 250 км.

Даниель: Во-первых, не у всех есть так много денег. Поездка туда и обратно стоит 120 гривен, 60 гривен – однократная поездка на автобусе. Плюс 55 долларов, которые нужно заплатить за визу, плюс приглашение с другой стороны, которое необходимо получить из Румынии.

Даниель: Потом нужно опять собираться в дорогу и снова идти туда, всё персонально.

Интервьюер: Персонально подавать и персонально забирать?

Антон: Сейчас нужно делать визу персонально, никого нельзя попросить.

Получается, чтобы получить возможность пересечь границу, мелкие торговцы и предприниматели должны решить ряд предшествующих получению виз проблем. В Интернете можно узнать, что визовый отдел финского консульства в Петрозаводске, где граждане России ходатайствуют о получении одноразовой визы в Финляндию, весной 2008 года был часто перегружен. В интервью с одной из сотрудниц, которая работает в консульстве, мы узнали, что само здание консульского отдела в Петрозаводске находится в очень плохом состоянии, и оно не было переоборудовано с учетом постоянно растущего притока заявлений весной 2008 года. Накопилось большое количество ходатайств, и длительное время они просто не могли быть обработаны.

Каким образом в таком случае субъекты экономической деятельности должны были вести свой бизнес в этих неблагоприятных условиях, если и дальше они желали продолжать свои дела, связанные с необходимостью пересечением границы?

Интервьюер: Как смогли бы Вы описать ситуацию выдачи виз в мае, например, для лиц, которые в этом месяце или незадолго до этого ходатайствовали о визе?

Пирио: Ну, тогда они должны были ждать несколько месяцев.

Интервьюер: Несколько месяцев?

Пирио: Да.

Интервьюер: Ну, хорошо, а если вы хотели поехать в Финляндию летом?

Пирио: Ну да, тогда должны были менять свои планы...

Для лиц, интересующих нас, это практически означало закрытие границы. Пример финско-российской границы отчётливо показывает, что нужен не только гомогенный разработанный пограничный режим, но и локальные изменения режима. Речь идёт о влиянии возможности получения визы и пересечения границы на местное население, постоянно проживающее в данном регионе. Хотя в то же самое время можно подать официальное заявление на шенгенскую визу, однако получение её может растянуться на несколько месяцев. В такой ситуации мелкий торговец или предприниматель на границе с российской стороны полностью бессилён и должен просчитать другие варианты своей деятельности.

Другой пример реакции на визовое обязательство для жителей третьих государств при въезде в страны-участницы Шенгенского соглашения. После вхождения Польши в Шенгенскую зону условия предпринимательской деятельности для лиц, которые являются гражданами Беларуси и сотрудничают с польскими фирмами, кардинально изменились из-за повышения стоимости виз. Для многих коммерсантов это означало конец их деловой деятельности или вынуждало к территориальной переориентации в восточном направлении на рынки России и Украины.

Так поступила и Антонина, белорусская коммерсантка. Она очень сожалеет, что лишь только из-за повышения стоимости визы больше не может ездить в Польшу на закупки товаров, хотя её клиенты очень ценили качество польских изделий, и поэтому изготовленный в Польше продукт легко раскупался. С тех пор Антонина ездит за покупками через две недели на Украину или, реже, в Москву. Поездки в Москву имеют своё преимущество: благодаря таможенному соглашению между Россией и Беларусью отпадает необходимость платить таможенную пошлину. Однако есть и обратная сторона – большое расстояние, на которое затрачивается много времени.

Некоторые субъекты хозяйствования бессильны противостоять изменениям пограничного режима, и, таким образом, они должны полностью прекратить свою экономическую деятельность на этой границе и вынуждены находить другие, в итоге, более длительные пути, чтобы обеспечить своё существование, которое ранее основывалось на доходе от этой границы.

Важным аспектом трансграничной деятельности является постановление ЕС на ввоз товара. Если ранее в союз государств разрешалось провозить одному человеку 200 сигарет и 2 литра высокоградусного алкоголя, то после принятия директивы Совета ЕС 2007/74/WE от 20.12.2007 года некоторые страны-участницы разрешают провозить только 40 сигарет и 1 литр алкоголя [6]. В первую очередь, эти изменения напрямую коснулись коммерсантов, так как, в конце концов, была затронута преимущественно их сфера деятельности. Как же они отреагировали на это?

На примере румынских коммерсантов было видно, как они по-разному реагируют на существующие запреты. Получается, что установленная ранее легальная закупочная цена на сигареты более невыгодна и шансы на получение дохода значительно уменьшились. Чтобы сохранить свой бизнес в условиях увеличившихся трудностей и

риска, румыны внимательно изучают сотрудников дежурных смен на границе, методику их работы, а часть контрабандных сигарет нередко прячут под нижним бельём. Таким образом, реакция на ужесточение таможенных правил приводит к тому, что при пересечении границы используются так называемые «зелёные коридоры», т.е. происходит перемещение торговой деятельности в деятельность контрабандную. Кроме того, в результате изменений на границе торговцы закупают большее количество блоков сигарет, которые затем при прохождении границы и таможни распределяются среди своих коллег и знакомых. Благодаря этому перевозка товара остаётся легальной, и поэтому никому не надо платить никаких взяток.

Подобные способы реакции на изменение ограничений ввоза товаров в страны Европейского союза указывают на то, что когда какое-то определённое правило начинает трактоваться иначе, а коммерсанты выказывают предпочтение выбранной дежурной смене, то это свидетельствует о том, что контроль на границе выполняется не всегда одинаково. В качестве дополнения можно также отметить, что субъекты экономической деятельности при пересечении границы по-разному ориентируются на соответствующие региональные контексты в вопросах удовлетворения своих потребностей несмотря на общее ухудшение условий для своего бизнеса.

Противоположностью в стремлении к гомогенизации пограничного режима стран Европейского союза часто является конкретное осуществление предписаний, которые регулируют переход границы. Интранспоранция (непрозрачность) принципа работы органов контроля, с точки зрения лиц, пересекающих границу, становится актуальной прежде всего тогда, когда в точности неизвестно, сколько времени необходимо будет провести в очереди на пограничный и таможенный досмотр в пунктах пересечения границы, а это порой может длиться десять и более часов.

Чтобы уменьшить время ожидания и каким-то образом избежать очередей на границе, часто используется своё собственное влияние и возможности, а также неформальные связи, благодаря которым можно получить соответствующие документы, которые содействуют быстрому переходу через границу. Вот как это происходит на украинской границе:

Константин: К примеру, у коммерсанта есть связи с представителями властей, в этом случае он может составить письмо на основе деловой необходимости, и оно будет отправлено в особом порядке. Это письмо может быть подписано даже двумя лицами: одним – с украинской таможни, другим – с польской...

Денис: Ну да, если только оно кому-нибудь нужно...

Константин: Это для тех, кто ездит каждый день туда и обратно, кто ездит постоянно. У того, кто ездит один раз в месяц, могут возникнуть проблемы в получении такого письма.

Другая реакция на неопределенность времени ожидания состоит в усилении сокращать расходы на транспортировку товаров через границу. Организационная структура приспособляется таким образом к внешним условиям, пытается уменьшить этим эффект неуверенности при организации транспортировки.

Юси: И так мало-помалу становится меньше средств транспорта, сейчас есть только одно.

Интервьюер: ???

Юси: А я езжу сама. И иногда бывает так, что можно проторчать в очереди 8 часов.

Интервьюер: ???

Юси: Ничего другого не остаётся. Например, когда водитель просто сидит в машине, то это обходится от 10 до 20 евро в час и плюс ещё другие издержки, и ничего другого при этом не выходит.

Реакции на изменения пограничного режима показывают значение социальных связей для органов контроля и лиц, пересекающих границу. В тот момент, когда идет

обсуждение договорённостей, гомогенизация пограничного режима отменяется, и благодаря социальному взаимодействию между проверяющим и проверяемым происходит индивидуальное изменение пограничных регламентаций.

Выводы

Ввиду различных целей непосредственного использования границы, частично подвергается сомнению гомогенная сила порядка пограничного режима внешней границы Европейского союза. В зависимости от разнообразных локальных условий, которые зачастую бывают противоречивыми, впрочем, как и свобода действий, которая предоставляется лицам на основании их собственного, дающего власть, положения, возникает практика по изменению различного рода форм пограничного регулирования.

Некоторые из лиц на основании своего положения (например, владелец бизнеса или участник хорошо работающей системы связей) используют большую свободу действий, и их переход через границу организуется независимо от внешних условий. Другие лица всё же должны приспособлять свою деятельность, которая обеспечивает уверенность в завтрашнем дне, к заданной для них служебными структурами ситуации и условиям. Им остаётся лишь право выбрать иной переход границы или попробовать избежать какой-то определённой смены на таможне и т.п. Таким образом, для торговли можно из благоприятной ситуации извлечь выгоду, которая зависит от пересечения границы. Разумеется, многие другие граждане должны иметь в виду, что в очереди на пограничный и таможенный контроль они могут провести неопределённое время и что у них почти нет никакого влияния на внешние обстоятельства. В некоторых случаях рассматриваемые нами лица настолько бессильны перед условиями пограничного режима, что вынуждены полностью отказываться от того пункта пересечения границы, с которым ранее связывали свои надежды на получение средств к существованию.

Рассматриваемые в этих примерах люди, собственно говоря, не являются знаковыми фигурами и не находятся в центре дискуссий и решений в политической сфере по формированию единой внешней границы Европейского Союза. Однако это именно те люди, которые в своей повседневной жизни обращаются к границе, ощущают на себе те изменения, которые там происходят, и организуют свою деятельность под влиянием актуальных правил и рекомендаций. Реальность пограничного режима Европейского союза для этих людей проявляется в том, что они наиболее остро воспринимают текущие изменения. В результате можно констатировать, что необходим анализ именно этой микросферы, чтобы понять, как могут складываться отношения между политически желаемой (территориально базируемой) гомогенизацией и действительной локальной ориентацией рынка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Andreas, P. Redrawing the line / P. Andreas // *International Security*. – 2003. – № 28(2). – P. 78–111.
2. Busch, H. Vertiefen, Erweitern, Verfassung ... Wo steht die Innen- und Justizpolitik der EU? / H. Busch // *Bürgerrechte & Polizei/CILIP*. – 2002. – № 73(3/2002). – S. 6–9.
3. Jahn, S. Die Europäische Grenzschutzagentur / S. Jahn // *Die Polizei*. – 2006. – № 97(6). – S. 207–211.
4. Laitinen, K. Post-Cold War Security Borders: A Conceptual Approach / K. Laitinen // *Routing Borders Between Territories, Discourses and Practices*. E. Berg & H. Van Houtum (Eds.). – Aldershot, Burlington: Ashgate, 2003. – P. 13–34.
5. Reuber, P., Festung Europa. Grenzen im Zeitalter der Globalisierung / P. Reuber., G. Wolkersdorfer // *Berichte zur deutschen Landeskunde*. – 2005. – № 79(2/3). – S. 253–263.

6. Richtlinie 2007/74/EG des Rates über die Befreiung der von aus Drittländern kommenden Reisenden eingeführten Waren von der Mehrwertsteuer und den Verbrauchssteuern // <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2007:346:0006:0012:DE:PDF>. [Abrufdatum: 08.06.2009].

7. Simmel, G. Der Raum und die räumlichen Ordnungen der Gesellschaft / G. Simmel // Grenzsoziologie. Die politische Strukturierung des Raumes. Eigmüller, M., Vobruba, G. (Hrsg.). – Wiesbaden: VS, 2006. – S. 15–23.

8. Van Houtum, H. The European Union as Gated Community: The TwoFaced Border and Immigration Regime of the EU / H. Van Houtum, R. Pijpers // Antipode. – 2007. – № 37. – P. 291–309.

Bruns B., Miggelbring J. Eastern Border of European Council: Problems and Perspectives of Function

The authors of article focus their attention on the problems of transboundary cooperation. Authors of article address to an actual theme for today of transboundary cooperation. In the conditionsof expansion of the European Union special importance is given to the relations between the EU countries and those states which are not included into the given structure. In this situation a visa regime is a barrier not only for economic and cultural exchange? But it also inferferes but also interferes with the organisation of economic activities of small businessmen in frontier areas.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.02.10

УДК 316.74:81

Т.В. Амосова

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Беларусь является молодым независимым государством, и в связи с этим особый интерес вызывают вопросы национальной идентичности, национального единства, и, не в последнюю очередь, проблемы языкового планирования. Языковая компетенция и языковой капитал нации – это существенный экономический и культурный ресурс. В сфере основных интересов социологии языка, которой уделяется недостаточное внимание в отечественной науке, – языковая идеология, политика и практика, а также роль языка в социальной стратификации.

В статье рассмотрены некоторые вопросы истории социологии языка, основные направления и методы исследования.

Ключевые слова. Социология языка, языковая политика, языковая идеология, языковая практика, языковой капитал, символический капитал, социальная стратификация, агентство по языковому планированию.

Введение

Отечественной науке известны многообразные социологические теории среднего уровня: экономическая социология, социология управления, гендерная социология, социология медицины, семьи, спорта и чтения. Но практически нигде не говорится о социологии языка, которая решает прикладные, насущные проблемы. Язык – это не только средство коммуникации, но и мощный социальный механизм, который можно использовать как катализатор социального единства, символический капитал, указывающий на принадлежность к определенной социальной страте, а также как инструмент дискриминации и способ национальной сегрегации. Словом, у языка в обществе так много функций, что одна лингвистика, которая занимается внутренней структурой языка и его эволюцией с учетом, внутренних резервов, не может и не должна охватывать весь этот круг проблем. Языковедение – более широкий спектр дисциплин о языке, но все эти дисциплины, занимаясь строем языка, его природой, генезисом и эволюцией, игнорируют изучение мотивации к определенному языковому поведению, психологию языкового поведения, политический, идеологический и экономический аспекты языковой практики.

Социолингвистика, которая наиболее близка социологии языка, решает проблемы языковой практики на микроуровне с выходом на средний уровень, то есть на уровне индивида и социальной группы, в то время как социологию языка интересует макроуровень, уровень социума. Тем не менее, достаточно часто социология языка «захватывает» и средний уровень, то есть уровень социальной группы. Провести границы между социолингвистикой и социологией языка нелегко. Некоторые исследователи воспринимают эти понятия как синонимы. В любом случае социология языка, основной вопрос которой – языковое планирование на уровне этноса, нации и даже мирового сообщества, должна опираться на результаты социолингвистических исследований, проводимых на микроуровне.

Научный руководитель – В.И. Русецкая, доктор социологических наук, профессор, ведущий специалист Института социологии Национальной академии наук Беларуси

Результаты социолингвистических исследований находят отражение в социологических теориях общего характера. Так, понятие гиперкорректности, введенное Вильямом Лабовым и характеризующее преувеличенное употребление престижных речевых маркеров, проистекающее из желания индивида неопределенного социального статуса подчеркнуть свою близость к группе привилегированных, может быть интерпретировано в рамках теории Веблена. Концепция Веблена состоит в том, что подозрительное (слишком частое и неуместное) употребление статусных символов характерно для таких групп, как *нубориши*, которые озабочены признанием со стороны социальной элиты [8, с. 24].

Многие социолингвистические исследования примыкают к теории социальной стратификации и предоставляют ей богатую пищу для размышлений. Характерные формы речи могут проводить границы между местными и чужаками, подчеркивать социальную идентичность и сохранять ее автономность или же указывать на референтную группу.

В белорусском обществе существует заметное размежевание между городом и селом. Попыткой отчуждения от своего «сельского» прошлого у новых жителей городов выступают такие гиперкорректные формы, как «ринок», «риба», «комари». Анализ частотности подобных гиперкорректных форм в речи городских жителей может наметить подходы к исследованию проблемы миграционных процессов в Беларуси.

Итак, социология языка рассматривает такие ситуации, когда язык используется как инструмент воздействия на социум или же когда роль социума чрезвычайно активна при воздействии на язык. Приведем примеры ситуаций, составляющих проблемное поле социологии языка.

В США, где не принят федеральный закон об официальном языке (то есть в стране фактически нет официального языка, давно проводится языковая дискриминация: человек, который не знает английского языка) не может участвовать в выборах, получить водительские права и в целом испытывает на себе ряд серьезных ограничений. Во многих штатах осуществляется так называемая политика “English Only”, которая фактически стала действенным ограничителем миграции в эти штаты из Мексики и других стран Латинской Америки, а также стран Азии. Язык используется как фильтр в деле «улучшения качества» населения [12].

Другим примером использования языка как инструмента политической дискриминации может выступить ситуация в Российской Федерации, где в конституциях многих республик указано, что в президенты республики может баллотироваться только ее гражданин, знающий русский язык и язык титульной национальности. Очень немногие знают язык народа, давшего название той или иной республике. В 1998 году это уже послужило препятствием для реального претендента на пост Президента Башкирии. В Туве же, в соответствии со ст.33 Конституции этой республики только тувинский является официальным языком [4, с. 86].

Ярким примером языковой дискриминации служит поведение стороны обвинения на Нюрнбергском процессе, которую представляли американцы. В этом процессе, как известно, участвовали американская, британская, советская, французская и немецкая стороны. Обвинение настаивало на принятии к сведению судом огромного количества документов на английском языке без перевода. На Нюрнбергском процессе впервые была апробирована система автоматического устного перевода, и судейская коллегия постановила зачитывать все документы, которые обвинение считало нужным приложить к делу, вслух, что резко сократило их число. Один из обвинителей выступил с речью, направленной против генерала Йодля, заявив, что бесспорным доказательством вины генерала является его дневник, находящийся в распоряжении стороны обвинения, но из обвинителей никто по-немецки не читает, поэтому трудно сказать, что именно

содержится в этом дневнике. В свою очередь, обвиняемые оказались «на высоте», продемонстрировав преимущества билингвизма. Так, обвинение рассчитывало морально подавить Геринга. Но он знал английский язык и обдумывал ответы на вопросы, прослушивая запаздывающий перевод на немецкий язык. После этого он обескураживал обвинение утомительными, долгими ответами [14].

Часто в социуме возникает проблема использования того или иного языкового кода как маркера определенной социальной группы. Язык – это символический капитал (автор концепции символического капитала – Пьер Бурдьё), который позволяет носителю языка идентифицировать себя с той или иной социальной группой, выражая солидарность с ней. И напротив, другие могут идентифицировать его как представителя той или иной социальной группы. Акцент может выдать социальный и экономический статус человека. Эта проблема резко стоит в Израиле, где еврейское население делится на две больших этнических группы: ашкенази и мизрахи. Первые говорят на иврите с характерным ашкеназским («европейским») акцентом, а вторые, являясь выходцами с Востока, говорят на иврите с «восточным» акцентом, который считается менее престижным и указывает на более низкий социальный и экономический статус говорящих.

Изучение того, как решаются эти и подобные проблемы в других странах, может послужить хорошей базой для грамотного проведения языковой политики в нашей стране и создать прочную основу для успешной межкультурной и межнациональной коммуникации. Целью настоящей статьи является рассмотрение проблемных полей социологии языка, основных категорий социологии языка и методов исследования, характерных для данной дисциплины.

История социологии языка и основные направления исследований

Автором самого термина «социология языка» и пропагандистом социологии языка как теории среднего уровня является известный ученый Джошуа Фишман. С середины 1960-х годов он выступал и по сей день выступает автором и соавтором многочисленных работ в области социологии языка. С 1974 года под редакцией Джошуа Фишмана выходит «Международный журнал социологии языка» (*International Journal of the Sociology of Language*). Таким образом, наша дисциплина насчитывает более сорока лет своей истории.

Как пишет сам основатель этой отрасли социологии в предисловии к первому номеру «Международного журнала социологии языка» (МЖСЯ), существует два полярных взгляда на язык. С одной точки зрения, язык – это нечто природное, чем можно восторгаться, что можно описывать, но этим нельзя управлять, это нельзя контролировать и изменять. Другие смотрят на язык как на инструмент, который можно отвергнуть в случае необходимости, можно принять, словом, язык – это то, на что можно влиять. Между этими двумя способами понимания одного явления есть не только место, но и необходимость для социологии языка. Джошуа Фишман обещает, что авторы нового журнала будут давать сбалансированный подход к языку как социальному феномену: «Помимо двух взглядов, упомянутых выше, должно быть понимание того, что человек живет в поразительно разнообразном социальном мире, и что, поэтому существует такой же поразительно разнообразный набор рациональных взглядов, явного поведения, скрытой готовности и эмоциональных установок по отношению к языкам и языковым вариациям социальной реальности. Социология языка стремится, прежде всего, вскрыть и понять часть этой реальности, которую другие подходы не признают (конечно, имея свои собственные достоинства)». И далее: «Это правда, что социология языка (и МЖСЯ) должна бороться с невежеством лингвистов, которые считают общество приводящим в замешательство перечнем «социальных проблем» и признают «разговоры» единственным социальным контекстом языковой структуры и структуриро-

ванного использования языка. В равной степени, правда, что социология языка (и МЖСЯ) должна бороться с невежеством представителей социальных наук, которые считают лингвистику близорукой озабоченностью «смешными звуками» и «смешными транскрипциями». Это правда, что социология языка должна демонстрировать понимание и концептуально интегративную изобретательность во *взаимодействии социологии и лингвистики друг с другом* [9, с. 6–7].

Автор настоящей статьи встречала такие англоязычные монографии, как «Социология арабского языка», «Социология идиша». Это указывает на то, что в рамках нашей дисциплины проблемы этнической и языковой идентичности предстают в качестве ключевых, но далеко не единственных.

Практически все социологи языка пытаются дать определение трем основным понятиям, составляющим ядро категориального аппарата социологии языка: это *языковая идеология, языковая политика и языковая практика*.

Кэтрин Вулард и Бэмби Шиффелин дают множество определений категории «языковая идеология» в одной из своих статей: это и «ряд представлений о языке, выражаемых пользователями, как рационализация и оправдание принятой языковой структуры и использования языка»; и «очевидные идеи и факты, которых группа придерживается в отношении ролей языка в социальном опыте членов группы в той мере, в которой члены группы участвуют в выражении идентичности группы»; это и «культурная система идей о социальных и языковых отношениях, вместе с несомой ими нагрузкой моральных и политических интересов», но в самом общем виде это «диктуемые здравым смыслом и разделяемые всеми представления о природе языка в мире» [17, с. 57].

Авторы дают исчерпывающий анализ представлений о том, что же такое языковые идеологии. Последние существенным образом отражаются на усилиях по языковому планированию. На самом фундаментальном уровне можно различить три подхода к языку: как к ресурсу, проблеме и праву. Для языкового планирования в постколониальных обществах оказывается применимой модель развития, следующая парадоксальной идеологической установке, что языки, как и общества, могут быть недостаточно развитыми.

«Представления о том, что является, а что не является настоящим языком, и подчеркивание этих представлений, а также идеи о том, что существуют четко идентифицируемые языки, которые могут быть изолированы, поименованы, посчитаны, входят в стратегию социального доминирования. Такие представления и соответствующие им стратегии ранжирования языков как более или менее развитых, были существенным вкладом в глубокомысленные решения о, например, гражданственности или даже человечности субъектов колониального доминирования. Эти представления также квалифицируют или дисквалифицируют речевые вариации в определенных случаях институционального использования, а также поощряют или лишают носителей этих вариаций доступа в привилегированные общественные сферы. Языковое смешение, переключение кодов, креольские языки часто оцениваются как признак более низких языковых способностей, чем требуется...» [17, с. 63].

При всей полноте определений, которые предложили Вулард и Шиффелин, осталось место для уточнения понятий *языковой идеологии, политики и практики*, чем воспользовались известные израильские социологи языка Бернард Спольский и Илана Шохами, которые в 1999 году выпустили книгу, посвященную языковой идеологии, политике и практике в Израиле. По их мнению, языковая практика речевой общности – это привычная модель выбора среди речевых разновидностей, составляющих лингвистический репертуар данной общности, языковая идеология – это представления о языке и его использовании, а также любые специальные усилия, направленные на то, чтобы модифицировать эту практику или повлиять на нее посредством формулировки специальной языковой политики [16, с. 32].

Спольский и Шохами определяют языковую политику как явное утверждение, иногда документально оформленное, касающееся использования языка. Если еще больше сузить смысл термина, то инстанция, проводящая языковую политику, должна пользоваться авторитетом в глазах тех, кто будет следовать этой политике. В противовес этому «идеология» – набор представлений языковой общности о языке, а «практика» – это внутренние правила, которые лежат в основе использования языка той или иной общностью. Они не обязательно должны совпадать.

Спольский и Шохами приводят высказывание одного новозеландского судьи, который отметил, что «закон, делающий маори официальным языком – *политика* в нашей терминологии – не изменил общей *практики* использования английского для большинства общественных целей, основанной на *идеологии*, утверждающей значимость английского как единственно необходимого языка» [16, с. 32].

Термин «языковая политика» появился не так давно, в 1945 году в одной из работ Цеболлеро (Cebolloero) [16, с. 32]. К настоящему моменту языковой политикой занимаются многие ученые, представляющие различные отрасли общественно-гуманитарного знания. Поначалу считалось, что вопросы языковой политики тесно связаны с проблемами прикладной лингвистики, но позже пришло осознание того, что языковая политика имеет прямое отношение к политическим наукам и общественному администрированию. Автор настоящей статьи убеждена, что языковая политика – это предмет исследования социологии языка.

Особый интерес для социологов языка представляют *агентства, занимающиеся языковым планированием и языковой политикой*. Такие агентства представляют собой социальные институты с разным перечнем полномочий, разной степенью влияния на общество, разными функциями и задачами. Языковой политикой может заниматься как специальная научно-исследовательская структура, так и президент страны или парламент. Главой государства могут инициироваться референдумы в отношении использования официального языка или языков, как это было в Беларуси. Очень часто в языковую политику и языковое планирование в разных странах вовлечены учреждения, имеющие многовековую историю.

Как пишет Моше Нахир, Академия Французского Языка была основана в 1635 году по инициативе кардинала Ришелье, когда выяснилось, что девять человек собираются по привычке в доме Валентина Конрара с 1629 года и обсуждают языковые вопросы. Ришелье предложил им осуществлять их деятельность официально, под сенью государственной власти, следуя примеру Итальянской академии, возникшей в XVI веке. По мысли Ришелье, это учреждение должно было стать правительственным департаментом, таким же, как департаменты экономики или права. Вопрос о языке стоял остро, поскольку Франция не была единой в языковом отношении. Ришелье планировал с помощью унификации языка решить проблему объединения и солидаризации нации [13, с. 21–22]. Языковой политике монолингвизма, которая была так близка Ришелье и в целом нацелена на консолидацию нации, посвящена одна из публикаций автора настоящей статьи [2].

Функции агентств, проводящих языковую политику, могут различаться в зависимости от исторической, политической, экономической и культурной ситуаций в той или иной стране. Тот же Моше Нахир выделяет пять основных функций: функцию «очищения» языка, функции возрождения, реформирования, стандартизации языка и функцию лексической модернизации [13]. «Очистительная» функция (purification) была и остается основной для Академии Французского Языка. А вот последняя функция наиболее характерна для Академии Языка Иврит.

Социология языка является исключительно развитой отраслью социологии в Израиле, поскольку язык там представляет собой ключевой элемент государственной идеологии, как и во многих других странах. Израиль является поликультурным обществом, стремящимся к национальной унификации, ради чего и проводилась с момента возникновения государства политика «плавильного котла». Но в последнее время идеологи и практики в области

социокультурной политики пришли к пониманию того, что необходимо сохранять то культурное и, главное, языковое многообразие, которым в силу исторических и политических причин обладает население Израиля.

Академия Языка Иврит, основанная в 1953 году, выполняет задачу по производству ивритской терминологии для всех сфер жизнедеятельности израильского общества, а также диктует речевую норму, или стандарт, для всех учреждений, так или иначе связанных с государственным аппаратом. Академия поддерживает государственную идеологию, что выражается в противостоянии новым теориям, раскрывающим природу современного израильского иврита, и финансируется тоже государством.

Взаимоотношения агентств по языковому планированию с другими социальными институтами тоже представляют особый интерес для социологии языка. Крайне важным для успеха таких агентств является то, санкционируется ли их деятельность государством, способствуют ли другие социальные институты их деятельности или, наоборот, препятствуют. В Израиле, например, где большинство населения проходит срочную военную службу, армия содействует насаждению языкового стандарта, вырабатываемого Академией Языка Иврит.

Методы работы агентств по языковому планированию вызывают особый интерес. Именно они должны привлечь внимание отечественных специалистов в области языковой политики. В Израиле, например, население активно привлекается к словотворчеству. Всем заинтересованным лицам предоставляется возможность предложить свою версию еще не существующего термина, а потом члены Академии Языка Иврит путем голосования на заседании Академии выбирают наиболее приемлемые варианты.

В Японии тоже существуют два института, занимающихся прикладными исследованиями в области языкового планирования, выработкой и поддержанием языковой нормы. Это Государственный институт японского языка и Институт культуры радио- и телепередач. Каждый из институтов принадлежит ведомствам, в руках которых сосредоточены установление и поддержание языковой нормы в Японии. Государственный институт японского языка принадлежит министерству просвещения, Институт культуры радио- и телепередач – государственной радио- и телекомпании NHK. В.М. Алпатов пишет: «Каждое из ведомств пользуется законодательными правами по определению языковых норм в пределах своей сферы – соответственно в учебной литературе и в передачах NHK. Институты играют роль центров, разрабатывающих эти нормы. Вне указанных сфер строгого поддержания норм нет, поэтому в литературе частных издательств, в передачах частных компаний возможны определенные отклонения от них» [1, с. 124].

Исследования, нацеленные на повышение результативности языкового планирования, проводятся по детально разработанной методике, позволяющей отобрать должное количество информантов, надежно представляющих те или иные социальные, возрастные и образовательные группы. При этом используются методы математической статистики, психологические и другие методы. В.М. Алпатов приводит пример одного из тестов по отбору испытуемых для социолингвистического исследования. Кандидатам в испытуемые предлагалось посмотреть мультфильм, в котором постепенно собака превращалась в кошку; определялось, в какой момент это отметил тот или иной информант, что указывало на тонкость восприятия. В результате опыта кандидатуры людей с лучшими и худшими результатами отклонялись и к анкетированию допускались лишь лица с наиболее усредненной реакцией, которые имели больше шансов считаться типичными носителями языка. Логика у японцев достаточно странная, но они соотносят способности индивида во владении родным языком со способностями совершенно иной природы, такими как внимательность, наблюдательность и т.д. Подобные тесты позволяют судить о владении языком больших масс населения на основе опроса ограниченного числа (десятков или сотен) людей [1, с. 125–126].

Методы исследований

Социология языка за многие годы своего существования выработала основные методы сбора и обработки данных. Большинство этих методов можно признать традиционными для прикладной социологии в целом.

Опрос во всех его разновидностях является *ключевым методом сбора информации* в социологии языка. Если в социолингвистике исследователей интересуют речевые формы, которым отдают предпочтение информанты, и методы сбора такой информации могут варьировать, от неформализованного интервью и теста на грамотность до включенного наблюдения, то для социологов языка, часто исследующих мотивацию к тому или иному языковому поведению, характерно использование анкетного опроса. Билингвизм, или владение двумя и более языками, является достаточно частым предметом, исследуемым в рамках нашей дисциплины с помощью опросного метода.

Ранее считалось, что случаи билингвизма представляют собой одинаково хорошее владение человеком двумя и более языками. Если подходить к билингвизму с такой позиции, то не удастся выявить сколько-нибудь значительного числа билингвов, в то время как на самом деле огромное количество людей пользуется на практике более чем одним языком. Причем использование того или иного языка напрямую зависит от социального контекста, социальной ситуации или социальной сферы. Например, с друзьями человек общается на одном языке, а с зарубежными партнерами по бизнесу – на другом. Это часто касается профессиональной терминологии: например, в балете профессиональным языком является французский язык, в оперном искусстве – итальянский и т.д. Все это создает предпосылку для переключения языковых кодов, когда человек понимает, что какие-то области социального бытия и своей жизнедеятельности ему легче описать и обсудить на одном языке, а какие-то на другом. И механизмы переключения кодов (т.е. внутренняя логика этого психологического процесса, с точки зрения билингва), и мотивация к изучению новых языков – все это исследуется в рамках социологии языка с применением метода анкетного опроса.

К подобного рода исследованиям относятся исследование Э. Бен-Рафаэля и Хези Броша о причинах того, почему арабский язык, являясь официальным языком Израиля, не изучается в израильских школах в должной мере [7], и исследование Фаууаза Аль-Абеда Аль-Хака об изучении иврита в Иордании [5]. Авторы обоих исследований приходят к похожим результатам. На имидж языка и на его привлекательность влияет характер его носителей в глазах респондентов. Арабский ассоциируется с образом арабского врага у израильтян, а иврит – с образом «израильского соседа» у иорданцев. Это, естественно, влияет на мотивацию к изучению этих языков и на их статус как учебных дисциплин.

В социологии языка для сбора информации традиционно используется метод интервью (одна из разновидностей опросного метода). В книге Даниэля Лефковица «Слова и камни», посвященной социолектам в Израиле и вариациям языка как маркерам социальной стратификации, содержится достаточно много транскриптов неформализованных интервью, проведенных в основном с арабами-израильтянами и с евреями – представителями восточных общин.

Тот же автор предлагает нам пример использования метода наблюдения, когда он проводит общественную работу в общинных центрах и наблюдает за использованием языка, за частотностью употребления заимствований из английского и т.д. Д. Лефковиц также описывает случай спонтанного наблюдения, когда он случайно становится свидетелем переключения языковых кодов. С незнакомцем-исследователем молодой израильтянин говорит на иврите с «престижным» ашкеназским акцентом, с пожилым водителем такси, которого он определил как представителя своей, «восточной» группы – на иврите с «восточным» акцентом [11].

Аналіз інфармацыі в социологии языка тоже проводится с помощью традиционных социологических методов – количественных и качественных. Исследователи активно привлекают для решения своих научных задач факторный анализ.

Распространенным методом анализа информации является контент-анализ. Речевые клише часто отражают социальные стереотипы. В социологии языка особое внимание уделяется гендерным стереотипам, для исследования которых посредством этого метода анализируется как художественная литература, так и пресса [6].

Примером исследования, проведенного в рамках социологии языка методом анализа дискурсов, является работа Рона Кузара. Он написал книгу о взаимовлиянии языковых и политических предпочтений видных общественных деятелей Израиля. Автор изучил их биографии, их высказывания о языке и политике, их личную переписку и пришел к выводу, что националистическая идеология и мифы о языке неразрывно связаны друг с другом. Порождение мифов о языке – это специальная задача для идеологов-практиков. Истории создания таких мифов как особые дискурсы и рассмотрены Роном Кузаром, который понимает дискурс как *традицию* обсуждения какого-либо политического или социального феномена, в данном случае – языка [10].

Анализ документов тоже нашел свое применение в данной дисциплине. Во-первых, исследуются тексты законов о языке в конституциях разных стран. Во-вторых, если документ воспринимать в более широком значении, то удачный пример применения этого метода можно обнаружить в классической работе Б. Спольского и Р. Купера «Языки Иерусалима», где в качестве документов выступили вывески на магазинах и общественных учреждениях, а также дорожные указатели. Авторы исследуют, какие языки представлены в этих «документах», какова последовательность языков надписей на дорожных указателях и на вывесках. Авторам удалось проследить динамику социальных и политических изменений по документам такого рода, поскольку надписи на каких-то языках уничтожались в зависимости от политической ситуации, менялась последовательность языков на вывесках и т.д. [15].

Итак, методы социологии языка традиционны для социологии вообще. Пожалуй, трудно выделить какие-то специфические методы, характерные исключительно для данной дисциплины. Специфика будет заключаться скорее в предмете и объекте. Предметом могут служить социолекты, или речевые варианты, а объектом – группы носителей этих речевых разновидностей. Вильям Лабов стал известен благодаря тому, что изучал социолекты Нью-Йорка. Для его исследований было принципиально измерить речевую вариативность. Но это, скорее, микроуровень, т.е. уровень социолингвистики [3].

В. Лабов изучал, как меняется частотность употребления конечного [r] в словах в зависимости от принадлежности испытуемого к той или иной социальной страте. В отличие от британского английского, в американском английском более престижным вариантом языка считается тот, где [r] произносится на конце слов. Следует отметить, что Лабов проводил свои исследования в 70-х годах прошлого века, и ситуация с дистрибуцией [r] могла измениться с тех пор. Важно следующее: он сделал вывод, что представители высших слоев общества позволяют себе и тот, и другой вариант речи, а представители более низких слоев используют только непрестижный вариант. Это говорит о том, что представители высших слоев общества осознанно маркируют свой высокий статус определенным типом речи, когда этого требует ситуация.

Выводы известного исследователя еще раз подчеркивают, что область интересов социологии языка расположена очень близко к тем проблемам, которые решает теория социальной стратификации.

Заклучение

Краткий обзор основных направлений исследований в области социологии языка наметил, как кажется автору данной статьи, интереснейшие перспективы для отечественной

науки, для практиков в области языкового планирования. Языковой аспект является важным для многих социальных сфер, таких как образование, международные контакты, международное право, миграционная политика; это важнейшая сторона деятельности масс-медиа.

Особенности словоупотребления в масс-медиа давно стали краеугольным камнем при создании определенных социальных мифов. Сейчас проводится много социологических исследований, связанных с воздействием рекламы на аудиторию, да и с созданием рекламы. Нужно помнить, что слово – это основное средство воздействия на сознание, поэтому пренебрегать его социальной ролью нельзя.

В эпоху глобализации языковой вопрос приобретает предельную остроту. Количество языков на планете неизбежно уменьшается, и особую значимость получают языки наций – планетарных лидеров. Нас вынуждают становиться билингвами. Это языковое давление имеет и позитивную, и негативную стороны. Хорошо, что мы приобретаем доступ к новым каналам информации и получаем дополнительные возможности профессионального роста благодаря знанию других языков, но плохо то, что принцип языковой дискриминации становится мощным механизмом деления людей на «первый» и «второй» сорт. В некоторых странах, таких как Китай, Южная Корея, Израиль, человек не может рассчитывать на хорошую работу без знания английского языка.

Несмотря на то, что в современном мире смерть языка – это почти нормальное явление и постепенно человечество подходит к языковой унификации, уже наметилась тенденция, противостоящая культурному и языковому «усреднению» всей планеты. Основная черта политики Европейского Союза в отношении языков – это поддержание языкового разнообразия. Внутри ЕС существуют многочисленные программы, поощряющие развитие наименее изучаемых языков Европы и языков с небольшим числом носителей (TEMPUS и другие). Например, на датском языке говорят только 5 млн. человек, а на эстонском – около 1 млн. человек с учетом 500 тыс. русскоговорящих граждан Эстонии. ЕС следит за тем, чтобы ни один из европейских языков не подвергся дискриминации, чтобы на всех языках производилось радио- и телевидение, чтобы издавались учебные пособия по всем европейским языкам.

Для нашей страны крайне важно придерживаться таких же демократических принципов в языковой сфере и поддерживать государственное двуязычие. Это означает, что ни один из государственных языков не должен быть ущемлен в своем статусе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В.М. Япония: язык и общество / В.М. Алпатов. – Москва : Муравей, 2003. – 195 с.
2. Амосова, Т.В. Монолингвизм как полифункциональный тип языковой политики / Т.В. Амосова // Социологическое знание и социальные процессы в современном белорусском обществе : сб. статей, подготовленных по итогам Пятой межинститутской науч.- практ. конференции молодых ученых, 24 июня 2005 г. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Евелькин [и др.]. – Минск, 2005. – С. 108–116.
3. Белл, Р.Т. Социоллингвистика: Цели, методы, проблемы / Р.Т. Белл. – Москва : Наука, 1980. – 318 с.
4. Дробижева, Л. Возможность либерального этнонационализма / Л. Дробижева // Аналитич. сер. / Моск. центр Карнеги. – Москва, 2000. – Вып. 3: Реальность этнических мифов. – С. 77–94.
5. Al-Abed Al-Haq, F. A sociolinguistic study of Hebrew in Jordan / F. Al-Abed Al-Haq // International Journal of the Sociology of Language (Int'l. J. Soc. Lang.). – 1999. – № 140. – P. 45–58.

6. Ariel, M. A self versus other point of view in language: redefining femininity and masculinity / M. Ariel, R. Giora // *Int'l. J. Soc. Lang.* – 1998. – №129. – P. 59–86.
7. Ben-Rafael, E. A sociological study of second language diffusion: the obstacles to Arabic teaching in the Israeli school / E. Ben-Rafael, H. Brosh // *Language Problems and Language Planning.* – 1991. – Vol.15. – № 1. – P.1–24.
8. Ben-Rafael, E. Language, identity and social division: case of Israel / E. Ben-Rafael. – New York : Oxford University Press Inc., 1994. – 462 p.
9. Fishman, J. Introduction / J. Fishman // *International Journal of the Sociology of Language.* – 1974. – № 1.
10. Kuzar, R. Hebrew and Zionism / R. Kuzar. – Berlin-New York : Mouton de Gruyter, 2001. – 324 p.
11. Lefkowitz, D. Words and stones: the politics of language and identity in Israel / D. Lefkowitz. – Oxford–New York : Oxford University Press, 2004. – 316 p.
12. Mora, M.T. State English-only policies and English-language investments / M.T. Mora, A. Davila // *Applied Economics.* – 2002. – № 34. – P. 917–929.
13. Nahir, M. Language academies, language planning, and the case of the Hebrew revival / M. Nahir. – Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 1973. – 213 p.
14. Smith, B.F. Reaching Judgment at Nuremberg / B.F. Smith. – London : Andre Deutsch, 1977. – 465 p.
15. Spolsky, B. Languages of Jerusalem / B. Spolsky, R.L. Cooper. – New York : Oxford University Press, 1991. – 167 p.
16. Spolsky, B. The languages of Israel: policy, ideology and practice / B. Spolsky, E. Shohamy. – Clevedon: Multilingual Matters Ltd., 1999. – 299 p.
17. Woolard, K.A. Language ideology / K.A. Woolard, B.B. Schieffelin // *Annual Review of Anthropology.* – 1994. – № 23. – P. 55–82.

Amosova T.V. Sociology of Language: Research Field and Methods

Belarus is a young independent nation, and concerning this the questions of national identity, national unity and problems of language planning are of paramount importance now. Linguistic competence and linguistic capital of the nation are significant economic and cultural resources. Language ideology, policy and practice as well as the role of the language in social stratification are amongst the leading themes of the sociology of language.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 18.12.09

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Абраменка А.Г. – асістэнт кафедры палітычнай сацыялогіі Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Ф. Скарыны

Амосава Т.У. – старшы выкладчык кафедры культуралогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Антановіч Н.А. – кандыдат палітычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Брунс Бэтціна – доктар, навуковы супрацоўнік інстытута геаграфіі імя Г. Лейбніца (г. Лейпцыг, Федэратыўная Рэспубліка Германія)

Брэская В.Ю. – кандыдат сацыялагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ватыль В.М. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы

Гусеў А.В. – кандыдат філасофскіх навук, першы намеснік Інфармацыйна-аналітычнага цэнтры пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь

Кліцунюў А.І. – аспірант Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, прэ-сакратар Віцебскага аблвыканкама

Лысюк А.І. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Мацэвіч М.Я. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі і метадалогіі навукі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Мігельбрынк Юдзіт – доктар, навуковы супрацоўнік інстытута геаграфіі імя Г. Лейбніца (г. Лейпцыг, Федэратыўная Рэспубліка Германія)

Мудроў С.А. – выкладчык кафедры прафесійнай іншамоўнай падрыхтоўкі Баранавіцкага дзяржаўнага ўніверсітэта, суіскальнік Інстытута сацыялогіі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Назарэнка Л.Я. – старшы выкладчык кафедры грамадскіх навук Гродзенскага дзяржаўнага аграрнага ўніверсітэта

Санюк Н.У. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры фінансаў Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта

Свідэрскі Анджэй В. – ад’юнкты Інстытута педагогікі Акадэміі Падляскай (г. Седльцэ, Рэспубліка Польшча)

Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Рашэтнікава Т.С. – навуковы супрацоўнік Цэнтры сістэмнага аналізу і стратэгічных даследаванняў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

Трамбіцкі У.У. – старшы выкладчык Міжнароднага гуманітарна-эканамічнага інстытута

Якавук Т.І. – доктар сацыялагічных навук, кандыдат культуралогіі, дацэнт, прафесар кафедры тэорыі і методыкі эстэтычнай адукацыі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Ярмох Эдвард – доктар сацыялагічных навук, прафесар педагогікі, намеснік дэкана гуманітарнага факультэта па навуцы Акадэміі Падляскай (г. Седльцэ, Рэспубліка Польшча)

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносаў.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова дадаюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнасю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *М.М. Аляшчэня, Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *А.Я. Кулай, С.М. Мініч*

Подписано в печать 16.06.2010. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 18,83. Уч.-изд. л. 16,27.
Тираж 100 экз. Заказ № 402.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.